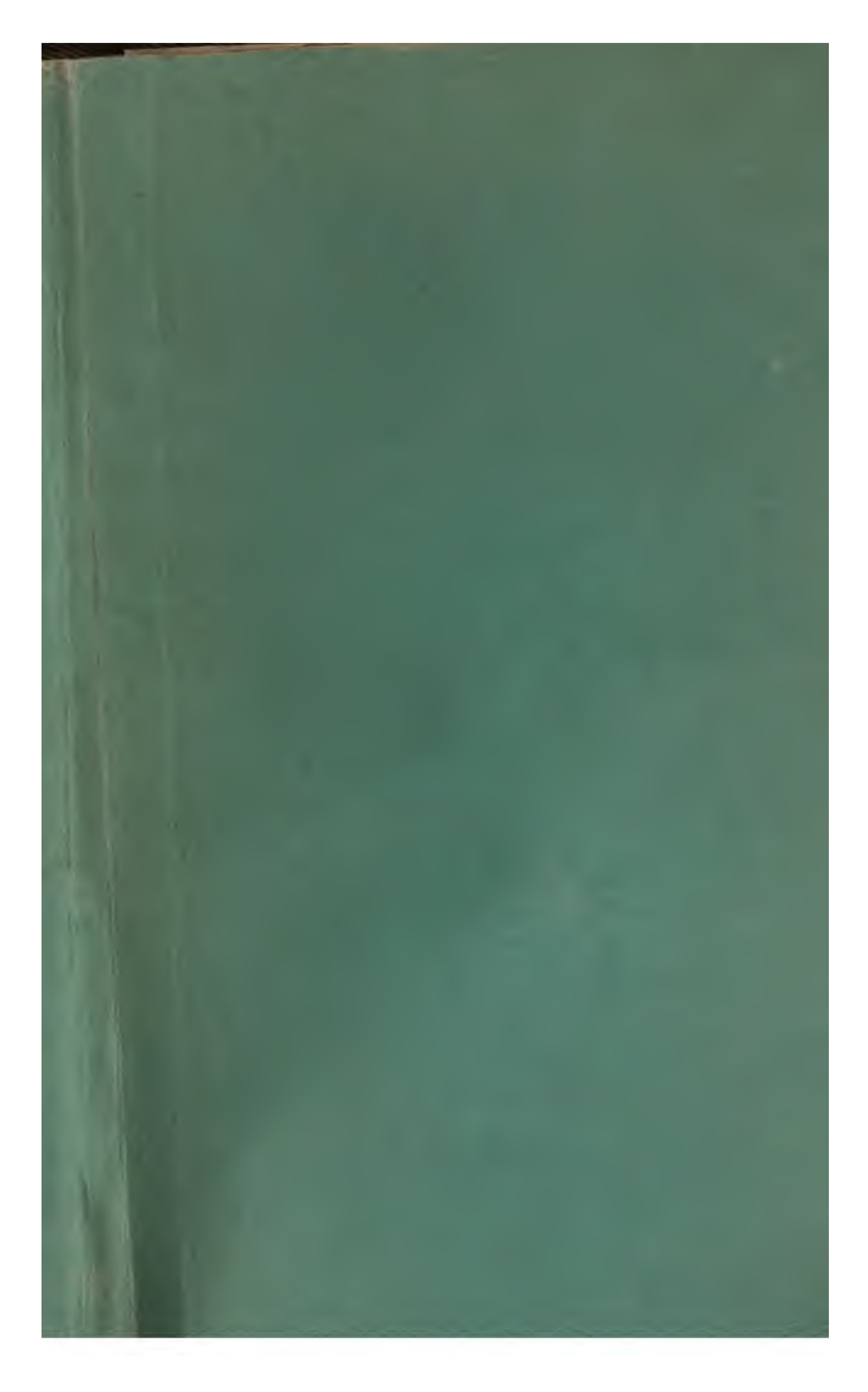

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ИСТОРІЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

III.

Polevoi, N.A.

//

ИСТОРІЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

сочиненіе

НИКОЛАЯ ПОЛЕВАГО.

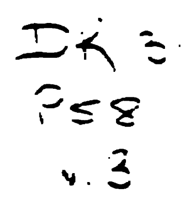
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи К. Жернакова.

1843.

LK

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 22-го Августа, 1842 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

РАЗСКАЗЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ЦАРЯ ЗА ГРАНИЦУ. ВОЗОБНОВЛЕНІЕ СОЮЗОВЪ. КАРЛЪ XII-Й ВЪ ТУРЦІИ.

1709 г.

И міръ отрянулъ: «Слава!»
Давно ли, хищникъ, пожиралъ
Ты взоромъ наши грады?
Бѣги—твой конь и всадникъ палъ,
Твой слѣдъ костей громады!

Жуковскій.

Такъ совершилась великая битва Полтавская и погибло Шведское войско, съ величіемъ Шведскаго королевства и славою своего Короля. Не можемъ не остановиться на событіи безсмертномъ въ лѣтописяхъ Россіи и Русскаго войска.

Яркимъ свѣтомъ горитъ Полтавская побѣда среди всѣхъ другихъ дѣяній Петра Великаго. *Полтавская битва* соединена съ именемъ Петра въ преданіи народномъ, какъ съ именемъ Димитрія Донскаго *битва Куликовская*, съ именемъ Іоанна *взятіе Казани*. Дѣйствительно, немного найдемъ примѣровъ побѣдъ въ лѣтописяхъ военныхъ, слѣдствія, коихъ бы-

ли бы столь обширны. «Болѣе двухъ сотъ битвъ было дано въ Европѣ съ начала нашего вѣка,» говорилъ Вольтеръ въ 1731 году, «но побѣды самыя рѣшительныя и кровавыя были послѣдуемы только завладѣніемъ какихъ нибудь небольшихъ областей, уступленныхъ потомъ по трактатамъ и снова отнятыхъ битвами. Часто сражались по сту тысячь человѣкъ съ каждой стороны, но величайшія усилія были послѣдуемы успѣхами слабыми и мимолетными, великими средствами производили малыя дѣла. Нѣтъ въ исторіи новыхъ народовъ ни одной войны, которая благомъ вознаградила бы зло, ею причиненное, но изъ битвы Полтавской послѣдовало благоденствіе обширнѣйшаго въ мірѣ государства.» Справедливо, но только не вполнѣ, ибо почитая Полтавскую битву *главнымъ подвигомъ Петра Великаго* и *рѣшеніемъ борьбы его съ Карломъ XII-мъ*, мы далеко не поймемъ всей обширности генія нашего безсмертнаго царя, если не вспомнимъ *предшествовавшаго Пол-*

тавѣ и *послѣдовавшаго* послѣ сей великой битвы.

Мы уже имѣли случай соображать великія дарованія *царя* и *полководца*, показанныя Петромъ съ начала Шведской войны до похода Карла XII-го въ Россію. Нельзя безъ изумленія видѣть послѣдовавшихъ послѣ того дѣлъ его въ 1708 и 1709 году, нельзя не изумляться дѣятельности душевной и тѣлесной, показанной Царемъ въ сіи два года. Оставленный всѣми, грудь съ грудью сошедшійся съ своимъ непримиримымъ соперникомъ, какую предусмотрительность являетъ онъ, когда уничтожаетъ первый планъ своего противника, при вторженіи его въ Россію! Какая вѣрность, когда опредѣляетъ и выдерживаетъ онъ свой новый планъ, и принимаетъ образъ войны, доведшій Шведскаго героя въ концѣ 1708 года до состоянія погибельнаго! Какъ геніяльно разочтена была битва подъ Лѣснымъ, и какъ искусно ведена была зимняя компанія 1708–1709 года! И между тѣмъ Польша удер-

жана, Петербургъ защищенъ, Турція отвлечена отъ пособія Шведамъ, измѣна Мазепы учинена безплодною, бунты Запорожцовъ и Донцовъ задушены. Вотъ что *предшествовало* Полтавской битвѣ, и такими дѣлами, при невѣроятномъ трудѣ, *приготовлена была* Полтавская побѣда. Она была уже вѣрнымъ, безспорнымъ слѣдствіемъ того, что замыслилъ и исполнилъ Царь съ самаго вторженія Шведовъ въ Россію, и только соображая сіи предшествовавшія дѣла, мы постигнемъ величіе побѣды Полтавской. Обращаемся къ послѣдствіямъ.

Безспорно, полтава рѣшила споръ Петра съ Карломъ, но *неокончательно*. Новыя обширныя мѣры, какъ полководецъ, какъ царь, долженъ былъ обнять въ умѣ своемъ Петръ Великій, дабы извлечь всѣ выгоды изъ перваго рѣшенія спора въ его пользу. Уже не столь тяжкій, но еще ужасающій огромностью трудъ предлежалъ ему довершить свое дѣло. Побѣжденный Король Шведскій былъ еще

живъ, и могъ ожить духомъ, могъ отдохнуть отъ своего пораженія. Правда, въ послѣдніе два года, походъ его въ Россію доказалъ, что ни лѣта, ни опытъ не могли исправить недостатковъ его характера, страннаго соединенія ума и безразсудства, твердаго мужества и безумной отваги, военныхъ дарованій полководца и безотчетной наѣзднической удали, духа непоколебимаго въ бѣдствіяхъ и упадающаго при ничтожной неудачѣ, иногда для того, чтобы тѣмъ могущественнѣе возстать потомъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ и все поставить опять на первую удачу, на первую безразсчетную опасность, коихъ жадно искалъ неукротимый, буйный духъ Карла XII-го. Такой соперникъ былъ еще страшенъ, при обширныхъ средствахъ, какія ему оставались. Униженная гордость, необходимость защищать себя, народная ненависть могли одушевить Швецію, хотя истощенную, хотя потерявшую лучшее войско, но еще неприкосновенную въ ея родныхъ предѣлахъ. Можно было надѣяться,

что послѣ Полтавской битвы найдутся Царю помощники, но съ тѣмъ вмѣстѣ должны были начаться споры, притязанія, крамолы политическія. Уже на опытѣ извѣдалъ Царь своихъ союзниковъ, и онъ могъ всего опасаться, даже отъ самаго недовѣрія ихъ при усиленіи Россіи, съ паденіемъ Карла XII-го величественно являвшейся среди сильныхъ государствъ Европы, когда Царь не могъ удовольствоваться прежними, умѣренными требованіями отъ Швеціи. Онъ уже предположилъ тогда присоединить къ Россіи не Ингерманландію только, но все прибрежье Балтійское до Курляндіи, крѣпко оградить себя со стороны Финляндіи, властвовать Польшею и Курляндіею, вдвинуться въ предѣлы Европейскихъ государствъ. Предпріятія столь обширныя, и безъ особенныхъ препятствій, требовали рѣшеній смѣлыхъ, исполненія быстраго, предусмотрительности въ соображеніяхъ и средствъ великихъ, когда Россіи нелегко достались побѣды и торжество 1709 года. Увидимъ, что Царь до-

стигнетъ всюду своей цѣли, но въ достиженіи ея сознаемъ мы снова всю мудрость монарха, умѣвшаго заставить судьбу отдать ему все, за что ручались ему счастіе и умъ, увидимъ его непоколебимо твердаго, вѣрнаго цѣли своей въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, въ которые еще продолжалась Шведская война, увидимъ и сознаемъ, что только геній Петра силою своею могъ извлечь изъ Полтавской побѣды тѣ великія слѣдствія, какія приписываютъ единственно ужаснувшему и изумившему всѣхъ грому Полтавской побѣды.

Такъ послѣ сего великаго сраженія не остановился Царь, не думалъ отдыхать, не положилъ меча, не позабылъ о средствахъ въ будущемъ. Онъ предвидѣлъ, что Полтавская побѣда, изумляя своею славою, опять соединитъ противъ Швеціи Польшу, Пруссію, Данію, и уничтожитъ бодрость Шведовъ. Пока изумленіе не перейдетъ въ разсчетъ и зависть, пока Турція и другія государства не рѣшатся помогать Карлу XII-му, пока самые союзники

Россіи не сдѣлаются врагами ея и не поссорятся между собою за дѣлежъ добычи, пока наконецъ отчаяніе не одушевитъ Шведовъ и Карлъ XII-й не опомнится отъ пораженія, Царь хотѣлъ ускорить завоеваніемъ Ливоніи, Эстоніи, Финляндіи, и укрѣпить ихъ себѣ. Ему надобно было между тѣмъ стараться отклонить Турцію отъ союза съ Швеціею, утвердить союзъ съ Польшею, Пруссіею и Даніею, заставить ихъ дѣйствовать, и уже тогда приступить къ довершенію миромъ труда многолѣтняго. При великихъ надеждахъ, какія давала побѣда, Царь помнилъ, какъ увидимъ далѣе, о превратности жребія человѣческаго, не хотѣлъ пренебречь и побѣжденнаго врага.

Такъ располагая мудрыя мѣры въ будущемъ, Царь мгновенно перемѣнилъ прежній планъ войны, медленный, осторожный. Быстро, поспѣшно двинулъ онъ войска свои въ Польшу и Остъ-Зейскія области, спѣшилъ самъ видѣться съ союзниками своими, хотѣлъ немедлен-

но уничтожить Станислава въ Польшѣ, заботясь о мирѣ съ Султаномъ.

Въ половинѣ Іюля войско Русское перешло отъ Полтавы къ Рѣшетиловкѣ. Проживши здѣсь до 20-го Іюля, Царь прибылъ въ Кіевъ, и пробылъ тамъ до 15-го Августа.

И въ Рѣшетиловкѣ и въ Кіевѣ громада разнообразныхъ дѣлъ занимала Царя—распредѣленіе войскъ, разсылка плѣнныхъ, успокоеніе Малороссіи, награды, наказанія, охраненіе предѣловъ со стороны Турціи, возобновленіе союзовъ. Не упускаемы были подробности всѣхъ другихъ дѣлъ, а между тѣмъ болѣзнь, таившаяся среди заботъ и трудовъ лагерной жизни, открылась при первомъ отдыхѣ Царя, если можно назвать *отдыхомъ* первыя шесть недѣль, прошедшихъ послѣ Полтавской битвы. Но ничто не останавливало дѣятельности великаго монарха.

Изъ Рѣшетиловки послалъ онъ немедленно конный корпусъ войскъ, съ княземъ Меншиковымъ, въ Польшу, предписывая ему соеди-

ниться съ Гольцомъ и стараться поспѣшнѣе уничтожить Шведовъ и сообщниковъ Станислава. Пѣхотный корпусъ пошелъ въ то же время, съ графомъ Шереметевымъ, къ Ригѣ. Князь Рѣпнинъ назначенъ былъ съ корпусомъ своимъ охранять предѣлы Малороссіи. Генералу Вердену предписано поддерживать сообщенія между Шереметевымъ и Меншиковымъ. Царь запретилъ Шереметеву раззорять Лифляндію, и велѣлъ напротивъ привлекать жителей ласкою, о томъ же подтверждая Апраксину и приказывая ему дѣйствовать въ Эстоніи: онъ уже *берегъ* Ливонію и Эстонію и прочилъ ихъ себѣ.

Апраксину велѣно было отправить войско къ Кексгольму и взять его, оставляя до времени предпріятіе на Выборгъ, а осадную артиллерію приказано было везти въ Нарву для осады Ревеля, «чтобы не терять остальнаго времени въ тотъ годъ по пустому.» Предполагая, что Карлъ XII-й, можетъ быть, рѣшится на скорый отъѣздъ въ Швецію черезъ

Польшу, и прерывая сношенія его изъ Турціи съ Польшею, Царь послалъ бригадира Кропотова съ отрядомъ войскъ на границы Валахіи, приказывая сбирать контрибуціи съ имѣній приверженцовъ Станислава и стараться захватывать ихъ самихъ.

Мы упоминали о Принцѣ Виртемберскомъ, полоненномъ подъ Полтавою. Царь почтилъ его, какъ особу, принадлежащую къ семейству одного изъ государей Европейскихъ, и отпустилъ немедленно изъ плѣна, требуя только обязательства не служить противъ Россіи. Юный принцъ скончался на пути въ Германію, на Волыни въ Дубно. Царь съ почестью велѣлъ препроводить тѣло его въ Стутгардъ и утѣшалъ скорбную мать въ потерѣ юнаго сына. На надгробномъ памятникѣ Принца выразила родительница его чувства благодарности «Великому Царю Русскому, въ несчастіи почтившему врага своего и великодушно воздавшему непріятелю долгъ по его кончинѣ.» Плѣнные Шведы были разосланы

по разнымъ городамъ, въ Воронежъ 3000, Стародубъ 2000, Изюмъ, Харьковъ и Ахтырку 2500, Москву 4500. Еще прежде 3000 человѣкъ заняты были въ Тавровѣ работами. Реншильдъ отправленъ въ Раненбургъ, съ Штакельбергомъ, Гамильтономъ, Крейцомъ, Крузомъ и Розеномъ, Левенгауптъ и Шлиппенбахъ въ Смоленскъ. Пиперъ и до 400 Шведскихъ офицеровъ находились въ Кіевѣ.

Щедро награжденные Царемъ, сотрудники воинскихъ подвиговъ просили его, отъ имени всего Русскаго войска, принять по арміи чинъ генералъ-аншефа. Царь считалъ себя недостойнымъ и согласился на чинъ только генералъ-поручика. Съ благодарностью принялъ онъ поднесенный ему тогда отъ адмирала, именемъ всего флота, чинъ шаутбенахта. Прибавимъ къ наградамъ, о которыхъ мы уже говорили, что вдова страдальца Кочубея получила отъ Царя всѣ помѣстья мужа, хотя гетманъ Скоропадскій затруднялся отдать ихъ.

Храбрый Палей, утѣшенный за бѣдствія милостями Царя и бывшій въ Полтавской битвѣ, хотя едва могъ двигаться отъ старости, получилъ прежнее званіе полковника (онъ вскорѣ потомъ умеръ). Но награждая вѣрныхъ Малороссіянъ, Царь положилъ съ тѣмъ вмѣстѣ прочное начало уничтоженію всѣхъ прежнихъ казацкихъ своеволій. Кротость и смиреніе Скоропадскаго, не дерзавшаго противорѣчить волѣ Царя, когда подъ предлогомъ охраненія Малороссіи отъ покушеній Мазепы и замысловъ Турціи и Карла XII-го, можно было усилить подчиненіе казацкихъ земель общимъ законамъ государства, превосходно содѣйствовали намѣреніямъ Царя. Награждая всѣхъ и не щадя милостей, Царь не только не согласился на представленіе гетмана, просившаго вывесть Русское войско и Русскихъ воеводъ изъ Малороссійскихъ городовъ, не подчинять казаковъ командѣ Русскихъ начальниковъ, уничтожить Черниговскую крѣпость, отдать казацкую артиллерію,

но рѣзко уравнивая Малороссію съ другими Русскими областями, Царь сдѣлалъ начало-неслыханныхъ дотолѣ измѣненій: отдалъ мѣстечко Почепъ, какъ частное имѣніе Мазепы, Меншикову, а другія помѣстья его Шафирову (первый примѣръ *Русскихъ помѣщиковъ* въ Малороссіи); опредѣлилъ при гетманѣ *надзирателемъ* стольника Измайлова; запретилъ гетману сноситься съ иноземными владѣтелями, жаловать и отставлять полковниковъ, раздавать помѣстья и награды, и употреблять доходы Малороссіи безъ воли царской. Сообщники Мазепы (а подъ ними разумѣли всѣхъ, кого подозрѣвали въ распространеніи толковъ о прежнихъ, нарушенныхъ казацкихъ вольностяхъ) были удалены изъ Малороссіи, и Малороссія смолкла и стихла, какъ смолкъ и стихъ Донъ. Запорожцовъ уже не было. — Примѣръ неумолимой строгости Царя противъ измѣнниковъ и ослушниковъ показанъ былъ въ Рѣшетиловкѣ: несчастный Мюленфельдтъ, обвиняемый, если не въ измѣнѣ, то

въ непростительной трусости, допустившій переправу Шведовъ подъ Гродно, въ 1708 году, бѣжавшій потомъ къ непріятелю и взятый въ плѣнъ подъ Полтавою, былъ сужденъ военнымъ судомъ и разстрѣлянъ по его приговору.

Приготовляя союзы и средства войны, Царь не только не думалъ тщеславно отвергать выгоднаго мира, если Карлъ XII-й согласится на миръ, но приказалъ Головкину и Шафирову переговаривать съ Пиперомъ и Мардефельдтомъ, присланнымъ, какъ мы видѣли, отъ Короля Шведскаго. Только условія были не прежнія. Царь требовалъ Ингерманландіи, Ревеля и Выборга, обѣщая за то отступиться отъ союзниковъ и предоставляя Швеціи рѣшить съ ними дѣло безъ вмѣшательства Россіи. Мардефельдтъ поѣхалъ въ Бендеры съ предложеніемъ Царя, а въ Стокгольмъ былъ отпущенъ государственный секретарь Цедергельмъ, предложить о томъ Шведскому сенату, убѣждая его просить короля о прекращеніи миромъ

10-ти лѣтней гибельной войны и представляя умѣренность требованій побѣдителя. Цедергельмъ повезъ также согласіе Царя на размѣнъ плѣнныхъ. Можемъ почесть искреннимъ расположеніе Царя на миръ, хотя онъ могъ предвидѣть, зная своего непріятеля, что Карлъ XII-й не приметъ мира на предложенныхъ условіяхъ. *Уступить*, пока еще цѣлъ былъ мечъ его, *унизиться послѣ пораженія* — не таковъ былъ Карлъ XII-й! Но Царь готовъ былъ поддержать оружіемъ свои справедливыя и умѣренныя требованія, и въ умѣ его уже расположены были, при несогласіи Карла XII, мѣры, коими могъ онъ извлечь возможныя выгоды изъ дружбы союзниковъ, хотя и не могъ онъ не презирать ихъ, отдавая справедливость своему врагу, коего не могъ не уважить. Замѣтимъ, что Царь ничего не говорилъ о *Ригѣ*, важнѣйшемъ оплотѣ Шведской власти въ Остъ-Зейскихъ областяхъ: Рига могла быть наградою Швеціи за рѣшеніе на миръ.

Въ Кіевѣ торжественно встрѣтили Царя,

какъ великаго побѣдителя и славнаго спасителя отечества. Піиты Кіевскіе величали его *рифмословіемъ*, а въ Печерской лаврѣ привѣтствовалъ его юный ректоръ Академіи словомъ, казавшимся современникамъ образцомъ краснорѣчія. Сей ректоръ былъ *Θеофанъ Прокоповичъ*, сынъ Кіевскаго мѣщанина, бѣжавшій нѣкогда за границу учиться, бывшій въ Римѣ однимъ изъ почетныхъ богослововъ, по возвращеніи принявшій монашество, человѣкъ ума необыкновеннаго и честолюбія неограниченнаго. Царь изъявилъ благоволеніе оратору, и не забылъ объ немъ, когда потомъ понадобился ему ревностный помощникъ по дѣламъ церковнымъ. Такъ еще въ 1700 г. вызвалъ Царь изъ Кіева благочестиваго архимандрита *Димитрія* Туптапу, краснорѣчиваго сочинителя житій святыхъ (чети-минеи), ревностнаго противника расколовъ, и опредѣлилъ его въ митрополиты Ростовскіе. Димитрій скончался въ годъ Полтавской битвы. Въ царствованіе дочери Петра Великаго былъ онъ прослав-

ленъ чудесами святости и причтенъ Россійскою Церковью къ лику святыхъ, когда было обрѣтено нетлѣнное тѣло его, при жизни «отдавшаго *Божія Богови* вѣрою, кротостію, воздержаніемъ, ученіемъ, трудолюбіемъ, и *Кесарево Кесареви* ревностію и терпѣніемъ, поборствуя Петру Великому противъ суемудраго раскола» (какъ говорилъ въ надписи на гробницѣ святителя и угодника Божія Ломоносовъ). Въ Кіевъ явился къ родителю царевичъ Алексѣй, извѣщая его о народномъ восторгѣ, съ какимъ принята была вѣсть Полтавской побѣды въ Москвѣ. Цѣлую недѣлю въ отверзтыхъ храмахъ Москвичи молились Богу побѣдодавцу. Всѣ опечалены были жестокою болѣзнью Царя, которая до того ослабила его, что отъ 8-го Августа онъ писалъ къ Меншикову: «Проклятая лихорадка измучила меня; припадки прервали лекарствомъ, но я такъ слабъ, что четверти часа не могу стоять или ходить, хоть и не боленъ.» Не смотря ни на что, Августа 15-го Царь былъ уже на пути въ

Польшу, съ Царевичемъ, намѣреваясь отправить его за границу и предоставляя ему избрать невѣсту изъ Европейскихъ принцессъ. Сыну побѣдителя Полтавскаго, юношѣ прекрасному, кто изъ государей Европейскихъ могъ отказать въ союзѣ родства? Переговоры о томъ съ Императоромъ были уже начаты.

Среди занятій столь разнообразныхъ, Царь не оставлялъ, сказали мы, подробностей, не только государственныхъ дѣлъ, но даже не прерывалъ заботъ о самыхъ мѣлочахъ. Приведемъ въ примѣръ нѣсколько распоряженій царскихъ въ Рѣшетиловкѣ и въ Кіевѣ: желая сравнить маневры Шведовъ съ маневрами Рускихъ, онъ велѣлъ произвесть ученье Русскому и Шведскому полку въ одно время, и безпристрастно оцѣняя ловкость Шведовъ, радостно замѣтилъ, что Рускіе не уступаютъ имъ въ искуствѣ владѣть оружіемъ, постройкѣ рядовъ и цѣльной стрѣльбѣ. Собственноручными письмами распорядился онъ о выдѣлкѣ гранатъ въ Воронежѣ, послалъ имъ чертежъ и мѣру,

и велѣлъ строить тамъ мѣлкія суда только изъ того лѣса, который не годится на большіе корабли. Разсматривая рисунки кандидата въ корабельные мастера, своею рукою отмѣтилъ онъ ошибки въ размѣрахъ, и подписалъ, что кандидатъ сей «учиться долженъ, а не думать о званіи мастера.» Приказывая вновь заложить въ Воронежѣ 4 корабля и распоряжая ихъ постройкою, Царь велѣлъ оставить «и ему долю въ работѣ,» назначая притомъ какую именно. Онъ узналъ, что любимецъ его Корчминъ взялъ съ собою безъ спроса въ Москву четырехъ солдатъ, и собственноручнымъ письмомъ приказалъ воротить ихъ на счетъ Корчмина.

Царь остановился на время въ Полонномъ. Здѣсь полученъ былъ отвѣтъ Карла XII-го на предложеніе мира. Неукротимый Карлъ XII-й писалъ къ Пиперу, что отвергаетъ постыдныя предложенія непріятеля, и согласится не размѣнъ плѣнныхъ и открытіе переговоровъ о мирѣ тогда только, когда Царь

остановитъ военныя дѣйствія, и что при помощи Божіей и дружбѣ Султана, онъ успѣетъ еще расплатиться за *неудачу* Полтавскую. Царю доставлена была укорительная грамата Карла XII-го Султану, гдѣ называя Августа тираномъ Польши, а Царя бѣглецомъ отъ оружія Шведовъ, онъ увѣрялъ, что только тройное число Рускихъ одолѣло Шведовъ подъ Полтавою, когда онъ былъ притомъ раненъ. Король излагалъ замыслы Русскаго Царя на Турцію, и призывалъ Султана къ союзў, увѣряя въ несомнѣнной побѣдѣ. Стараясь произвесть возстаніе въ Малороссіи, Карлъ XII-й наименовалъ послѣ смерти Мазепы гетманомъ друга его Орлика. Новый гетманъ началъ разсѣвать послѣ сего ругательные универсалы между казаками, призывая ихъ къ оружію. Но Король Шведскій дѣйствовалъ не только словами. Изъ Бендерскаго лагеря своего послалъ онъ строгія повелѣнія въ Швецію набирать войско, а въ Шведскія владѣнія въ Германіи, и въ Польшу Крассову, приказы дѣй-

ствовать неослабно. Поощряя къ дѣятельности собственнымъ примѣромъ, онъ составилъ небольшой отрядъ изъ собравшихся къ нему Шведовъ и Запорожцовъ, и отправилъ его въ Польшу, думая, что одно появленіе Шведовъ оживитъ товарищей ихъ и приверженцовъ Станислава. Кропотовъ встрѣтилъ сей отрядъ, окружилъ его и принудилъ сдаться безъ боя; 500 человѣкъ взято было въ плѣнъ. Запорожцы не сдавались, бросились бѣжать, и преслѣдуя ихъ, Кропотовъ перешелъ Турецкую границу въ жару натиска — маловажное обстоятельство, послужившее въ пользу Короля Шведскаго, представлявшаго такое нарушеніе Турецкихъ предѣловъ явнымъ презрѣніемъ къ Султану и своеволіемъ Царя.

Царь прекратилъ переговоры и съ досадою сказалъ: «Вижу, что только оружіемъ могу добыть миръ, но пусть не на меня послѣ сего падетъ кровь, которая прольется, пока мы принудимъ непріятеля къ миру!» Онъ безоста-

новочно спѣшить въ Польшу, гдѣ Полтавская побѣда уже все измѣнила.

Казалось, ангелъ разрушенія пролетѣлъ по областямъ Польши губительною грозою. Мы уже говорили о бѣдственномъ состояніи Польши послѣ похода Карла XII-го въ Россію. Моровая язва опустошала Польшу среди бѣдствій голода и свирѣпыхъ пова ных болѣзней. Не смотря на предосторожности, язва проникла въ Лифляндію и въ Малороссію, завезена была изъ Риги въ Швецію, но здѣсь и тамъ принимали противъ нея предосторожности, а въ Польшѣ никто о томъ не думалъ. На могилахъ братій, оставшіеся въ живыхъ терзали, рѣзали, губили другъ друга, пока Шведы съ Красcовымъ держались еще въ Польшѣ. Буйныя толпы Синявскаго, Потоцкаго, Сапеги опустошали взаимно земли своихъ враговъ. Полтавская побѣда прекратила сіи междоусобія. Мы говорили о предложеніи короля Августа Царю, и о томъ, что Царь не отвергъ ихъ. Переговоры тайно начались тогда, и по-

солъ царскій заключилъ съ Августомъ предварительный договоръ. Августъ обязывался вступить въ Польшу, объявить себя снова королемъ Польскимъ, изгнать Шведовъ и Станислава. Царь не только довольствовался извиненіемъ Августа въ смерти Паткуля, но обѣщалъ забвеніе всего прежняго, дружескій союзъ, вспомогательныя деньги и войско, даже отдачу Лифляндіи Польшѣ, если за Россіею оставлена будетъ Эстляндія. Онъ обѣщалъ еще болѣе: утвердить наслѣдіе Польскаго престола сыну короля Августа. Тщательно скрывалъ Августъ всѣ сіи переговоры, но что до Полтавской битвы старался онъ таить, торжественнѣе и гласнѣе спѣшилъ онъ обнародовать обрадованный пораженіемъ Карла XII-го. Августъ извѣстилъ Королей Датскаго и Прусскаго о возобновленіи союза съ Царемъ. Всѣ три короля немедленно съѣхались въ Берлинъ и праздновали Полтавскую побѣду. Соединеніе сихъ трехъ монарховъ представляли льстецы, какъ счастливое предзнаменованіе будущихъ

побѣдъ, и современные астрологи выводили великія предвѣщанія, говоря, что въ то время, когда на небѣ явились въ соединеніи Солнце, Сатурнъ и Венера, на землѣ соединились три разновѣрные государя (Польскій Король былъ Католикъ, Датскій Король Лютеранинъ, Прусскій Король Реформатъ), всѣ именовавшіеся Фридрихами. Союзъ между ними былъ заключенъ безъ замедленія: опредѣлено *пригласить* къ союзу и войнѣ противъ Шведовъ Русскаго Царя, предоставляя дальнѣйшія рѣшенія о вознагражденіи издержекъ военныхъ переговорамъ при свиданіи съ Царемъ. Въ Даніи, Пруссіи, Саксоніи начали готовить войска. Августа 8-го Король Польскій издалъ манифестъ, гдѣ, протестуя противъ вторженія Шведовъ въ Польшу и Саксонію, онъ уничтожалъ Альтранштадтскій трактатъ, вынужденный насиліемъ Шведовъ и желаніемъ его спасти подданныхъ отъ бѣдствій войны. Снова призывалъ Августъ Поляковъ къ повиновенію ему, какъ законному королю, и под-

крѣпляя слова на дѣлѣ, вступилъ въ Польшу (Августа 11-го) съ 14,000 Саксонскаго войска. Приближенiе Саксонцовъ съ одной и Рускихъ съ другой стороны дѣлало невозможнымъ всѣ покушенiя противиться. Сообщники Станислава положили оружiе, особливо когда получено было разрѣшенiе Папы въ присягѣ, данной Станиславу, а манифестъ Августа грозилъ казнью и отнятiемъ имѣнiй каждому, кто въ назначенный срокъ не явится съ покорностью. Добродѣтельный Станиславъ, видѣвшiй только бѣдствiя Польши съ самаго восшествiя своего на престолъ, и принявшiй вѣнецъ только для умиренiя отечества, спѣшилъ отреченiемъ спасти отчизну отъ междоусобiя безполезнаго. Напрасно уговаривали его приверженцы не оскорблять тѣмъ своего друга и союзника. «Я думалъ быть вамъ полезнымъ, когда принималъ ваше избранiе,» отвѣчалъ смиренно Станиславъ—«хочу спасти васъ отъ конечной гибели моимъ отреченiемъ!» Онъ не смѣлъ оставаться въ Польшѣ, и съ

семействомъ своимъ и немногими друзьями присоединился къ Шведскому корпусу, спѣшившему оставить Польшу. Крассова привело въ большое затрудненіе строгое повелѣніе Карла XII-го держаться въ Польшѣ, и даже, если откроется возможность, идти въ Саксонію и мстить раззореніемъ за вѣроломство Августа. Ссылаясь на то, что выполненіемъ втораго приказа могъ онъ возбудить противъ Швеціи Императора и членовъ имперіи, объявившихъ, что вступленіе въ имперскія земли почтутъ они нарушеніемъ неутралитета, Крассовъ не видѣлъ также ни какаго способа держаться въ Польшѣ. Онъ просилъ Короля Прусскаго дозволить ему неутральный переходъ черезъ Ней-мархъ въ Померанію. Неожиданный отказъ умножилъ затрудненіе Шведскаго генерала. Угрожаемый гибелью неизбѣжною, онъ рѣшился своевольно перейдти черезъ Ней-мархъ, въ концѣ Сентября оставилъ Польшу, и достигнувъ Штетина, укрѣпился лагеремъ подъ Воллиномъ, съ 15,000-мъ корпусомъ

Шведскимъ и Поляками, слѣдовавшими за Станиславомъ. Удаленіе его и Станислава, и приходъ Меншикова съ войскомъ, подчинили Польшу Августу. Остатки корпуса Потоцкаго, не хотѣвшаго покориться, бѣжали съ своимъ предводителемъ въ Венгрію. Такъ кончилась несчастная война, девять лѣтъ опустошавшая Польшу, и исчезло все, чему Карлъ XII-й отдалъ столько лучшихъ лѣтъ жизни, все, что купилъ онъ кровью столькихъ храбрыхъ, увлекаемый мечтами честолюбія, гордясь тщетною славою низводить и возводить королей на престолы—все погибло безъ возврата при одномъ слухѣ о Полтавской побѣдѣ!

Но Польша волновалась, какъ море послѣ бури, и являясь примирителемъ ея, Царь являлся и самовластителемъ Польскаго государства. Ему предшествовало побѣдительное войско. Августъ и Поляки спѣшили изъявить ему всѣ знаки почтенія и покорности. Въ Люблинѣ привѣтсвовалъ его присланный отъ Августа каммергеръ Фицтумъ. Въ мѣстечкѣ Сольцахъ

гетманъ Синецкій встрѣтилъ его съ войскомъ своимъ и множествомъ пановъ Польскихъ. Здѣсь явился Флемингъ, и просилъ отъ имени короля своего назначить мѣсто свиданія, гдѣ будетъ угодно Царю, предлагая для сего Торунь. Съ нимъ былъ присланный отъ Короля Прусскаго каммергеръ, также съ просьбою о свиданіи и съ назначеніемъ для того Маріенвердера. Царь изъявилъ согласіе, и на судахъ по Вислѣ отправился въ Варшаву. Сентября 23-го, Примасъ, князь Радзивилъ и толпа Польскихъ вельможъ привѣтствовали Царя въ Варшавѣ. Великолѣпный поѣздъ послѣдовалъ за Царемъ до Торуня, гдѣ за милю до города ожидалъ его король Августъ. Царя сопровождалъ однакожь Русскій полкъ: такъ опасны были шайки конфедератовъ, всюду бродившія и не знавшія чѣмъ имъ питаться. Одна изъ такихъ шаекъ едва не захватила царевича Алексѣя; стоявшій вблизи Русскій отрядъ спасъ его. Царь и Августъ послали Русскую и Саксонскую конницу очищать селенія

отъ бродягъ, обезоруживать ихъ и наказывать грабежи. Августъ не могъ скрыть своего смущенія при встрѣчѣ съ Царемъ и хотѣлъ объясняться. «Забудемъ прошедшее,» сказалъ ему весело Царь, обнялъ его и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Торунь. Царь и Король ѣхали верхомъ, привѣтствуемые пальбою и радостнымъ кликомъ народа. Начались веселые пиры, смотры, маневры Саксонскаго и Польскаго войска. Царь и Король казались искренними друзьями, шутили, забавлялись, какъ будто не думая о дѣлахъ. Однажды, за разгульнымъ пиромъ, Августъ хотѣлъ показать опытъ необыкновенной силы своей и разогнулъ лошадиную подкову. Царь признавался, что онъ не можетъ похвастать такою силою, взялъ серебряную тарелку и безъ всякихъ усилій свернулъ ее въ трубку. «Вы разлюбили меня,» сказалъ онъ Августу, при собраніи многихъ гостей — «помните ли, я подарилъ вамъ саблю, и вы обѣщали мнѣ всегда носить ее, а теперь я не вижу ее на васъ!»

Августъ извинялся, что забылъ царскій подарокъ въ Дрезденѣ. Царь улыбнулся, ибо сабля была подарена Августомъ Карлу XII-му и найдена въ обозѣ королевскомъ подъ Полтавою. Царь взялъ ее съ собою. «Если прежнюю забыли вы въ Дрезденѣ, я подарю вамъ саблю,» сказалъ онъ, и по его приказу прежняя сабля была принесена и вручена Августу. Смущенный, онъ не зналъ что сказать, и принужденъ былъ смѣяться своей неудачной хитрости. Въ Торунь явился Датскій посолъ, баронъ Ранцовъ, предсталъ и непокорный дотолѣ, главный крамольникъ Сапега, съ повинною головою. До 10-го Октября продолжилось пребываніе Царя въ Торунѣ. Онъ отправился по Вислѣ въ Маріе вердеръ. Августъ провожалъ его далеко за городъ, разстался съ увѣреніями дружбы, а 15-го Октября въ Маріенвердерѣ ждалъ Царя на берегу Вислы старый знакомый его, Король Прусскій, встрѣчая гостя послѣ 12-ти лѣтней разлуки, какъ искренняго друга. Великолѣпный пріемъ и рос-

кошные пиры ознаменовали здѣсь пребываніе Царя. Король Прусскій наградилъ Меншикова орденомъ Чернаго Орла; Головкинъ, Шафировъ, Долгорукій, Левенвольдъ, Ренъ, бывшіе въ царской свитѣ, пожалованы орденомъ *Великодушія* (Génerosité). Флемингъ и Ранцау явились въ Маріенвердеръ послами отъ Королей Польскаго и Датскаго. Царь пробылъ въ Маріенвердерѣ до 23-го Октября, и отправился отсюда въ Митаву, куда прибылъ Ноября 6-го. Великія почести, великолѣпныя встрѣчи, сопровожденіе отрядомъ Прусскихъ войскъ, и сопутствіе Прусскаго каммергера Кейзерлинга, посланнаго впередъ для заготовленія стола и квартиръ, наконецъ встрѣча въ Митавѣ всѣми чинами Курляндіи, ознаменовали путешествіе Царя по Пруссіи и Курляндіи. Казалось, побѣдитель Полтавскій, всегдашній врагъ роскоши и великолѣпія, увлекся обольщеніемъ почестей, всюду воздаваемыхъ ему, какъ царю и герою. Но онъ зналъ, что наружный блескъ надобенъ былъ Европѣ

и окружавшимъ его, и среди пировъ и веселій не забывалъ онъ своихъ плановъ и предпріятій.

Въ Торунѣ и Маріенвердерѣ ведены были переговоры о войнѣ противъ Швеціи Даніею и Пруссіею. Общимъ основаніемъ договоровъ было принято: *привести Швецію въ такое состояніе, чтобы она не могла вредить сосѣдямъ и угрожать спокойствію Европы.* Царь приступилъ къ новому договору, предварительно заключенному между Королями Прусскимъ, Датскимъ и Польскимъ, въКельнѣ 15-го Іюля. По особому трактату съ королемъ Августомъ возобновлялись прежняя дружба и союзъ Россіи. Оскорбленіе, причиненное Царю казнью Паткуля, Августъ оправдывалъ своевольною выдачею его измѣнниками, министрами Саксонскими Имгофомъ и Фингштейномъ, обѣщая предать ихъ за то суду (они и были потомъ для вида осуждены, первый на казнь, второй на вѣчное заключеніе, но приговоръ не былъ исполненъ). Царь ручался за

неприкосновенность власти Августа въ Польшѣ. Въ томъ же ручался ему особымъ трактатомъ Король Прусскій, обѣщая притомъ не допускать Шведовъ въ Польшу изъ Помераніи. Король Польскій обязался внести въ государственныя постановленія Польши вѣчный миръ и союзъ съ Россіею. Король Датскій обѣщалъ немедленно объявить войну Швеціи и дѣйствовать неукоснительно. Удивительная умѣренность изъявляема была союзниками. Казалось, они хотѣли только укротить честолюбіе Шведскаго Короля. Царь и король Августъ изъявили сіи чувства Турецкому послу, явившемуся въ Торунь поздравить Августа съ возвращеніемъ законнаго престола, и увѣрить его и Царя въ дружбѣ Султана и желаніи Оттомановъ поддерживать миръ. Но трактатами явными прикрыты были тайныя мысли всѣхъ вообще и каждаго особенно. Карлъ XII-й долженъ былъ, если согласится на миръ, удовлетворить союзниковъ. При несогласіи его, въ чемъ всѣ были напередъ

увѣрены, союзники открывали военныя дѣйствія, и уже не могли щадить Шведскихъ владѣній, даже въ Германіи. Въ такомъ смыслѣ король Августъ и Царь отнеслись грамотами къ Имперскому сейму, протестовавшему противъ начала войны въ Германскихъ Шведскихъ областяхъ. Между тѣмъ союзники, скрывая настоящія мысли свои, высказали ихъ другъ другу. Тайнымъ договоромъ съ королемъ Августомъ Царь обѣщалъ утвердить Польшу въ наслѣдственномъ владѣніи сыну его, и присоединить къ Польшѣ Лифляндію, съ присоединеніемъ Эстляндіи и части Финляндіи къ Россіи. Другимъ тайнымъ договоромъ съ Пруссіею Царь утверждалъ Пруссіи уступку Польшею Эльбинга и независимость отъ Польши владѣнія Курляндіею молодому герцогу ея, Фридриху Вильгельму. Сей принцъ, родившійся въ 1692 году, былъ сынъ герцога Фридриха Казимира (умершаго въ 1698 г.) и сестры Короля Прусскаго. Положено было, что юный Герцогъ будетъ объяв-

ленъ совершеннолѣтнимъ, женится на племянницѣ Царя и немедленно вступитъ во владѣніе Курляндіею. Кромѣ сихъ отдѣльныхъ условій положено было съ Даніею, что Царь будетъ стараться объ утвержденіи за нею Голштиніи, а съ Пруссіею, что Карлъ XII-й уступитъ Пруссіи Штетинъ. Сверхъ того, тайные переговоры шли еще между Царемъ и Ганноверскимъ Курфирстомъ объ утвержденіи за нимъ Бремена и Вердена, а съ Герцогомъ Мекленбургскимъ объ отдачѣ ему Висмара, и даже переговоръ былъ и съ Епископомъ Мюнстерскимъ, въ свою очередь хотѣвшимъ участка въ дѣлежѣ. Такимъ образомъ Швеція была уже передѣлена союзниками, и взаимная дружба не мѣшала имъ притомъ взаимно думать о своихъ выгодахъ на счетъ другихъ.

Царь былъ душою всѣхъ тайнъ политики, гдѣ каждый изъ его союзниковъ, пользуясь его побѣдою, хотѣлъ показаться кроткимъ, умѣреннымъ, и жертвуя другими, дѣйствуя при томъ сколько можно менѣе, старался вы-

играть себѣ что только было можно. Царь видѣлъ, проникалъ вполнѣ всѣ ухищренія, притворно соглашался со всѣми, и казалось, являлся орудіемъ прихотей каждаго, но между тѣмъ онъ успѣвалъ перехитрить всѣхъ, утверждалъ силу и величіе Россіи и упрочивалъ себѣ плоды побѣдъ. Кромѣ того, что входя въ союзы, Россія вступала въ дѣла Европы, усиленіемъ Пруссіи, Даніи, Ганновера, Мекленбурга и независимостью Курляндіи, Россія могла безпрепятственно утвердить себѣ Лифляндію, Эстляндію и часть Финляндіи. Мысль объ утвержденіи Польскаго престола наслѣдственнымъ была мечта, но ее поддерживалъ Царь, надѣясь прекратить тѣмъ споръ Августа о Лифляндіи, ибо онъ все еще обѣщалъ отдать Лифляндію Польшѣ. Разсчетъ Царя былъ вѣренъ: пока всѣ союзники его будутъ готовиться приступить къ дѣлу, будутъ потомъ спорить и переговаривать, при нападеніи Даніи на Швецію, и при условіи, что Шведы не должны двигаться изъ Поме-

раніи, онъ могъ взять Ригу, Ревель, Выборгъ, безъ спора другихъ Государей, а Шведы не могли сдѣлать никакого пособія Остъ-Зейскимъ областямъ и Финляндіи, такъ, что Царь легко могъ управиться тамъ, самовластно обладая притомъ Польшею, гдѣ не Августъ, всего отъ него ожидавшій, но онъ казался властителемъ.

Дѣйствительно, къ нему, а не къ Августу, презираемому Поляками, ненавистному имъ и безсильному, относились Поляки съ жалобами, требованіями, спорами, и Царь рѣшалъ всѣ дѣла ихъ и затрудненія. Августъ не смѣлъ противорѣчить. Въ силу трактатовъ, Царь отрядилъ Русское войско взять Эльбингъ, гдѣ держались еще Шведы, и оставилъ Меншикова, съ сильнымъ корпусомъ Русскихъ войскъ, на зимнія квартиры въ Польшѣ. Царь потребовалъ 20,000 ефимковъ съ Виленскихъ жидовъ, за то, что въ 1708 году они не выставили обѣщанныхъ ему шпіоновъ. Данцигу объявлено было, что жители его должны пре-

кратить сношенія и торговлю съ Швеціею и выслать каперовъ противъ Шведовъ, а при несоглашеніи Рускіе займутъ Данцигъ и обложатъ контрибуціею. Мы уже говорили, что Кропотовъ собиралъ контрибуціи въ Польшѣ. Меншиковъ, оставшись послѣ Царя, казался правителемъ Польши, гордый, недоступный даже знатнѣйшимъ панамъ, не смѣвшимъ противиться его приказу. Польша роптала, но повиновалась.

Такъ распорядивши дѣла внѣшней политики, отправя пословъ, въ Ганноверъ и Англію князя Куракина, въ Данію князя Долгорукова, и давши подробныя наставленія послу своему въ Царьградѣ, въ слѣдствіе переговоровъ въ Торунѣ и Маріенвердерѣ, Царь спѣшилъ въ свой, драгоцѣнный ему Петербургъ, готовя между тѣмъ торжество Полтавской побѣды въ Москвѣ. Царевичъ Алексѣй разстался съ родителемъ въ Польшѣ, и изъ Ярославля на Волыни, гдѣ была главная квартира Меншикова, отправился въ путешествіе по Евро-

пѣ, подъ именемъ *Графа Михайлова*. Съ нимъ были графъ Головкинъ, князь Трубецкой, и гофмейстеръ его, баронъ Гизенъ. Отправя въ Москву повелѣніе о новомъ рекрутскомъ наборѣ (по одному рекруту съ 20-ти дворовъ) Царь остановился на пути изъ Митавы подъ Ригою, 9-го Ноября, и прожилъ здѣсь недѣлю. Ему надобно было распорядиться военными дѣйствіями.

Мы видѣли, что Шереметевъ былъ отправленъ подъ Ригу и Апраксину велѣно было готовиться на осаду Ревеля. Ближайшее разсмотрѣніе дѣлъ измѣнило планъ Царя. Ужасъ, внушенный Шведамъ Полтавскою побѣдою, объявленіе войны Швеціи Польшею и Даніею, и союзъ съ ними Пруссіи и Россіи, заставили правителей Швеціи принять только оборонительныя мѣры для защиты Шведскихъ владѣній. Слабыя силы, бывшія въ Лифляндіи, Эстляндіи, Финляндіи, Помераніи и другихъ Шведскихъ областяхъ, не могли защищать ихъ отъ многочисленныхъ войскъ Русскихъ

и союзныхъ. Опредѣлено было сосредоточить Шведскія войска въ главныхъ городахъ, оставляя въ другихъ небольшіе гарнизоны. Такими мѣстами назначены были: въ Помераніи *Штетинъ*, гдѣ укрѣпился Крассовъ, отдѣливъ гарнизоны въ Бременъ и Висмаръ; въ Остъ-Зейскихъ областяхъ *Рига*, куда свелъ всѣ войска генералъ-губернаторъ Лифляндскій, графъ Штромбергъ, оставя небольшіе гарнизоны въ Ревелѣ и Перновѣ; въ Финляндіи *Выборгъ*, гдѣ былъ съ войскомъ Либекеръ, распредѣливъ малые отряды въ другихъ Финляндскихъ городахъ. Охраненіе Шведскихъ береговъ, противолежащихъ Даніи, составило предметъ главныхъ заботъ правителей; оно поручено было графу Магнусу Штейнбоку. О новыхъ наборахъ, усиліяхъ для защиты областей, внѣ Швеціи находившихся, не смотря на приказъ Короля, правители и думать не смѣли. Царь понялъ изъ соображенія принятыхъ Шведами мѣръ, что завоеваніе Выборга и Риги доставитъ ему

полное обладаніе Финляндіею и Остъ-Зейскими областями. Ни тотъ, ни другой городъ не могли ожидать помощи. Онъ рѣшился зимою только угрожать Выборгу, держа Либекера въ страхѣ, и блокировать Ригу, гдѣ Штромбергъ рѣшился защищаться до послѣдней крайности. На другой годъ, раннею весною, усиленною осадою надѣялся онъ скоро овладѣть Ригою и Выборгомъ, послѣ чего Ревель и всѣ другіе города должны были беззащитно покориться.

Шереметевъ выступилъ изъ Рѣшетиловки Іюля 15-го, съ 24 полками пѣхоты, 8 полками конницы и 200 казаковъ, но только въ началѣ Октября могъ онъ начать блокаду Риги. Штромбергъ, имѣя до 12,000 войска, приготовился къ упорной защитѣ, сжегъ Рижскіе форштадты и оставилъ Бальдонъ и Кобрунъ, немедленно занятые Рускими. Недовольный слабою блокадою Шереметева, Царь лично осмотрѣлъ окрестности Риги, и подъѣзжалъ такъ близко къ городскимъ укрѣпле-

ніямъ, что узнавши его, непріятель открылъ пальбу. Царь весело шутилъ подъ ядрами съ стоявшимъ подлѣ него гетманомъ Огинскимъ По приказу Царя укрѣпили мельницу на Двинѣ, и тѣмъ пресѣкли сообщеніе Риги съ Динаминдомъ, а ниже Кобруна, переименованнаго *Питеръ-Шанцомъ*, заложили мортирную баттарею. Царь самъ бросилъ *три первыя бомбы* въ городъ. «Мы начали бомбардировать Ригу,» писалъ онъ Долгорукому, «и я своими руками подарилъ этому проклятому мѣсту три первыя бомбы, а тѣмъ, слава Богу, исполнилъ мое слово — заплатить за обиду мою!» Онъ помнилъ еще объ оскорбленіяхъ, оказанныхъ ему въ Ригѣ, въ 1697 году. «Не говори королю Августу, что мы начали Ригу бомбардировать, и пусть онъ думаетъ, что мы бережемъ Ригу для него,» прибавлялъ Царь. Замѣчательно, что одна изъ бомбъ, пущенныхъ имъ, попала въ городскую церковь св. Петра, другая въ городской болверкъ, а третья въ одинъ изъ частныхъ домовъ. По-

слѣ отъѣзда Царя Шереметевъ перевелъ войско въ Курляндію. Главная квартира его была въ Митавѣ; войско Русское заняло Фридрихштадтъ, Баускъ, Туккумъ, Пильтенъ. Подъ Ригою 2000 человѣкъ занимали Юнгфернгофъ, 1000 Питеръ-шанцъ, 500 Кирхгольмъ и 2500 было въ резервѣ за Юнгфернгофомъ. Войска сіи смѣнялись ежемѣсячно, и безпрерывно тревожили города бомбами. Князь Рѣпнинъ начальствовалъ блокадою.

Черезъ Дерптъ, откуда на судахъ поплылъ онъ въ Нарву, Царь достигъ Петербурга Ноября 23-го, и послѣ полуторогодоваго отсутствія былъ порадованъ быстрымъ распространеніемъ своего любимаго города. Работы шли здѣсь дѣятельно; зданія расли; 20,000 работниковъ прислано было со всѣхъ концовъ Россіи.

Описывая событія войны, мы не могли упоминать о гражданскихъ распоряженіяхъ Царя въ послѣдніе два года. Важнѣйшимъ изъ нихъ было раздѣленіе Россіи на губер-

ніи (Декабря 18, 1708 г.). Губерній назначено *восемь*, и въ числѣ ихъ *Ингерманландская*, гдѣ губернскимъ городомъ опредѣленъ *С. Петербургъ*, а провинціяльными къ нему приписаны Новгородъ, Тверь, Ярославль, Псковъ, Дерптъ, Нарва (всего 29 городовъ, кромѣ *Ямбурга* и *Копорья*, подаренныхъ Меншикову). Другіе губерніи были *Московская*, *Кіевская*, *Смоленская*, *Архангелогородская*, *Казанская*, *Азовская*, *Сибирская* (во всѣхъ 8-ми считалось 339 городовъ). Губерніи дѣлились на провинціи (какъ-то: Казанская на *Казанскую*, *Пензенскую*, *Уфимскую*), а провинціи на *уѣзды*. Въ губерніяхъ были генералъ-губернаторы, а въ провинціяхъ были воеводы. Меншиковъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Ингерманландскимъ, хотя въ отсутствіе его управлялъ Апраксинъ, Азовскій генералъ-губернаторъ. Земли Малороссійскихъ, Донскихъ и Уральскихъ казаковъ не включались въ губерніи, и управлялись отдѣльно гетманомъ и атаманами, раздѣляясь на *полки* и

станицы. Такимъ образомъ, городъ, не существовавшій за пять лѣтъ, былъ поставленъ въ ряду первыхъ Русскихъ городовъ, и еще болѣе: Москва считалась *столицею*, но *вторымъ* послѣ нея былъ Петербургъ. Царь уже утвердилъ свое пребываніе въ немъ, и съ 1709 г. велѣно было строить здѣсь каменные домы. Многія окрестности Петербурга Царь подарилъ своей супругѣ, царевнамъ сестрамъ, царевичу Алексѣю, главнымъ вельможамъ, съ позволеніемъ заселять ихъ переселенцами изъ другихъ областей (тогда основались *Пулкова*, *Славянка*, *Колпино*, помѣстья супруги царской, и *Гатчина*, помѣстье царевны Наталіи Алексѣевны). Крѣпость С. Петербургскую велѣно строить каменную. Съ какою радостью видѣлъ Царь въ Петербургѣ и Кронштадтѣ, давно ли возникнувшій, но уже грозный флотъ! Въ память Полтавской битвы основалъ онъ тогда церковь *св. Сампсонія*, и заложилъ своими руками 54-хъ пушечный корабль *Полтаву*.

Въ томъ же году основана въ Петербургѣ Лютеранская церковь св. Петра, по просьбѣ вице-адмирала Крюйса, на берегу Невы, гдѣ нынѣ Зимній каналъ (ее перенесли потомъ на берегъ Мойки; первымъ пасторомъ ея былъ Толь, выписанный изъ Голландіи). Царь праздновалъ день св. Апостола Андрея веселымъ пиромъ и фейерверкомъ, и 7-го Декабря поспѣшилъ ѣхать въ Москву, куда уже свезены были плѣнные Шведскіе генералы, офицеры, и болѣе 20,000 плѣнныхъ солдатъ, шли полки гвардіи, и ѣхали Шереметевъ и Меншиковъ изъ Курляндіи и Польши. Царь готовилъ народу великолѣпное зрѣлище *тріумфа*, какъ называли сіе *торжество Полтавской битвы и истребленія непріятельскихъ силъ.*

Предположено было воздвигнуть въ разныхъ мѣстахъ Москвы тріумфальныя врата, и торжественно ввести черезъ нихъ въ Москву плѣнныхъ Шведовъ, артиллерію и добычу, взятую у непріятеля. Праздникъ долженъ

былъ начаться благодареніемъ Богу и заключиться народными увеселеніями и пиршествами. Все лѣто и всю осень были приготовленія въ Москвѣ. Семь торжественныхъ вратъ устроено было на иждивеніе духовенства, гражданскихъ чиновниковъ, дворянъ, купцовъ, жителей Москвы вообще и правительства. Каждыя изъ нихъ изображали великолѣпный храмъ, по сторонамъ коего находились пирамиды, пьедесталы съ гербами, обелиски, и проч. Храмы и пирамиды украшены были рѣзьбою, позолотою, огромными символическими картинами, статуями, трофеями, надписями. Тысячи народа, знатныхъ и простолюдиновъ, духовенство, иностранные послы, люди со всѣхъ концовъ Россіи съѣзжались въ Москву. Царь велѣлъ быть въ Москву архіереямъ, воеводамъ, всѣмъ отставленнымъ отъ службы за ранами съ самаго начала войны. Всѣхъ старыхъ товарищей, всѣхъ знакомыхъ своихъ хотѣлъ онъ видѣть, со всѣми говорить, всякаго поздравить и наградить. Нетерпѣливо

ждала своего Государя—побѣдителя царелюбивая Москва, и давно неслыханною въ древнихъ стѣнахъ ея жизнью закипѣла она при стеченіи многочисленныхъ гостей.

На пути Царь останавливался въ Новгородѣ у ландрихтера Корсакова, въ Твери у воеводы Кокошкина; вездѣ онъ разсматривалъ и рѣшалъ дѣла, обозрѣвалъ крѣпости (между прочимъ укрѣпленія Твери, устроенныя Леонтіемъ Магницкимъ), и Декабря 11-го прибылъ въ подмосковное село Никольское, гдѣ встрѣтили его владѣлецъ села, князь Черкаскій, и царь Грузинскій Арчилъ. Предполагая вступить въ Москву торжественно, Царь переѣхалъ въ Коньково къ Головкину, и потомъ въ Коломенское, откуда надлежало начаться шествію. Здѣсь ожидали его супруга, дѣти, сестры, племянницы. Нѣсколько дней прошло еще, ждали Меншикова; онъ пріѣхалъ 15-го Декабря и 18-го назначили день тріумфа. Войска были разставлены. Всѣ ждали прибытія Царя и условленнаго знака. Царь явил-

ся радостный, и объявилъ, что Богъ даровалъ ему дочь, а для такого неожиданнаго событія праздникъ отлагается. Со всѣми вельможами и сотрудниками своими отправился онъ въ Успенскій соборъ. Москва заликовала, услышавъ о рожденіи дочери царской. Въ радости сердца, видя общій восторгъ всѣхъ, Царь громко присоединилъ въ соборѣ голосъ свой къ хору пѣвчихъ, когда провозгласили *Тебѣ Бога хвалимъ*, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ и колокольномъ звонѣ въ Кремлѣ и во всѣхъ церквахъ Московскихъ. Новорожденную дочь Царь назвалъ *Елисаветою* (обѣтъ Божій): то была *императрица Елисавета Петровна*, возведшая черезъ 32 года потомъ родъ Петра Великаго на Россійскій престолъ. Не замѣчательно ли, что рожденіе великой княжны Анны, Прародительницы Россійскихъ Монарховъ, ознаменовало *первый шагъ Карла XII-го* на достопамятную *Березину*, а тріумфъ побѣды надъ нимъ освятило въ Москвѣ рожденіе Елисаветы? Побѣда Петра была въ годъ

ея рожденія, и «входящаго въ Москву побѣдителя встрѣтила входящая въ миръ Елисавета,» говоритъ Ломоносовъ. Пиръ у Царя въ Коломенскомъ и заздравный кубокъ за новорожденную заключили сей день царской радости.

Декабря 21-го былъ день Полтавскаго тріумфа. При пушечной пальбѣ, колокольномъ звонѣ, грохотѣ барабановъ и громѣ музыки, началось шествіе въ Кремль отъ Серпуховскихъ воротъ. Безчисленное множество народа покрывало улицы и площади. У домовъ поставлены были, по доброй волѣ жителей, столы, покрытые скатертями, и хозяева съ семействами, по мѣрѣ приближенія Царя, стоя у столовъ и держа въ рукахъ хлѣбъ-соль, кланялись ему и привѣтствовали его: хлѣбосольная *Москва* встрѣчала Царя *съ хлѣбомъ-солью*. Толпы народныя, сливаясь съ шествіемъ, расли по мѣрѣ движенія его. Шествіе открывали трубачи и Семеновскій полкъ, съ полковникомъ его, княземъ М. М. Голицынымъ; за нимъ несли и везли трофеи битвы

подъ Лѣснымъ—17 пушекъ, 44 знамя, 6 фуръ съ барабанами и трубами Шведскими; далѣе шли офицеры въ сей битвѣ плѣненные. Потомъ слѣдовали: рота Преображенцовъ, 26,000 Полтавскихъ плѣнниковъ, по 4 въ рядъ, 68 пушекъ и 318-ть знаменъ Шведскихъ, 48 фуръ съ барабанами и трубами; плѣнные Шведскіе офицеры (263 прапорщика, 275 поручиковъ, 247 капитановъ, 25 маіоровъ, 15 подполковниковъ, 10 полковниковъ), Королевскій обозъ, Королевская канцелярія, носилки Карла XII-го, 6 генераловъ, и *Левенгауптъ*, *Рейншильдъ*, *Пиперъ*, пѣшіе, безъ шпагъ, заключали безконечное протяженіе трофеевъ. За ними ѣхалъ верхомъ *Преображенскаго полка полковникъ Петръ Алексѣевичъ*, въ томъ мундирѣ, въ той шляпѣ, которые были на немъ подъ Полтавою. Вѣрные сподвижники, Шереметевъ и Меншиковъ были подлѣ него. Закаленные въ бояхъ Преображенцы шли за нимъ. У каждыхъ торжественныхъ вратъ встрѣчали Царя съ хлѣбомъ-солью строители ихъ, и хоры пѣв-

чихъ, одѣтыхъ въ цвѣтныя платья, пѣли кантаты, желая здравія и побѣдъ Царю. Трубачи, скрытые въ верху воротъ, заключали пѣніе звукомъ трубъ. Торжественны были минуты, когда Царь приблизился къ вратамъ духовенства. Здѣсь ждали его первосвятители и многочисленное духовенство. Пальба, музыка, звонъ умолкли, и среди глубокой тишины Митрополитъ Рязанскій привѣтствовалъ Царя рѣчью. Благоговѣйно, снявъ шляпу и опустивъ шпагу, внималъ ей Царь, сойдя съ лошади. Онъ приложился къ иконамъ, и безъ шляпы послѣдовалъ за духовенствомъ при пѣніи священной пѣсни: «Кто Тебѣ не ублажитъ, Всенепорочная!» Когда приближился онъ къ Успенскому собору, хоръ умолкъ — Царь устремилъ взоры на образъ Богоматери надъ входомъ во храмъ, и чувствами невыносимыми исполнилась душа его и слезы потекли изъ его очей. Царь-побѣдитель палъ на колѣни и рыдая провозгласилъ громко: «За-

ступленіемъ Твоимъ побѣда моя!» При видѣ храма, гдѣ нѣкогда принялъ онъ вѣнецъ, память о событіяхъ *двадцати семи* лѣтъ, послѣ того пролетѣвшихъ — обо всемъ, что видѣлъ, чувствовалъ, испыталъ онъ въ сіи годы, съ тѣхъ поръ, когда беззащитнымъ отрокомъ стоялъ здѣсь, и кровь убіенныхъ врагами друзей его и родныхъ дымилась окрестъ него, обо всемъ, что сдѣлалъ онъ для Россіи съ тѣхъ поръ, онъ, побѣдителемъ стоявшій теперь среди трофеевъ войны, поставившей его на чреду великихъ царей — мысль и о томъ, что еще таилось въ великой душѣ его, о подвигахъ, предлежавшихъ ему, все взволновало душу его. Видя слезы Царя, никто не удержалъ слезъ своихъ. Всѣ поверглись на колѣни, и нѣсколько мгновеній пролетѣло въ тишинѣ молитвы, прерываемой только рыданіями. Царь вошелъ потомъ въ древній храмъ, и по отправленіи благодарственнаго молебствія, распростившись со всѣми, съ немногими приближенными удалился въ Кремлевскій дво-

рецъ. День свечерѣлъ въ тишинѣ, прерванной только послѣ молебствія громкимъ звономъ и тремя залпами артиллеріи. Прекрасенъ былъ сей великій день въ жизни царя великаго.

На другой день начался веселый праздникъ. На Царицыномъ лугу выстроено было огромное деревянное зданіе, раскрашенное и раззолоченное; войско и народъ, для коихъ приготовлено было на площади угощеніе, окружали его. Царь и его вельможи, полководцы и знатные чиновники, вступили въ великолѣпную залу, гдѣ на тронѣ, въ старинномъ царскомъ нарядѣ, сидѣлъ *Князь Кесарь*. Съ поклонами подступая къ трону его, доносили: Шереметевъ о побѣдѣ «Его Кесарскимъ счастіемъ» одержанной подъ Полтавою; Меншиковъ о плѣненіи Шведскаго войска подъ Переволочною; полковникъ Петръ Алексѣевичъ о побѣдѣ подъ Лѣснымъ. Кесарь милостиво привѣтствовалъ ихъ. За тѣмъ ввели плѣнныхъ. Привѣтствуя ихъ, Кесарь махнулъ рукою —

задняя стѣна залы исчезла и открыла множество столовъ, обремененныхъ кушаньями и напитками, разставленныхъ въ другой обширной залѣ, гдѣ усѣлось болѣе тысячи человѣкъ гостей. Начался пиръ, и въ шумѣ его даже печальные плѣнники забыли горе свое, угощаемые роскошно, сидѣвшіе наравнѣ съ побѣдителями. Подъ особымъ балдахиномъ, отдѣльно отъ всѣхъ, сидѣли Кесарь, полковникъ Петръ Алексѣевичъ, фельдмаршалы Шереметевъ и Меншиковъ, и канцлеръ графъ Головкинъ. Не жалѣли кубковъ за здравія, начиная съ Кесарева. Пили и за здоровье Рейншильда и Пипера. Народъ пировалъ на площади. Солдатъ и плѣнныхъ Шведовъ угощали въ казармахъ. При звукахъ музыки и пушечной пальбѣ загорѣлись три щита, изображавшіе *Лѣсное*, *Полтаву*, *Переволочну*, при безчисленномъ множествѣ ракетъ и бураковъ. Вся Москва между тѣмъ была освѣщена. Пушки гремѣли безъ умолку, и веселье и пиръ продолжались до полуночи, хотя столъ кон-

чился въ 6-ть часовъ вечера. Попойка была безъ чиновъ. Царь обнималъ Рейншильда, Меншиковъ Левенгаупта. На другой день былъ обѣдъ для духовенства. Опять угощали войско, народъ и плѣнныхъ Шведовъ, были фейерверкъ и освѣщеніе города. Царь не щадилъ наградъ и милостей. Онъ веселился за девять лѣтъ трудовъ и подвиговъ.

Въ день Рождества Христова Царь угощалъ всѣхъ своихъ гостей въ Кремлевскомъ дворцѣ, и на святкахъ *славилъ Христа* по обыкновенію, пируя у Князя-Папы, Шереметева, Меншикова, Апраксина, Долгорукаго, Голицына, Головкина. При каждомъ пирѣ были фейерверкъ и угощеніе народу. Весело встрѣченъ былъ новый *1710-й годъ.*

Но дѣла не были забываемы Царемъ, по любимой поговоркѣ его родителя: «Дѣлу время и потѣхѣ часъ.» Заключимъ описаніе славнаго 1709 года упоминаніемъ о трехъ событіяхъ, порадовавшихъ Царя въ Москвѣ, и

подавшихъ ему надежду, что все исполнится по его желанію.

Одно изъ сихъ событій было начало военныхъ дѣйствій Датскаго Короля противъ Шведовъ, въ Декабрѣ 1709 г. Датскія войска явились на берегахъ Швеціи.

Другое было согласіе Англіи на предположенія союзниковъ, касательно Швеціи. Къ досадѣ Царя, неожиданный случай въ 1708 году произвелъ остановку въ дружескихъ сношеніяхъ между нимъ и Англійскою Королевою. Матвѣевъ, посолъ его при Англійскомъ Дворѣ, отъѣзжая въ Голландію, не хотѣлъ заплатить какого-то спорнаго, ничтожнаго долга мѣлочному торговцу Лондонскому. Упрямый Англичанинъ пожаловался по начальству, и оскорбленный обидою земляка, судья приказалъ задержать посла Русскаго, какъ должника не платящаго долга. Строго исполняя приказъ судьи, констабель остановилъ на улицѣ Матвѣева, потребовалъ долга, и не слушая возраженій, отвелъ его въ Кингсъ-Бенчъ. Та-

кое неслыханное дѣло взволновало всѣхъ дипломатовъ. Королева спѣшила освободить Матвѣева, посадила въ тюрьму его кредитора, послала извиняться, но Матвѣевъ вывелъ изъ своей обиды государственное дѣло и выѣхалъ изъ Англіи безъ отпускной аудіенціи. Царь негодовалъ на неловкаго, упрямаго дипломата, виноватаго по Англійскимъ законамъ. Поддерживая честь Россіи, принужденъ онъ былъ однакожь протестовать и требовать удовлетворенія, хотя согласіе Англійской Королевы на союзъ, по крайней мѣрѣ, увѣренность въ томъ, что она не будетъ вмѣшиваться въ дѣла Швеціи съ Россіею, Пруссіею, Даніею и Польшею, были ему весьма важны. Князь Куракинъ, отправленный Царемъ въ Ганноверъ, явился оттуда въ Лондонѣ съ требованіемъ удовлетворенія за обиду Русскаго посла и объясненіями о дѣлахъ Швеціи. Занятая войною съ Людовикомъ XIV-мъ, убѣждаемая просьбами наслѣдника своего, Курфирста Ганноверскаго, ибо онъ надѣялся участка въ дѣ-

лежѣ добычи, Королева объявила Куракину, что въ дѣлахъ Швеціи она будетъ наблюдать строгій неутралитетъ, а для извиненія въ обидѣ, причиненной Русскому послу, посылаетъ своего особеннаго посла въ Россію. Сей посолъ Королевы, лордъ Витвортъ, представлялся Царю на аудіенціи Января 5-го 1710 года, въ Москвѣ, поднесъ грамату Королевы и говорилъ, что желаніе доказать дружбу свою Царю заставило Королеву отнынѣ внести въ государственные законы Англіи неприкосновенность особы пословъ. Царь радъ былъ удовлетворительно окончить дипломатическія сплетни.

Наконецъ третье, порадовавшее Царя событіе было подтвержденіе мира Султаномъ, и увѣреніе его, что онъ не будетъ помогать Карлу XII-му. Для поясненія обстоятельствъ надобно обратиться здѣсь къ пребыванію Короля Шведскаго въ Турціи въ 1709 году.

Между тѣмъ, когда повсюду возставали на Швецію враги, Царь готовилъ союзы и торже-

ствовалъ побѣды, а Станиславъ бѣжалъ изъ Польши и отрекался отъ своего престола, что мыслилъ и дѣлалъ раненый левъ Шведскій? Мы слышали гордый отзывъ его на предложеніе Царя о мирѣ. Что могло подкрѣплять надежды его, лелѣять гордость и подавать поводъ къ такому отвѣту?

Онъ былъ неукротимъ, сказали мы, и свирѣпѣлъ желаніемъ мести. Вскорѣ по прибытіи Карла XII-го въ Бендеры полученъ былъ отвѣтъ Султана на грамату, гдѣ просилъ онъ себѣ временнаго убѣжища въ Турціи. Если съ одной стороны Карлъ XII-й являлся, какъ побѣжденный, бѣгствующій государь, едва не плѣнникъ, съ другой стороны положеніе его, еще недавно столь могущаго, сильнаго, пришедшаго изъ ледяныхъ сѣверныхъ странъ съ грознымъ войскомъ, заставлявшаго трепетать Россію, Польшу, Европу, увлекало воображеніе жителей Востока. Похожденія Карла XII-го разсказывали, какъ сказку, въ гаремѣ Султанскомъ. Мать Султана не могла наслушать-

ся разсказовъ о *желѣзноголовомъ Каролусѣ*, принимала въ немъ участіе, говорила сыну своему, что онъ «долженъ пособить сѣверному льву отмстить Русскимъ псамъ за обиду.» Султанъ Ахметъ-III-й, возведенный на тронъ бунтующими янычарами въ 1703 году, дотолѣ прозябавшій въ заключеніи серальскомъ, управлялся волею матери и окружавшихъ его. Онъ готовъ былъ исполнить просьбы матери, такъ, что Чурлули-Али, верховный визирь, сказалъ даже Понятовскому: «Въ одну руку возму я мечъ мой, другую подамъ Шведскому Королю, поведу его на Москвитянъ и 200,000 воиновъ пойдутъ за нами!» Дѣйствительно, съ Карломъ XII-мъ начали переговоры, а между тѣмъ велѣно было воздавать ему всѣ почести, послать богатые подарки, отпускать деньги на содержаніе его и всѣхъ бывшихъ при немъ. Карлъ XII-й устроилъ себѣ привольный лагерь близъ Бендеръ, гдѣ жилъ съ своими генералами, офицерами и солдатами, успѣвшими убѣжать къ нему изъ Россіи и Польши. Съ нимъ

было всего до 1,800 человѣкъ. Пріѣзжая въ Шведскій лагерь, Паша Бендерскій разговаривалъ съ Королемъ стоя и не смѣлъ сѣсть. Тяжелая рана долго мучила Короля, но была наконецъ счастливо изцѣлена, и онъ началъ свой обыкновенный образъ жизни: ѣздилъ верхомъ, училъ солдатъ, отправлялъ съ ними утреннюю и вечернюю молитву. Онъ по прежнему былъ молчаливъ, гордъ, угрюмъ. Хладнокровно — слышалъ онъ о торжествѣ непріятелей, союзѣ Польши, Пруссіи, Даніи и Россіи, измѣнѣ прежнихъ друзей, робости подчиненныхъ, отчаяніи подданныхъ. Изъ Швеціи доносили ему о всеобщемъ уныніи народа и недоумѣніи правителей. Онъ отправилъ новыя приказанія собирать войско и готовиться отражать враговъ. Не изъявляя особенной радости, услышалъ онъ объ участіи, какое принимали въ судьбѣ его Султанъ, мать его и Визирь. Увѣренный, что война Россіи будетъ объявлена Турками, Карлъ XII-й хладнокровно услышалъ о погибели отряда войскъ, посланнаго имъ въ Польшу. Но

онъ также не показалъ ни печали, ни унынія, когда послѣ всѣхъ надеждъ и обѣщаній, внезапно было ему объявлено, что Султанъ подтвердилъ миръ съ Росіею, и что сохраняя долгъ гостепріимства къ Королю, онъ проситъ его однакожь не продолжать своего пребыванія въ Турціи. Султанъ говорилъ, что ручается за безопасность проѣзда его, принимаетъ на себя всѣ издержки путешествія, дастъ Турецкій отрядъ для препровожденія его чрезъ Польшу, но не можетъ держать его въ Турціи, ибо тѣмъ оскорбляется другъ Султана, Русскій Царь.

Такая внезапная перемѣна мыслей была внушена, сколько опасеніемъ войны съ Россіею, чѣмъ угрожалъ Царь, столько и ловкостью Русскаго посла, П. А. Толстаго. Находясь въ званіи посла въ Царьградѣ съ 1702 г., онъ умѣлъ составить себѣ сильную партію при Дворѣ Султанскомъ, и старался не допустить Султана до союза съ Карломъ XII-мъ, не щадя подарковъ. Чурлули-Али и Муфти не устояли противъ обольщеній золота. Султанъ

увлекся ихъ совѣтами и миръ съ Царемъ былъ торжественно подтвержденъ, Января 3-го 1710 года (мѣсяца Шеваля, 1122 года эгиры). Султанъ лично вручилъ Русскому послу ратификацію на аудіенціи, гдѣ Русскій посолъ явился въ такомъ богатомъ нарядѣ, что уборъ лошади, на которой ѣхалъ онъ, и великолѣпіе его одежды и свиты посольской, удивляли даже Турковъ, привыкшихъ къ Азіятской роскоши. Въ немедленной высылкѣ Карла XII-го изъ Турціи Визирь увѣрилъ Русскаго посла. Извѣстіе о томъ и подтвержденіе мира Турками Царь торжествовалъ въ Москвѣ. Царевичъ Алексѣй получилъ о томъ извѣстіе отъ родителя своего въ Краковѣ, и по его повелѣнію также праздновалъ вѣсть сію роскошнымъ пиромъ.

«Скажите своему государю, что я не поѣду изъ Турціи,» отвѣчалъ Карлъ XII-й, когда Паша Бендерскій почтительно извѣстилъ его о волѣ Султана. Изумленный Паша не зналъ что сказать. Карлъ XII-й продолжалъ прежній об-

образъ жизни. Всѣ окружавшіе его приходили въ отчаяніе, но Карлъ XII-й казался даже веселѣе обыкновеннаго. Иногда онъ даже шутилъ и игралъ въ шахматы, хотя всегда проигрывалъ, потому что забывая другія шашки, двигалъ впередъ только короля. Иногда читалъ онъ трагедіи Корнеля. Особенно любилъ онъ *Митридата* Расинова, и въ сей трагедіи болѣе всего извѣстный монологъ Митридата, какъ будто нарочно писанный для него въ его настоящемъ положеніи. Однажды одинъ изъ любимцовъ его осмѣлился что-то сказать о затруднительномъ положеніи дѣлъ въ Швеціи. Карлъ XII-й улыбнулся, раскрылъ Серторія Корнелева, и молча указалъ на извѣстный стихъ: *Не въ Римѣ Римъ, но онъ весь тамъ, гдѣ я* (Rome n' est plus dans Rome, il est toutoù je suis)!

РАЗСКАЗЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ЗАВОЕВАНІЕ ЛИФЛЯНДІИ И ЭСТЛЯНДІИ. ТОРЖЕСТВО ЦАРЯ.

1710 г.

И Балтики брега затрепетали,
Когда на нихъ Полтавскій грянулъ громъ,
И Рига, Колывань, Корела, Выборгъ пали
Предъ побѣдителемъ Царемъ!

С—въ.

Среди торжествъ и пировъ помышляя объ исполненіи обширныхъ предположеній, Царь отпустилъ вѣрныхъ сподвижниковъ своихъ на порученныя имъ дѣла, Меншикова и Шереметева къ Ригѣ, Апраксина въ Петербургъ, и самъ не медлилъ за ними. Февраля 17-го оставилъ онъ Москву; 25-го былъ уже въ Петербургѣ и распоряжалъ войсками къ осадѣ Выборга. Безпечный Либекеръ, столь неудачно воевавшій противъ Петербурга, все еще начальствовалъ Шведскими войсками въ Финляндіи. Онъ имѣлъ до 15,000 человѣкъ подъ ружьемъ, но не ожидая скораго нападенія Русскихъ, и затрудняясь продовольствіемъ войскъ,

только оставилъ въ Выборгѣ сильный гарнизонъ, и удалился со всею арміею своею въ западную Финляндію. Царь хотѣлъ воспользоваться его оплошностью. Зима была въ тотъ годъ необыкновенно продолжительна. Рѣшено было по льду вести войско къ Выборгу, и съ первымъ открытіемъ навигаціи подкрѣпить осаду его флотомъ.

Пока готовились къ осадѣ Выборга и блокада Риги перемѣнялась въ осаду, Царя порадовалъ, еще въ бытность его въ Москвѣ, легкій успѣхъ Рускихъ въ Польшѣ. По удаленіи Крассова Шведы оставались тамъ только въ Эльбингѣ, который, какъ мы видѣли, Царь уговорился отдать Прусскому Королю. Стараясь имѣть его въ рукахъ для исполненія обѣщанія, если надобно будетъ исполнить данное слово, Царь велѣлъ взять Эльбингъ Рускому отряду, подъ благовидною причиною, что Августъ медлилъ распоряженіями. Генералъ маіоръ Ностицъ блокировалъ всю зиму Эльбингъ. Только 900 Шведовъ составляли

гарнизонъ сего стариннаго и обширнаго города. Января 28-го Руские пошли на приступъ, ночью перебрались через замерзшіе рвы и бросились на валы. Внезапно встревоженные, Шведы храбро защищались, но при малочисленности своей, обширности городскихъ валовъ и неудобствѣ ихъ къ защитѣ, принуждены были уступить, сдать городъ и положить оружіе. Кромѣ 800 плѣнныхъ, трофеи составляли 183 пушки, 25 желѣзныхъ мортиръ и 157 мѣдныхъ ручныхъ мортирокъ. Царь велѣлъ оставить въ Эльбингѣ Русскій гарнизонъ, и не отдавать города королю Августу до его особеннаго приказа. Обладая Эльбингомъ, онъ держалъ въ страхѣ Данцигъ, имѣлъ морское пристанище въ Польшѣ и новое ручательство за вѣрность союзниковъ. Послѣ потери Эльбинга только могилы Шведовъ напоминали о пребываніи ихъ въ Польшѣ. На медали, которою ознаменовано взятіе Эльбинга, изображенъ былъ изумленный богъ городской рѣки, и воинъ, всходящій на крѣпость по лѣстницѣ.

Надпись говорила, что *Эльбингъ покорился военному искуству* (Elbinga martiali industria capta).

Марта 15-го по льду Финскаго залива перешли на Котлинъ островъ 5000 конницы и пѣхоты, съ 10 пушками и 3 мортирами, подъ начальствомъ Апраксина, пожалованнаго при началѣ похода графскимъ достоинствомъ и чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Скрывая движенiе отъ непрiятеля, Русское войско шло по льду прямо на Выборгъ, и 22-го Марта ночью явилось подъ древними стѣнами Выборга. Зима и каменистое мѣстоположенiе препятствовали осаднымъ работамъ, но 1-го Апрѣля была однакожь открыта пальба по городу. Русскiе отряды подходили одинъ за другимъ. Коммендантъ сначала не заботился о защитѣ, ожидая помощи отъ Либекера и Шведскаго флота. Апрѣля 12-го Рускiе отбили вылазку его. Либекеръ, испуганный неожиданнымъ появленiемъ Рускихъ, не шелъ на помощь, а ледъ препятствовалъ Шведскому

флоту явиться къ Выборгу. Апраксинъ видѣлъ себя однакожь въ затруднительномъ положеніи: недоставало пороху, не было хлѣба, что все должно было привезть по морю. Осада шла медленно. Пальбу поддерживали только для вида. Отряды Либекера начали наконецъ появляться, и Апраксинъ думалъ уже, что опять, какъ за четыре года прежде, осада кончится неудачею. Онъ располагался отступать. Строгія приказанія Царя остановили его. Самъ великій шаутбенахтъ былъ готовъ идти съ флотомъ, ждалъ только вскрытія моря, и едва взломало ледъ, выступилъ отъ Котлина 25-го Апрѣля. Семь фрегатовъ составляли первую линію Русскаго флота, а за тѣмъ, въ 12-ти линіяхъ, шли 219 шнявъ, бригантинъ, ботовъ, фрегатовъ, скампавей, галеръ, на коихъ находились войско, осадная артиллерія, снаряды и запасы. Кромѣ Царя, на флотѣ были вице-адмиралъ Крюйсъ и шаутбенаутъ Боцисъ. По числу судовъ, составлявшихъ уже и въ то время Балтійскій флотъ, можно судить

*

о заботахъ, какія употребилъ на кораблестроеніе великій зиждитель его въ теченіе семи лѣтъ, при всѣхъ другихъ дѣлахъ и многообразныхъ попеченіяхъ. Жестокая буря, и потомъ морозъ, коимъ сомкнуло ледъ, остановили плаваніе. Положеніе было опасно. Суда могло разбить льдинами, но Царь не согласился на предложеніе воротиться. Самъ онъ, въ шнявѣ, осматривалъ положеніе мѣста, прорубая ледъ и ломая его фрегатами, плывшими на всѣхъ парусахъ, когда другія суда шли за ними, цѣплясь другъ за друга. Между тѣмъ вѣтромъ опять разломало и пронесло ледъ, и 8-го Мая флотъ прибылъ въ Выборгскій заливъ. Привезенныя на немъ *десять тысячь* войска, 80 пушекъ, 26 мортиръ, провіантъ, снаряды, дали средства усилить осаду. Получено было извѣстіе о приближеніи Шведскаго флота. Опасаясь, что Русскія суда будутъ заперты съ моря, Царь поспѣшно отправился съ частью фрегатовъ и галеръ въ Кронштадтъ, надѣясь заманить Шведовъ къ Выборгу и по-

ставить ихъ между двухъ огней. Шведскій флотъ, узнавъ о томъ, не посмѣлъ приблизиться и удалился. Выборгъ громили съ 1-го Іюня изъ 100 орудій. Черезъ недѣлю въ стѣнахъ крѣпости сдѣланъ былъ проломъ и бомбами разрушены въ городѣ многія зданія и внутреннія укрѣпленія. Отъѣзжая изъ Выборга, Царь предписалъ немедленно брать городъ приступомъ, когда откроется проломъ достаточный. Онъ приказывалъ штурмовать въ одно время съ берега и съ моря, и днемъ, ибо «уже давно извѣдано,» говорилъ онъ, «что ночные штурмы не удаются, ради многихъ причинъ, которыя излагать излишне. Призовите на помощь Бога, учините добрую диспозицію, и какъ всѣ дѣла человѣческія отъ сердца происходятъ, увеселите сердца солдатскіе тѣмъ, что по словамъ Давида, веселитъ сердце человѣческое.» Заболѣвши лихорадкою отъ жестокой простуды на морѣ, Царь принужденъ былъ оставаться въ Петербургѣ, и скорбѣлъ, что самъ не можетъ явиться къ Вы-

боргу на приступъ, назначенный Апраксинымъ 9-го Іюня. «Если можно, то отложите на нѣсколько дней,» писалъ Царь. «Сегодня приму я послѣднее лекарство и завтра могу ѣхать, а впрочемъ помоги вамъ Богъ!»

Царь не замедлилъ пріѣздомъ, но приступа не было. Видя беззащитность свою, силу Руcкихъ и готовность ихъ на штурмъ, коммендантъ выслалъ договариваться. Онъ требовалъ выпуска изъ города съ оружіемъ. Апраксинъ не соглашался. Царь рѣшилъ споръ, позволивъ выйдти Шведамъ съ ружьями, безъ знаменъ и безъ барабановъ. Рускіе заняли городъ. Царь самъ ввелъ черезъ проломъ свой Преображенскій полкъ, снялъ Шведскіе караулы, отправилъ молебствіе съ пушечною пальбою, осмотрѣлъ городскія зданія, и объявилъ Шведскому комменданту, что непріязненные поступки Шведскаго правительства принуждаютъ его нарушить договоръ. Онъ поставилъ на видъ, что Шведы до сихъ поръ не отпускаютъ посла его, задержаннаго въ 1700 году,

и не только не хотятъ размѣнять плѣнныхъ, даже держатъ ихъ въ заключеніи, безъ различія военныхъ и купцовъ, захваченныхъ и ограбленныхъ въ Швеціи при началѣ войны. Всего болѣе оскорбляло Царя безчестіе, нанесенное Русскому флагу, когда на Русской шнявѣ, явившейся въ Стокгольмъ для переговоровъ подъ бѣлымъ флагомъ, не только мирный флагъ сей былъ нагло сорванъ, но и самая шнява задержана плѣнною. Царь объявилъ Выборгскій гарнизонъ военноплѣннымъ, обѣщая ему свободный отпускъ, когда во всѣхъ изложенныхъ жалобахъ получитъ удовлетвореніе. Число взятыхъ такимъ образомъ въ плѣнъ Шведовъ простиралось до 3800 солдатъ и 150 офицеровъ; 400 Шведовъ изъ сего числа добровольно вступили въ Русскую службу. Пушекъ найдено было въ Выборгѣ 150, мортиръ 8, ружей болѣе 5000.

Малою потерею со стороны Рускихъ разрушена была ограда Финляндіи и пріобрѣтена древняя, знаменитая крѣпость, никогда дото-

лѣ не покорявшаяся Рускимъ. Отряды Либекера спѣшили удалиться отъ Выборга, оставляя свободный путь на Кексгольмъ. Брюсъ былъ отправленъ туда съ нѣсколькими полками. Апраксину препоручено возобновить стѣны и укрѣпленія Выборгскія. Царь ввелъ побѣдительные полки свои въ Петербургъ 23-го Іюня, и въ день воспоминанія Полтавской битвы пальба послѣ молебна производима была изъ Выборгскихъ пушекъ, поставленныхъ на площади. Вездѣ, гдѣ ни бывалъ Царь, воспоминанія взятія Шлиссельбурга и Нарвы, и битвы подъ Лѣснымъ, были имъ ежегодно празднуемы. Но блистательнѣе всѣхъ бывалъ праздникъ Полтавскій. Особенная церковная служба была сочинена для сего праздника ученымъ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, и донынѣ ежегодно 27-го Іюня Церковь православная возглашаетъ краснорѣчивыя духовныя пѣсни, тогда составленныя. За взятіе Выборга Апраксинъ былъ награжденъ Андреевскимъ орденомъ. На медали, выбитой въ память сего до-

стопамятнаго завоеванія, изображенъ былъ соколъ, поражающій аиста, съ надписью: «Взятъ дерзновенный» (occupat audentem), и стихами Виргилія: Tam multa in tectis crepitans salit horrida grando (съ трескомъ ударяетъ въ кровы ужасный градъ)!—«Взятіемъ Выборга Петербургу конечное обезопасеніе положено,» писалъ Царь Ромодановскому. Для усиленія укрѣпленій завоеваннаго города прислано было 2000 работниковъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ паденія Выборга покорилась царскому оружію ограда Ливоніи, древній городъ Крестоносцовъ Ливонскихъ, основанный за пять столѣтій, считавшійся первымъ Шведскимъ городомъ послѣ Стокгольма по опредѣленію Карла XI-го, видѣвшій бѣжавшія отъ стѣнъ его дружины царя Алексія въ 1656 году, богатый торговлею, многолюдный, десять лѣтъ пренебрегавшій кипѣвшею окрестъ него войною и побѣдами Русскихъ—покорилась *Рига*.

Завоеваніе Риги было не легко, при силь-

ныхъ укрѣпленіяхъ, многочисленности гарнизона, мужествѣ коммендавта. Мы видѣли, что первымъ дѣломъ Царя послѣ Полтавской побѣды была осада Риги, и что еще съ Октября 1709 года начата была блокада ея. Коммендантъ, не только не слушалъ предложеній о сдачѣ, но осмѣлился даже отвѣчать ругательными объявленіями, называя Рускихъ и Царя ихъ варварáми и призывая Лифляндцовъ соединиться съ Шведскимъ войскомъ. По волѣ Царя Шереметевъ отвѣчалъ ему, «подражая его *штилю*, въ коемъ и будутъ всегда ему отвѣтствовать, если онъ не будетъ писать учтивѣе,» говорилъ Русскій полководецъ. «Пора вспомнить,» продолжалъ онъ, «что гордость уже неприлична Шведамъ и лучше быть имъ посмирнѣе. Но видно честолюбіе имъ свойственно, если и несчастіе ихъ не вразумляетъ. Мы пришли не отяготить, но избавить Лифляндію отъ ихъ притѣсненій и власти короля истиннаго варвара, по безчеловѣчію его, оставившаго и раззорившаго своихъ подданныхъ.

Мы, варвары, почтили честью даже плѣнныхъ Шведовъ, забывая неправедную войну, обиды и раззоренія. Пусть вспомнятъ господа Шведы, что гнѣвъ безсильный смѣшенъ. И къ какому Шведскому войску велятъ они присоединяться жителямъ, когда въ Лифляндіи, кромѣ запертыхъ въ стѣнахъ Риги, нѣтъ и десяти Шведскихъ солдатъ?»

Осажденные ожидали, что только весною начнется настоящая осада, но ихъ ужаснули Русскія бомбы, во множествѣ полетѣвшія въ городъ Декабря 4-го, «едва по утру раздались звуки органовъ въ соборной церкви,» говоритъ самовидѣцъ осады. На другой день бомбардированіе замолкло, но 10-го возобновилось. Декабря 12-го въ полночь взорвало бомбами пороховой магазейнъ, изъ коего разлетѣлось по городу 1800 бомбъ, убито было 800 человѣкъ, разрушились многія зданія въ цитадели и развалилась часть стѣнъ. Сочтено, что съ 14-го Ноября до 17-го Марта брошено было въ Ригу до 1200 бомбъ, и учинено по го-

роду болѣе 1500 выстрѣловъ. Еще болѣе бѣдствій причиняли Ригѣ два страшные непріятеля—голодъ и зараза. Тысячи гибли отъ недостатка пропитанія и повальныхъ болѣзней, имъ причиняемыхъ. Къ веснѣ всѣ запасы были истощены и зараза усилилась. Кто могъ изъ жителей бѣжать, бѣжалъ къ Рускимъ, а настоящая осада только что начиналась! Въ Мартѣ обложило Ригу все многочисленное войско Шереметева. Ужасы голода и заразы достигали крайней степени. Недоставало мѣста на могилы и людей хоронить погибавшихъ. Пальба и бомбардированіе усилены были въ концѣ Марта. Рускіе овладѣли частью форштадтовъ, и поставили баттареи такъ близко подлѣ крѣпости, что дальнѣйшее упорство осажденныхъ могло обратить въ груду развалинъ весь городъ, еще недавно столь многолюдный и богатый. Дѣятельность Рускихъ остановило на нѣкоторое время неожиданное бѣдствіе: язва изъ города занесена была въ Русскій лагерь, распространилась въ немъ и

погубила нѣсколько тысячь человѣкъ. Надобно было принимать предосторожности, прекратить сношеніе съ зараженными мѣстами. Пользуясь тѣмъ, въ началѣ Іюня Шведская эскадра хотѣла пробраться къ городу по Двинѣ. Русскія баттареи заставили ее удалиться. Въ половинѣ Іюня кончены были послѣднія баттареи Русскія. Щадя жителей и упорнаго непріятеля, Шереметевъ послалъ съ послѣднимъ предложеніемъ о сдачѣ. Жители умоляли о томъ коммендапта. Онъ просилъ два дня на совѣщаніе, и еще разъ отказался сдать городъ, даже заключилъ въ тюрьму старшинъ города, смѣло представлявшихъ ему безполезность упорства. Іюня 14-го страшно грянули Русскія баттареи. Пожары запылали въ городѣ; люди гибли; зданія превращались въ груды обломковъ. Въ теченіе десяти дней, не умолкая ни днемъ, ни ночью, Русскія мортиры бросили въ городъ 630 бомбъ 9-ти пудовыхъ и 2759 пяти пудовыхъ. Коммендантъ выслалъ просить перемирія и десяти

дней срока на совѣтъ. Согласились дать ему два дня отстрочки, потомъ прибавили еще день, и 30-го Іюня явились въ лагерь депутаты отъ гарнизона и отъ города. Условія Шереметева были рѣшительныя: гарнизону сдаться безусловно, а жителямъ и дворянству присягнуть на подданство Царю. Споры продолжались недолго. Шереметевъ согласился наконецъ позволить гарнизону выйдти изъ крѣпости съ ружьями, знаменами, барабанами, и 6-ю полевыми пушками, исключая служащихъ въ Шведскомъ войскѣ Лифляндцовъ. По договору съ жителями города и дворянствомъ, Рига и Лифляндія присягали на подданство Царю. Актъ подданства начинался словами: «Не токмо изъ объявленной Израильскому народу *экономіи* Божіяго правленія извѣстно, что перемѣны во владѣніяхъ отъ Всевышняго *дирекціи* зависятъ и на пользу людямъ располагаются, но и по *натуральному* разсужденію признается, что Всевышній временами правитъ, и Онъ есть причина начальная всѣхъ

дѣлъ, какъ непредѣльному его предувѣдѣнію учинить. И равно такъ и нынѣ пришло, что земля Ливонская, съ городами и обывателями, отъ короны Свейской взимается и Его Царскому Величеству поддана и подвержена быть имѣетъ.» Подробно подтверждены были Рижанамъ и дворянству Лифляндскому свобода вѣроисповѣданія, права, привиллегіи; обѣщано отмѣненіе редукцій, охраненіе вольностей и законовъ. Іюля 4-го Шведское войско, 250 офицеровъ и 4000 солдатъ, бѣдный остатокъ (на половину состоявшій изъ больныхъ и раненыхъ) отъ 12,000 храбраго Шведскаго гарнизона оставилъ Ригу. Рускіе заняли столицу Лифляндіи. Она представляла страшное зрѣлище разрушенія. Число войска и жителей, погибшихъ во все время облежанія и осады города, полагали до 60,000. Въ Ригѣ найдена громадная артиллерія, 85 мѣдныхъ и 227 чугунныхъ пушекъ, 18 мортиръ, 5 гаубицъ, и въ цитадели 15 мѣдныхъ, 239 чугунныхъ пушекъ, 43 мортиры, 7 гаубицъ, а всего до 639

орудій. Іюня 12-го Шереметевъ торжественно въѣхалъ въ Ригу при пушечной пальбѣ. У городскихъ воротъ поднесли ему два золотые ключа, въ три фунта вѣсомъ, съ надписью: Rigae devictae obsequium a supremo totius Russiae campi praefecto com. Boris Scheremeteff, anno salutis MDCCX, die XIV Julii. Въ древнемъ королевскомъ замкѣ привѣтствовали его *ораціею*. «Богъ возвышаетъ и низлагаетъ царства,» говорилъ ораторъ, «и мы благоговѣйно преклоняетъ колѣна предъ монархомъ, избраннымъ возвеличить Россію.» Въ соборѣ учинена была присяга дворянства. На особо устроенномъ мѣстѣ передъ Ратушею, сидя въ богатыхъ креслахъ, фельдмаршалъ принялъ присягу гражданъ. Въ Русскомъ лагерѣ былъ роскошный пиръ для новыхъ подданныхъ царскихъ. Немедленно повсюду замѣнили Шведскихъ львовъ Русскіе орлы, и уже не слетали они съ тѣхъ поръ съ древнихъ стѣнъ и башенъ Рижскихъ. Приказавъ очищать городъ, возобновлять укрѣпленія и зданія, возстано-

вить сообщенія изнуренныхъ жителей съ другими мѣстами, Шереметевъ отвелъ войско Русское отдохнуть въ удобныхъ квартирахъ.

Царь утвердилъ всѣ заключенныя съ Ригою условія, кромѣ одного: коммендантъ Рижскій и половина Шведовъ были задержаны, въ силу тѣхъ самыхъ причинъ, по коимъ задержанъ былъ гарнизонъ Выборгскій. Горестно повторилъ Штромбергъ знаменитое: Viae victis (*горе побѣжденнымъ*), услышавъ о рѣшеніи царскомъ; впрочемъ, онъ вскорѣ былъ обмѣненъ на стараго сослуживца царскаго, Адама Вейде. Завоеваніе Риги ознаменовано медалью, гдѣ надъ бомбардируемою Ригою было написано: Riga redit Russis apto certamine castris (послѣ упорной защиты покорена Россіи).

Не будемъ излагать подробностей покоренія остальныхъ городовъ Лифляндіи и Эстляндіи. Стѣсненные блокадою, терзаемые недостатками и заразою, всюду распространившеюся, они почти не оказывали сопротивленія. Іюля 22-го генералъ Бауръ, съ 6-ю полками, явился у *Пер-*

нова. Августа 14-го сдался ему сей городъ. Изъ 1000 человѣкъ гарнизона оставалось только 120; имъ позволяли удалиться въ Ревель, но они всѣ вступили въ Русскую службу. Пушекъ найдено здѣсь 183, мортиръ и гаубицъ 18. *Динаминдская крѣпость* не сдавалась, и когда генералъ маiоръ Бонъ подошелъ къ ней съ 2000 человѣкъ, вмѣсто бывшаго въ ней гарнизона, 1200 человѣкъ, вымершаго отъ заразы, прислано было изъ Швецiи 700 человѣкъ; изъ нихъ оставалось уже только 300. Принуждены были начать бомбардированiе. Нѣсколько бомбъ Русскихъ рѣшили участь крѣпости. Шведовъ, по договору перевезли на островъ Эзель. Въ Динаминдѣ взято было 200 пушекъ и 20 мортиръ. *Ревель* былъ обложенъ Рускими съ начала весны. Полковникъ Зотовъ блокировалъ его съ драгунами. Въ Августѣ пришелъ бригадиръ Иваницкiй съ пѣхотою. Недостатокъ и болѣзни въ городѣ усилили толпы укрывшихся въ немъ Эстонцовъ. Рускiе перерыли каналъ, посредствомъ коего

жители довольствовались водою изъ Эркельскаго озера, и недостатокъ воды довершилъ бѣдствія Ревеля. Августа 19-го пришли отряды отъ Пернова. Русскій полкъ переправился на островъ Эзель. При появленіи его гарнизонъ *Аренсбурга*, небольшой крѣпости на Эзелѣ (гдѣ найдено 66 пушекъ и 4 мортиры), сдалъ ему сію крѣпость. Генералъ Бауръ тѣснѣе обложилъ Ревель. Со дня на день ждали, что безразсудное упорство Ревельскаго коммендаита Паткуля уступитъ необходимости и просьбамъ жителей, умолявшихъ его о сдачѣ. Осаждающіе даже не стрѣляли. Ревелю предложено было сдаться на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ покорилась Рига; обѣщаны были также неприкосновенность всѣхъ правъ и охраненіе собственностей. Пока продолжались переговоры, получена вѣсть о покореніи *Кексгольма*, древней Карелы, крѣпости, находящейся у сѣверо-западнаго берега Ладожскаго озера, на двухъ небольшихъ островкахъ, образуемыхъ вліяніемъ въ Ладожское озеро рѣ-

ки Соймы. Крѣпкое мѣстоположеніе давало осажденнымъ средства защиты. Генералъ Брюсъ началъ обложеніе крѣпости съ Іюля мѣсяца. При несоглашеніи на сдачу открылось бомбардированіе. Въ Августѣ по Ладожскому озеру привезена была осадная артиллерія. Не видя помощи, терпя недостатки въ хлѣбѣ и погибая отъ дѣйствія артиллеріи, гарнизонъ, состоявшій изъ 400 человѣкъ, сдался наконецъ Сентября 6-го, съ условіемъ отпуска въ ближайшій городъ Финляндскій Нейшлотъ, съ ружьями, безъ знаменъ. Кексгольмъ, ровно сто лѣтъ бывшій подъ властью Шведскою, дававшій средства непріятелю владѣть Ладожскимъ озеромъ, и еще болѣе безопасившій Петербургъ, порадовалъ покореніемъ своимъ Царя, а черезъ двѣ недѣли получено извѣстіе о покореніи Ревеля, втораго города послѣ Риги въ Остъ-Зейскихъ областяхъ, бывшаго во владѣніи Шведскомъ съ 1561 года. Завоеваніе его учинено безъ выстрѣла. Жители возстали наконецъ противъ Шведовъ, не допустили въ

городъ Шведскихъ кораблей, подошедшихъ въ началѣ Сентября, извѣщая Шведскаго адмирала, что онъ идетъ на погибель, ибо въ городѣ едва остается десятый человѣкъ отъ заразы. Съ удаленіемъ Шведской эскадры начальство города вступило въ переговоры съ осаждающими. Коммендантъ долженъ былъ согласиться. Онъ лежалъ въ постелѣ, тяжко больной. Ему позволили съ остаткомъ гарнизона удалиться въ Швецію. Сентября 29-го Руские заняли Ревель. Въ немъ найдено 57 пушекъ мѣдныхъ, 174 чугунныхъ, и 74 мортиръ и гаубицъ. Покореніе древней столицы Эстонской довершило завоеваніе всѣхъ Балтійскихъ областей. Отъ предѣловъ Лифляндіи до границъ Курляндіи все *принадлежало Рускому Царю.*

На взятіе Динаминда выбита была медаль, съ надписью: *Благо вамъ, уступившимъ устье Двины Россіи.* На медали на взятіе Пернова сказано было: Remeante die victricia signa *(Ежедневно новыя побѣды).* — *Карела повинуется*-

ся велѣніямъ ликующаго Марса (Imperio laeti paret Carela gradivi), говорила медаль на взятіе Кексгольма. *Превозмогающей силѣ Петра уступаетъ Ревель* (Predominante Petri solio Revalia cessit), было на медали Ревельской. Аренсбургъ, на колѣняхъ подносящій Царю вѣнецъ, изображался на медали на взятіе острова Эзеля, съ надписью: Oeselia insula ita in fidem recepta (*Такъ и Эзель покорился*). Двумя медалями означено было вообще покореніе Лифляндіи и Эстляндіи: на одной изображенъ былъ Геркулесъ, несущій на раменахъ земной шаръ, съ надписью (изъ Овидія): *Есть у меня силы понести такую тяжесть* (Sunt mihi quae valeant in talia pondera vires). На другой видѣнъ былъ Русскій Орелъ, окруженный гербами восьми покоренныхъ городовъ, съ надписью: Plenis successibus annus (*Полный успѣхами годъ*).

Дѣйствительно, *полонъ успѣхами былъ достопамятный 1710-й годъ*. Петербургъ, Москва, Россія безпрерывно оглашались хвалеб-

нымъ пѣніемъ Богу побѣдодавцу. Лифляндія и Эстляндія, приведенныя въ подданство Царю; Финляндія, увидѣвшая отверзтые въ нее пути Рускимъ; восемь городовъ, *Эльбингъ*, *Выборгъ*, *Рига*, *Перновъ*, *Динаминдъ*, *Аренсбургъ*, *Кексгольмъ*, *Ревель*, покоренные въ теченіе *десяти мѣсяцовъ*, когда ихъ защищали болѣе 25,000 человѣкъ гарнизона, съ 2000 артиллерійскихъ орудій, въ Финляндіи стоялъ корпусъ Шведскихъ войскъ, и флотъ Шведскій могъ доставлять пособія, при большихъ въ каждой крѣпости запасахъ — таковы были военныя событія года, послѣдовавшаго послѣ Полтавской побѣды. Легкія завоеванія Рускихъ приписывали потомъ свирѣпствовавшей тогда въ Польшѣ, Ливоніи, Эстоніи и Курляндіи заразѣ, и голоду, губившему гарнизоны въ крѣпостяхъ, но при томъ забывали, что сіи причины не существовали въ Финляндіи, гдѣ въ глазахъ Либекера палъ Выборгъ. Кромѣ того, взятіе Выборга, Кексгольма и осада Риги показали искуство и мужество Русскихъ войскъ.

Если осажденные страдали отъ недостатковъ и болѣзней, отъ нихъ терпѣли и осаждающіе, останавливаясь въ рѣшительныхъ мѣрахъ, какія безъ того приняли бы безъ замедленія, ибо Рускіе не боялись брать приступомъ Шведскіе города.

Пѣтъ. Событія 1710 года доказываютъ мудрую предусмотрительность Царя, еще на Полтавскомъ полѣ взвѣсившаго и расположившаго всѣ мѣры для собранія плодовъ своей великой побѣды. Личныя распоряженія и труды его при осадѣ Выборга показываютъ, что притомъ ничего не упускалъ онъ изъ вида для совершенія своихъ предпріятій. Въ другомъ отношеніи сіи событія доказали до какой степени были истощены тогда средства Швеціи и какъ упали духомъ Шведы и правители ихъ. Уныніе, отчаяніе владѣли сердцами всѣхъ. Погибель войска въ походѣ въ Росію, въ 1708 и 1709 годахъ, и войска находившагося въ Остъ-Зейскихъ и Финляндскихъ гарнизонахъ, произвели то, что все остальное

войско Шведское ограничивалось остатками Либекерова корпуса въ Финляндіи и немногими полками въ Швеціи. Собрать новыя силы не было возможности, и могли ль новобранныя войска замѣнить прежніе мужественные полки! Отъ чертоговъ до хижинъ немногія семейства не оплакивали смерти или плѣна кого либо изъ своихъ родныхъ, и вся Швеція видѣла погибшимъ цвѣтъ юности, ума и мужества, министровъ, полководцовъ, войска свои. Не вѣрили даже, что Карлъ XII-й уцѣлѣлъ и называли самозванцомъ Бендерскаго бѣглеца, не слушаясь указовъ сената, издаваемыхъ именемъ его. Бѣдствія умножала зараза, перевезенная въ Швецію и въ одномъ Стокгольмѣ погубившая болѣе 30,000 жителей.

Дѣйствія союзниковъ царскихъ были однакожь не только безуспѣшны въ 1710 году, но даже кончились безславнымъ пораженіемъ Датчанъ и неожиданнымъ торжествомъ Шведовъ. Мы видѣли, что Датчане начали военныя дѣйствія еще въ концѣ 1709 года. Трактатъ Да-

ніи съ Россіею возобновленъ былъ Октября 11-го въ Копенгагенѣ. Данія обязывалась немедленно учинить высадку въ Швецію изъ Норвегіи и изъ Копенгагена, не мириться отдѣльно, не принимать ни чьего посредничества. Безопасная со стороны Голштиніи неутралитетомъ сосѣдей, Данія начала войну манифестомъ, «доказывавшимъ, какъ легко найдти «причины нарушить трактатъ, если хотятъ «его нарушить» (говоритъ Вольтеръ). Ноября 1-го 18,000 Датчанъ, предводимыхъ генераломъ Ревентлау, вышли на берега Сканіи, овладѣли городами Христіанфортомъ и Гельзингборгомъ, обложили Мальмое и Ландскрону и угрожали Карлскронѣ, гдѣ было главное адмиралтейство и находился флотъ Шведскій. Швеція казалась беззащитною.

Но чрезмѣрныя бѣдствія иногда бываютъ причиною появленія необыкновенныхъ людей. Такъ сбылось и здѣсь. Генералъ-губернаторомъ Сканіи былъ тогда *Магнусъ Штейнбокъ*. Въ лѣтахъ мужества (онъ родился въ 1664 г.)

начавши школу войны, онъ сопровождалъ Карла XII-го во всѣхъ походахъ его, въ Россію, Польшу, Саксонію, и изъ-подъ Лейпцига посланъ былъ правителемъ въ Сканію. Къ уму полководца Штеинбокъ присоединялъ неукротимую храбрость, безкорыстное усердіе патріота и необыкновенное краснорѣчіе. Видя непріятеля въ родныхъ областяхъ Шведскихъ, угрожавшаго истребленіемъ флота (и далеко ли отъ столицы?), видя правителей, потерявшихъ умъ при близости погибели, Штеинбокъ ревностно принялся за дѣло, призвалъ Далекарлійцовъ, нѣкогда возведшихъ на престолъ Густава Вазу, собралъ толпы поселянъ, вооружилъ ихъ чѣмъ могъ, присоединилъ къ нимъ нѣсколько полковъ, бывшихъ у него, одушевилъ всѣхъ своими рѣчами, обучилъ сражаться, составилъ 10 пѣхотныхъ, 9 конныхъ полковъ, и повелъ на Датчанъ своихъ *мужиковъ* (bonde-drängar), какъ въ насмѣшку назвали ихъ Датчане. Стремительность нападенія, храбрость Штеинбока, оплошность Равент-

лау всюду давали неожиданное преимущество Шведамъ. Мальмое и Ландскрона были освобождены отъ осады. Датчане отступили къ Гельзингборгу. Здѣсь, пройдя недоступными болотами, Штеинбокъ нечаянно напалъ на Датчанъ Марта 6-го. Битва была отчаянная. Шведы дрались кто чѣмъ могъ, ножами, косами, вилами; 3000 Шведовъ пало въ битвѣ, но Датчане были разбиты на голову, потеряли 4000 убитыми, 3000 ранеными, 3000 плѣнными. Только подоспѣвшій флотъ Датскій спасъ остатки Датскаго войска. Гельзингборгъ осадили, бомбардировали, принудили сдаться, и лѣтомъ 1710 года ни одного Датчанина уже не было на Шведскихъ берегахъ. Побѣды оживили упадшій духъ Шведовъ. Всѣ спѣшили къ оружію; нашли средства вооружить рекрутовъ и Штеинбокъ охранялъ берега уже съ 20,000 войска. Такое слабое и послѣднее усиліе Шведовъ, конечно, было ничтожно, если бы союзники дружно принялись за дѣло, тѣмъ болѣе, что Датчане, оскорбленные пораженi-

емъ, не оробѣли, но пылали всею народною ненавистью къ Шведамъ, приготовили вновь 36,000 войска и флотъ. Сдѣлалось, что предвидѣлъ Царь.

Мы говорили о протестѣ имперскаго сейма и отношеніяхъ по сему случаю Царя и короля Августа. Когда померкла на сѣверѣ слава Карла XII-го, на западѣ также померкала съ каждымъ годомъ слава Людовика XIV-го. Тяжко расплачивался онъ за прежніе успѣхи. Уденардская битва, 1708 года, заставила его смиренно просить мира. Посолъ Людовика XIV-го явился въ передней Голландскаго Пенсіонарія. Но союзники хотѣли не только уступокъ, требовали безславія Франціи. Война возобновилась и годъ Полтавской битвы ознаменовался знаменитою побѣдою союзниковъ при Мальплакетѣ (11-го Сентября 1709 г.). Продолжительная война утомила однакожь всѣхъ, доказавъ притомъ, что силъ Людовика XIV-го невозможно уничтожить. Несогласія внѣдрялись между союзниками. Марлборугу завидовали,

искали его погибели. Время было рѣшительное, и война, которою угрожали сѣверу Германіи Пруссія, Польша, Данія, когда въ нее вмѣшивался побѣдитель Карла XII-го, Русскій Царь, встревожила имперію. Франція могла найдти союзниковъ и отвлечь силы другихъ державъ. Сеймъ имперскій рѣшительно объявилъ, что онъ не допуститъ военныхъ дѣйствій ни въ Голштиніи, ни въ Помераніи. Императоръ, Королева Англійская, Голландія заключили договоръ (31-го Марта 1710 г.), коимъ обязались требовать строгаго неутралитета имперскихъ земель. Шведы не должны были двигать войскъ своихъ изъ Помераніи, а Польша, Швеція, Англія и Россія обязывались не нападать ни на Померанію, ни на Голштинію. Опредѣлено было для поддержанія неутралитета собрать охранный корпусъ изъ войскъ Императорскихъ, Прусскихъ, Гановерскихъ, Голландскихъ и Мюнстерскихъ: «самый странный трактатъ, какой когда либо былъ заключаемъ, и неслыханный примѣръ

сбора войскъ, съ цѣлью не воевать, а остановить войну.» Короли Датскій, Прусскій, Польскій, Шведское правительство и Крассовъ, какъ губернаторъ Помераніи, приняли предложенный неутралитетъ, предоставляя утвердить или отвергнуть его Карлу XII-му. Сей неутралитетъ не связывалъ воли союзниковъ, ибо они могли воевать противъ Шведовъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ, кромѣ материка Европы, такъ, что Пруссія, выставляя неутральныя войска для охраненія тишины въ Помераніи, могла послать свое другое войско въ Швецію. Не смотря на то, приглашеніе Даніи соединить Русскія, Прусскія и Польскія войска съ Датскимъ для высадки въ Швецію, осталось неисполненнымъ. Пруссія начала переговоры. Польскій Король не имѣлъ силъ исполнить обѣщаніе.

Совѣты Царя, желаніе успокоить Польшу, и опасность возмущенія, еслибы онъ началъ преслѣдованіе измѣнявшихъ ему Польскихъ вельможъ, заставили короля Августа предать

забвенію всѣ прежнія дѣла. Но великодушіе невольное, вынужденное обстоятельствами, не доставило ему любви народной. Сеймъ Варшавскій, въ Февралѣ 1710 г., показалъ трудность умирить Польшу и привесть въ порядокъ государственныя замѣшательства, когда Поляки не терпѣли Августа, видѣли его безсиліе, и десять лѣтъ безначалія разрушили между ними всѣ законы, связи и отношенія гражданскія, пріучивъ знатныхъ и простолюдиновъ къ своевольству. Взаимныя жалобы, споры партій, требованія ограбленныхъ и отнятыхъ имѣній заняли шумный сеймъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ сильная партія враговъ короля Августа возстала противъ него, требуя вывода Саксонскихъ войскъ изъ Польши, возвращенія коронныхъ сокровищъ, прекращенія военныхъ поборовъ и налоговъ. Еще сильнѣе возставали противъ Царя, его распоряженіи въ Польшѣ, тягости содержанія Русскихъ войскъ. Требовали, чтобы Рускіе отдали артиллерію, взятую ими, очистили Эльбингъ и Польскую

Украйну, отпустили плѣнныхъ Поляковъ, разсчитались въ контрибуціяхъ. Вся прежняя гордость Поляковъ возобновилась; говорили смѣло, даже угрожали, какъ будто Польша могла подкрѣпить слова и угрозы дѣломъ. Король Августъ самъ тяготился помощью Царя, легкомысленно надѣясь, что и безъ него усмиритъ Польшу, но всего болѣе огорчало его взятіе Риги, обѣщанной ему и приведенной въ подданство Россіи послѣ завоеванія, а также новыя отношенія Царя къ Курляндіи.

Царь не изъявлялъ споровъ, не отказывалъ въ требованіяхъ имперскому сейму, увѣрялъ въ дружбѣ союзниковъ и мирно старался образумить Поляковъ. Онъ принялъ неутралитетъ Шведскихъ владѣній въ Германіи, зная, что неутралитетъ сей непродолжится. Пользуясь между тѣмъ временемъ, онъ очистилъ прибалтійскія области, взялъ Ригу и Выборгъ. Королю Августу отвѣчалъ онъ, что умиреніе Польши и пребываніе Карла XII-го въ

Турціи дѣлаютъ необходимымъ пребываніе въ Польшѣ Русскихъ войскъ; что Рига приведена только во временное подданство Россіи, и будетъ отдана Польшѣ при заключеніи мира; что въ контрибуціяхъ онъ разочтется, а Вишневецкаго и другихъ мятежниковъ, коихъ выдачи требовалъ сеймъ, необходимо удержать въ Россіи до совершеннаго успокоенія Польши. Посолъ царскій ловко проводилъ Поляковъ обѣщаніями и ссорилъ ихъ между собою. Царь изъ Петербурга управлялъ Польшею. Представитель его въ Варшавѣ, князь Долгорукій, и Меншиковъ, начальникъ Русскихъ войскъ въ Польшѣ, поступали самовластительно, не смотря на ропотъ и жалобы. Вопреки объявленному всепрощенію мятежники были забираемы, контрибуціи строго собирались. Царь потребовалъ отъ Данцига милльона ефимковъ, угрожая при отказѣ осадою, и рѣшительно приказывая магистрату Данцигскому прекратить сношенія и торговлю съ Швеціею. Изъ Эльбинга взяты были въ Рос-

сію мастеровые и художники. Рускіе не выходили изъ Польши. Царь обѣщалъ Даніи помощь войскомъ для высадки въ Швецію, и лѣтомъ Датскій флотъ для перевоза Русскихъ и Польскихъ войскъ явился у Данцига. Опасаясь потерять войско въ отдаленной экспедиціи и боясь неудачи, ибо видѣлъ на опытѣ какъ неловки были распоряженія Датчанъ, Царь уклонился отъ исполненія обѣщаній подъ разными предлогами. Король Августъ слѣдовалъ его примѣру. Датскіе корабли отправились обратно безъ войскъ. На высотахъ Борнгольма жестокая буря разсѣяла Датскую эскадру. Шведы воспользовались благопріятнымъ случаемъ, напали на Датчанъ при островкѣ Амакѣ (23-го Сентября), и въ нерѣшительной битвѣ завладѣли нѣсколькими Датскими кораблями. Данія принуждена была оставить на время въ покоѣ Швецію, не осмѣливаясь съ одними своими силами отважиться на высадку послѣ перваго несчастливаго опыта.

Понятно, почему такъ мало заботился Царь о дѣлахъ союзниковъ. Онъ былъ занятъ осадою Остъ-Зейскихъ и Финляндскихъ крѣпостей, и его безпокоили притомъ пребываніе Карла XII-го въ Турціи и интриги политическія въ Царьградѣ. Опасенія о началѣ войны съ Турціею были, какъ увидимъ далѣе, совершенно справедливы. Уваженіе неутралитета и несоглашеніе союзниковъ въ дѣйствіяхъ являлись достаточными предлогами оправдать бездѣйствіе, когда онъ зналъ, что обезопасивъ себя отъ Турціи и Карла XII-го, однимъ рѣшительнымъ походомъ можно будетъ отнять Померанію и явиться въ Швеціи. Балтійскія прибрежья, отъ Помераніи до Финляндіи, и Польша, были въ его рукахъ, а между тѣмъ другія политическія отношенія и внутреннія дѣла требовали его особеннаго вниманія.

Важнѣйшимъ изъ внѣшнихъ дѣлъ было супружество племянницы царской съ Герцогомъ Курляндскимъ. Самъ юный Герцогъ (ему бы-

ло тогда 18-ть лѣтъ, а невѣстѣ его 16-ть) пріѣхалъ подъ Ригу, и въ Русскомъ лагерѣ переговаривалъ съ Меншиковымъ. Любимецъ царскій подарилъ Герцогу Арабскаго коня, множество соболей, драгоцѣнный сапфиръ въ 50,000 ефимковъ и 2000 бочекъ муки. Онъ повезъ въ Петербургъ условія жениха. Царь великолѣпно встрѣтилъ своего любимца: выѣхалъ къ нему на встрѣчу, со всемъ Дворомъ, къ Красному Кабачку, и велѣлъ палить изъ пушекъ при въѣздѣ его въ столицу. Меншиковъ, осыпанный богатствомъ и почестями, правитель Польши, первый вельможа въ Россіи, министръ, полководецъ, былъ тогда на высочайшей степени почестей. Цѣня его необыкновенныя дарованія, Царь пристрастно прощалъ ему слабости и пороки его, гордость, непріязнь къ другимъ, жадное корыстолюбіе. Онъ съ досадою упрекалъ его, когда Меншиковъ захватывалъ въ Польшѣ богатства, оскорблялъ Поляковъ чванствомъ, и иногда въ гнѣвѣ восклицалъ Царь: » Александръ!

не забудь, что ты былъ прежде!» Но мгновенная досада стихала и милости продолжались по прежнему. Договоромъ съ Курляндіею Царь поручился за независимость сего герцогства отъ Польши, освобождалъ Курляндію отъ поборовъ и постоевъ военныхъ, и въ приданое за племянницею давалъ 200,000 рублей. Условіе подписано было въ Іюнѣ. Послы Герцога, Ренне и Лау, торжественно обручились съ невѣстою за своего отсутствующаго государя.

Заключая сей родственный союзъ съ Европейскимъ государемъ, *первый* со временъ Іоанна III-го, женатаго на Греческой Царевнѣ и выдавшаго дочь свою за Короля Польскаго, Царь разрушалъ двухъ-вѣковой предразсудокъ, столь долго отчуждавшій государей Русскихъ отъ родства съ иноземными государями, и осуждавшій дочерей и родственницъ царскихъ на печальное одиночество въ дѣвичьихъ теремахъ. Царь согласился даже, чтобы дѣти Курляндскаго Герцога мужескаго пола были

воспитываемы въ Лютеранской вѣрѣ, и только дочери были Греческой вѣры. Въ то же время Царь искалъ жениха второй племянницѣ своей, Екатеринѣ Іоанновнѣ. Желая утвердить вліяніе свое въ Германіи, онъ выбралъ юнаго принца Леопольда Карла, брата владѣтельнаго Герцога Мекленбургскаго и Королевы Прусской. Положеніе Мекленбурга, между Голштиніею, Помераніею и Саксоніею, и родство принца съ Прусскимъ Королемъ рѣшили выборъ Царя. Принцъ Леопольдъ былъ уже тогда два года женатъ на принцессѣ Нассауской, но узнавши о намѣреніи Царя, онъ рѣшился развестись съ женою. Разводъ совершенъ былъ въ Іюнѣ 1710 года, и тогда же начались переговоры съ Россіею о супружествѣ съ царевною Екатериною. Царь получилъ между тѣмъ извѣстіе отъ сына своего, царевича Алексѣя. Продолжая путешествіе по Германіи, съ семействомъ короля Августа, онъ плѣнился младшею внукою друга Августова, герцога Брауншвейгъ - Вольфенбиттельскаго

Антона Ульриха, дочерью сына его Людовика Рудольфа, герцога Бланкенбургскаго, *Шарлоттою Луизою*, принцессою добродѣтельною, просвѣщенною и прекрасною. Старшая сестра ея была за эрцъ-герцогомъ Австрійскимъ Карломъ, бывшимъ въ то время королемъ Испаніи и виновникомъ гибельной для Франціи войны за Испанское наслѣдство. Король Августъ поддерживалъ сватовство. Царь не хотѣлъ противорѣчить выбору сына своего, но отложилъ согласіе, неожиданно услыша предложенія болѣе лестныя. Въ Іюлѣ 1710 г. въ Петербургъ прибылъ императорскій посолъ графъ Вильчекъ, убѣждая Царя воевать противъ Турціи. Въ тайныхъ переговорахъ предложены были: супружество царевича съ императорскою дочерью; титулъ *Цезаря* Царю, съ титуломъ *Короля Сибирскаго*, *Астраханскаго*, или *Казанскаго*, царевичу. Іосифъ, государь смѣлый и мудрый, возводя брата на престолъ Испаніи и унижая Людовика XIV-го оружіемъ, таилъ обширные замыслы. Онъ

представлялъ Царю ничтожность дружбы Августа и союза съ маленькимъ княземъ Германскимъ. Плѣненный славою Царя, Императоръ предлагалъ ему раздѣлить Турцію и Польшу, и желая удержать имперію въ родѣ своемъ, льстилъ надеждою, что царевичъ, послѣ смерти его, какъ супругъ его дочери, можетъ быть избранъ императоромъ. Предложеніе было столь неожиданно, исполненіе плановъ столь исполинскихъ требовало такихъ обширныхъ соображеній, что принимая съ великими почестями императорскаго посла, Царь отложилъ рѣшеніе на предложенія его до личнаго свиданія съ Императоромъ. Онъ предполагалъ, немедленно по устройствѣ дѣлъ въ Россіи, ѣхать за границу. До тѣхъ поръ Царь не хотѣлъ нарушать мира съ Султаномъ и отказался отъ войны съ Турціею. Замѣтимъ одно изъ геніяльныхъ предположеній, о коемъ шли тогда между прочимъ съ Султаномъ переговоры: Царь просилъ уступить ему Святый Гробъ Спасителя, хотѣлъ пере-

везть изъ Палестины сію безцѣнную святыню въ Россію и поставить ее въ Воскресенскомъ монастырѣ, или Новомъ Іерусалимѣ, воздвигнутомъ близъ Москвы Никономъ. Онъ предложилъ Вильчеку о включеніи Лифляндіи въ число имперскихъ земель, съ правомъ голоса Царю на имперскомъ сеймѣ. Вильчекъ отозвался, что Лифляндія еще не утверждена во владѣніи Царя.

Царь уже не хотѣлъ ни кому отдавать Лифляндіи. Депутація Лифляндскаго дворянства, присланная въ Петербургъ, подъ начальствомъ барона Левенвольда, подтвердила присягу Царю, получила отъ него утвержденіе правъ и привиллегій своихъ и прежнюю свободу торговли. Левенвольдъ назначенъ предсѣдателемъ коммисіи, долженствовавшей заняться распредѣленіемъ доходовъ и расходовъ въ Лифляндіи, возобновленіемъ разрушенныхъ городовъ и зданій, отдачею помѣщикамъ имѣній, отнятыхъ редукціею Шведскихъ Королей, и опредѣленіемъ доходовъ Царю.

Среди сихъ дѣлъ и переговоровъ прибылъ въ Петербургъ Герцогъ Курляндскій. Торжество брака его показывало разницу Русскаго Двора отъ прежняго, и великое измѣненіе, происшедшее въ теченіе десяти лѣтъ въ нравахъ и обычаяхъ Русскихъ. Среди великолѣпія дворскаго, чиновъ и церемоній, устроенныхъ по образцу Европейскому, среди множества военныхъ и гражданскихъ сановниковъ, видя сильное войско и флотъ, Царя побѣдителя, монарха въ союзѣ и дружбѣ съ Европейскими государями, кто могъ бы повѣрить, что видитъ Дворъ за *десять лѣтъ* казавшійся Азіятскихъ, чуждымъ Европѣ? Свадьба Герцога была 30-го Октября. Обрядъ вѣнчанія и свадебный пиръ отправлены въ домѣ Меншикова на Васильевскомъ островѣ. Царь, принявъ на себя должность гофмаршала, одѣтый въ красный Французскій кафтанъ, въ напудренномъ парикѣ, съ Андреевскою лентою черезъ плечо, съ жезломъ въ рукахъ, отправился изъ своего домика, въ своей царской шлюп-

кѣ, за женихомъ и невѣстою. По совершеніи обряда вѣнчанія, при громѣ пушекъ и звукахъ музыки начался веселый обѣдъ. Нева усѣяна была шлюпками и ботами, пестрѣвшими въ разноцвѣтныхъ флагахъ. За столомъ послѣднимъ блюдомъ были два огромные пирога. Когда разрѣзали ихъ, изъ нихъ вышли двѣ крошечныя карлицы, поздравили новобрачныхъ и протанцовали на столѣ менуетъ, при всеобщемъ хохотѣ. Шутка такъ понравилась всѣмъ, что черезъ двѣ недѣли потомъ Царь женилъ своего карлика на карлицѣ, и поѣздъ ихъ составляли семдесятъ другихъ карликовъ и карлицъ. Свадьба ѣхала въ маленькихъ одноколкахъ на маленькихъ лошадкахъ. Царь, Герцогъ, весь Дворъ были въ поѣздѣ, и праздникъ кончился пиромъ, фейерверкомъ и пальбою. Величіе царскаго Двора, кромѣ Герцога и его свиты, умножали присутствіемъ своимъ императорскій посолъ, графъ Вильчекъ, Польскій посолъ, графъ Фицтумъ, Прусскій посолъ Биберштейнъ, Дат-

скій посолъ, адмиралъ Юэль, и изъ числа знаменитыхъ плѣнниковъ Пиперъ, Рейншильдъ, Левенгауптъ, Штромбергъ, Цедергельмъ.

Столь долго отвлекаемый войною и внѣшними дѣлами отъ государственнаго управленія, Царь утвердилъ въ то время нѣсколько новыхъ, важныхъ учрежденій, давно имъ предположенныхъ. Главнымъ изъ нихъ было основаніе высшаго мѣста для внутренняго государственнаго управленія, замѣнявшаго прежнюю Боярскую Думу. Царь далъ сему высшему управленію Римское названіе *Сената*. Не менѣе важно было распредѣленіе доходовъ и расходовъ государственныхъ. По свѣдѣніямъ изъ всѣхъ губерній доходы Россіи составляли тогда до 3,150,000 рублей. Царь опредѣлилъ штаты на войско, флотъ, дипломатическую часть и Дворъ. Число войска опредѣлялось постоянно изъ 42-хъ полковъ пѣхоты, 33-хъ конницы полевой и 43-хъ полковъ пѣхоты гарнизонной, которая должна была составлять внутреннюю стражу въ государствѣ, оставаясь сред-

ствомъ дополненія полевыхъ полковъ. Мысль Царя была совершенно уничтожить со временемъ рекрутскіе наборы. Царь учредилъ еще тогда *Оружейную Канцелярію*, поручивъ ей заготовленіе оружія и оружейные заводы, и опредѣляя на сей предметъ ежегодно по 300,000 рублей. При усиленномъ кораблестроеніи въ Петербургѣ не оставляемо было кораблестроеніе въ Воронежѣ и Архангельскѣ, ибо Царь хотѣлъ видѣть флоты Русскіе не только на Балтійскомъ, но и на Черномъ, Каспійскомъ и Бѣломъ моряхъ. Мысль свою выразилъ онъ медалью, гдѣ представилъ орла, держащаго въ клювахъ и лапахъ четыре флага, а на флагѣ Петербургской крѣпости велѣлъ онъ изобразить орла, держащаго въ когтяхъ *четыре моря*. Обращая попеченіе на торговлю, Царь заключилъ тогда договоръ съ Армянскою компаніею, откупившею весь шелкъ въ Персіи; облегченіемъ пошлинъ и льготами хотѣлъ онъ обратить торговлю шелкомъ черезъ Россію. Духовенству поставлено въ обязанность учиться

въ Академіи и духовныхъ школахъ, съ строгимъ приказаніемъ ослушниковъ записывать въ солдаты. И при всѣхъ сихъ дѣлахъ Царь успѣвалъ думать о самыхъ по видимому ничтожныхъ предметахъ народнаго благоденствія. Такъ, въ 1710 году, приказывалъ онъ садить дубы въ Таганрогѣ и Петербургѣ, искать торфа около Азовскаго моря, и учить Чухонцовъ плесть Русскія лапти, вмѣсто неудобной Финской обуви.

Заразительныя болѣзни, опустошавшія прибалтійскія области, озабочивали Царя учрежденіемъ карантиновъ и стражи. Неусыпнымъ надзоромъ остановлено было распространеніе заразы въ Россіи, хотя она оказывалась даже въ Хотиловѣ, по дорогѣ изъ Москвы въ Петербургъ. Въ Ригѣ, Ревелѣ, Малороссіи и повсюду скоро исчезли гибельные слѣды ея.

Строгость Царя за не исполненіе приказовъ его и нарушеніе обязанностей по службѣ испыталъ и въ то время фельдмаршалъ-лейтенантъ Гольцъ, судимый военнымъ судомъ. Царь смяг-

чилъ приговоръ и только уволилъ его изъ службы Русской. Постицъ, завоевавшій Эльбингъ, огорчилъ Царя наглымъ хищничествомъ, и предупреждая судъ, бѣжалъ за границу. Онъ былъ осужденъ заочно и портретъ его былъ прибитъ къ висѣлицѣ. Приказывая судить морскихъ офицеровъ, разбившихъ небрежностью нѣсколько судовъ при походѣ къ Выборгу, «судить ихъ должно накрѣпко,» предписывалъ Царь, «ибо если легко судить, то добрымъ офицерамъ служить нельзя, а дуракамъ будетъ повадка.»

Петербургъ, уже очевидно столица Русская, восхищалъ Царя своимъ раждающимся величіемъ. «Пріѣзжай скорѣе посмотрѣть на красоту моего *парадиза*, въ которомъ и ты добрымъ участникомъ былъ,» писалъ онъ къ Меншикову, «пріѣзжай и полюбуйся, что Петербургъ, какъ изрядный младенецъ, съ каждымъ днемъ подрастаетъ.» Въ 1710 году Царь заложилъ двѣ гавани, купеческую и военную, на островѣ Котлинѣ, и основалъ на немъ крѣпость, на-

именовавъ ее *Кронштадтъ* (вѣнецъ-городъ). Здѣсь назначилъ Царь пристанище флоту и купеческимъ судамъ, видя неудобность Невскаго фарватера для прохода кораблей въ Петербургъ. Въ 1710 году Меншиковъ построилъ себѣ обширный каменный домъ на Васильевскомъ островѣ, фасадомъ на Неву, съ садомъ, простиравшимся до Малой Невы (великолѣпный домъ сей отчасти уцѣлѣлъ донынѣ хотя и перестроенный: въ немъ помѣщается *1-й Кадетскій Корпусъ*, и гербъ Меншикова видѣнъ еще на немъ). Роскошный временщикъ, богато убралъ свои новые чертоги и въ нихъ бывали царскіе пиры. Здѣсь отправлена была, какъ мы уже упоминали, свадьба Герцога Курляндскаго. Другой огромный домъ построилъ себѣ тогда канцлеръ, графъ Головкинъ, на Петербургской Сторонѣ. Царь жилъ въ своемъ прежнемъ *домикѣ*, гдѣ привѣтливою хозяйкою являлась супруга его, даваемы были аудіенціи посламъ, и угощаемы были аладьями и пивомъ Голландскіе корабельщи-

ки. Торговля ежегодно усиливалась въ Петербургѣ. Въ 1710 году подлѣ домика своего Царь заложилъ деревянную церковь, во имя *св. Троицы*, и приходилъ въ сей храмъ пѣть на крылосѣ, читать Апостолъ и благодарить Бога за побѣды и благословеніе трудовъ его. Древній храмъ Троицкій сохраняется и нынѣ въ его прежнемъ видѣ; въ немъ хранятся паникадило, ладонница и образъ Богоматери — труды царя-художника, принесенные имъ въ даръ святому храму. — Лѣтомъ нѣсколько разъ посѣщалъ Царь Кронштадтъ, распоряжая работами и самъ работая топоромъ и лопатою. Послѣ взятія Кексгольма онъ ѣздилъ туда, осмотрѣлъ крѣпость и распорядился распространеніемъ ея. Наконецъ упомянемъ, говоря о Петербургѣ, что въ 1710 году Царь назначилъ мѣсто для построенія Александро-Невской лавры, при впаденіи въ Неву *Черной рѣчки*, гдѣ, по преданію, Александръ Невскій одержалъ побѣду надъ непріятелями. При собраніи Двора, войскъ и народа, Царь водрузилъ крестъ,

тамъ, гдѣ въ послѣдствіи воздвигнута была имъ знаменитая обитель во имя Александра Невскаго.

Среди сихъ занятій, трудовъ, побѣдъ, предположеній, неожиданная вѣсть оскорбила царя въ концѣ 1710 года, столь славнаго для Росіи, ознаменованнаго столькими торжествами. Когда Царь уже готовился перейдти съ побѣдительными войсками за Русскую границу, вступая въ родство, связи, союзы и политику Европы, и приготовляя окончательныя измѣненія въ государственномъ устройствѣ Россіи, дипломатическая интрига успѣла поставить на пути его нежданное препятствіе. И кто же поставилъ его? Карлъ XII-й, бѣглецъ съ Полтавской битвы, безразсудный наѣздникъ, оставлявшій царство свое въ добычу врагамъ, не стыдившійся жить нахлѣбникомъ Султана, пронырствомъ искавшій того, чего уже не могъ добыть мечемъ.

Мы говорили, что въ Январѣ 1710 года Султанъ подтвердилъ миръ и хотѣлъ рѣшитель-

но выслать Карла XII-го изъ Турціи. Сопротивленіе Короля Шведскаго волѣ государя той земли, гдѣ нашелъ онъ пріютъ, казалось страннымъ и нелѣпымъ упрямствомъ. Немногіе храбрые сотрудники его, слышавшіе вопль отчизны, стыдившіеся бездѣйствія своего Короля, печалились и горевали. Но упрямство Карла XII-го подкрѣпляли бѣглецы Польскіе, Потоцкій, съ шайкою бродягъ своихъ убѣжавшій изъ Венгріи въ Турцію, и Понятовскій, другъ Станислава. Посредникомъ интригъ ихъ сдѣлался Португальскій жидъ Фонсека, лекарь Султанскій. Зная всѣ тайны Двора Султанскаго и порядокъ дѣлъ въ Турціи, крамольники не теряли надежды все возвратить и успѣли осуществить надежды свои.

Когда Великій Визирь передался на сторону Русихъ, рѣшились низвергнуть его. Подарками и обѣщаніями преклонили однихъ, хитрымъ краснорѣчіемъ убѣдили другихъ. Мать Султана, нетерпѣвшая Визиря, соединилась съ кизляръ-агою, начальникомъ евнуховъ, и

агою янычарскимъ. Успѣли увлечь въ крамолу любимца Султанова, селиктаръ-агу, или меченосца Султанскаго, молодаго красавца, Кумурли-Али. Чуркули былъ низверженъ, и на его мѣсто опредѣленъ Нуманъ Купругли, внукъ славнаго Купругли, покорителя Кипра. Надѣялись, что новый Визирь не посмѣетъ противиться силѣ партіи, желавшей войны съ Царемъ. Къ досадѣ друзей Карла XII-го Купругли отвергъ предложеніе ихъ. «Законъ велитъ защищать ищущихъ у тебя пристанища. Помоги Королю Шведскому возвратиться благополучно въ его отечество, но не воюй съ Царемъ, ибо законъ запрещаетъ начинать ссору съ тѣмъ, кто насъ не обидѣлъ.» Такъ говорилъ Визирь Султану. Напрасно спорилъ самъ Султанъ, которому уже успѣли наговорить наушники о ненавистномъ честолюбіи Царя, успѣвши убѣдить его въ томъ, что постыдно Оттоманамъ оставлять въ рукахъ Царя Азовъ; что силъ Оттоманскихъ достанетъ смирить невѣрнаго Московитянина, пока не соединится

онъ съ Императоромъ, угрожавшимъ войною, и что должно предупредить сей союзъ. Визирь отвѣчалъ смѣло, что Турція не имѣетъ средствъ на войну. Угрюмая добродѣтель Купругли не понравилась его повелителю, и черезъ два мѣсяца послѣ возведенія въ великіе визири Купругли былъ низвергнутъ и сосланъ въ Негропонтъ. Старались выбрать на его мѣсто человѣка сговорчивѣе, и избрали стараго прислужника султанши матери, Балтаджи-Магомета, уже бывшаго прежде визиремъ. Нѣкогда истопникъ въ сералѣ, забавлявшій шутками Ахмеда, когда онъ былъ въ серальскомъ заключеніи, Балтаджи увидѣлъ себя на высотѣ почестей, когда Ахмедъ по воцареніи своемъ отдалъ за него одну изъ прежнихъ своихъ невольницъ и возвелъ его въ визири. Интрига успѣла ниспровергнуть глупаго Балтаджи, неполадившаго съ султаншею матерью. Онъ былъ посланъ въ почетную ссылку, опредѣленный управлять пашалыкомъ Сирійскимъ. Низкимъ ласкательствомъ увѣрилъ онъ послѣ

сего враговъ своихъ, что готовъ рабствовать имъ, и мѣсто великаго визиря возвратили старому забавнику Султана. Совершенный невѣжда въ военномъ дѣлѣ, Визирь болѣе всѣхъ началъ увѣрять Султана, что честь и безопасность Турціи требуютъ войны съ Царемъ Московскимъ, а при несомнѣнномъ благословеніи пророка, силъ Оттоманскихъ достанетъ смирить Царя честолюбиваго. Война была рѣшена. Крымскіе Татары получили приказъ вторгнуться въ Россію. Хищныя орды ихъ, удерживаемыя со времени Карловицкаго мира, спѣшили воспользоваться позволеніемъ начать грабежи.

Имѣя подробныя донесенія отъ посла своего обо всѣхъ интригахъ и перемѣнахъ при Султанскомъ Дворѣ, Царь все еще надѣялся мира. Странныя требованія и угрозы Турковъ слѣдовали одни за другими: требовали выхода Русскихъ войскъ изъ Польши, мира съ Швеціею, отдачи Карлу XII-му завоеванныхъ Русскими земель, уничтоженія флота на Азов-

скомъ морѣ, разрушенія крѣпости въ Таганрогѣ, даже отдачи Польшѣ Малороссіи. На нелѣпыя требованія Царь отвѣчалъ граматами 17-го Іюля и 18 Октября. Обѣ остались безъ отвѣта. Третья грамата царская упрекала Султана въ измѣнчивости его дружбы. «На зачинающаго Богъ,» писалъ ему Царь. «Если не получу удовлетворительнаго отвѣта, почту молчаніе объявленіемъ войны, предупрежду враждебные замыслы и двину войска свои.» Столь смѣлая угроза царская оскорбила Султана. Русскаго посла велѣно было отвести съ безчестіемъ въ Семибашенный замокъ. Имѣніе и дворъ его были разграблены. *Война Россіи* объявлена Ноября 20-го 1710 года.

Оскорбленный вѣроломствомъ Оттомановъ, остановленный неожиданнымъ рѣшеніемъ ихъ въ дѣлахъ важнѣйшихъ, Царь рѣшился немедленно идти, наказать вѣроломныхъ и оружіемъ изгнать врага своего изъ Турціи. Можно ли было сомнѣваться, въ успѣхѣ ему, за годъ до того торжествовавшему побѣду надъ лучшимъ

войскомъ Европейскимъ, предводимымъ однимъ изъ первыхъ полководцовъ Европы? Успѣхъ казался несомнителенъ — вѣренъ, какъ правда Божія. И кто могъ бы тогда сказать, что провидѣніе готовило великому тяжкій урокъ превратности жребія и суетности надеждъ человѣческихъ!

РАЗСКАЗЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ВОЙНА СЪ ТУРЦІЕЮ. ПРУТСКІЙ МИРЪ.

1711-й годъ.

Безъ особливыя Божія помощи ничего предвидѣть не могу, кромѣ пораженія или плѣна. Если буду въ плѣну, не почитайте меня Царемъ, пока не явлюсь между вами. Если погибну—изберите достойнѣйшаго... Только честь собственность наша: отступить отъ нея, значитъ перестать быть государемъ...

Слова и письма Петра Великаго подъ Прутомъ.

Исторія утратитъ свое достоинство, не будетъ *завѣтною книгою народовъ и поученіемъ царей*, если унизится до лести, скроетъ слабости и недостатки великаго человѣка. Пусть угодливая лесть ласкаетъ тщеславіе живыхъ: судъ безпристрастный дань прешедшимъ по землѣ. И Петру ли льстить, его ли скрывать погрѣшности, въ немъ ли не смѣть отличить печальной дани слабостямъ и страстямъ человѣческимъ, при великихъ, превышавшихъ всѣхъ другихъ смертныхъ свойствахъ и дарованіяхъ генія? Нѣтъ! Если чужія ошибки всегда поучительны, чьи ошибки поучительнѣе тѣхъ, въ коихъ судъ исторіи обличаетъ человѣка, Петру Великому подобнаго?

Война съ Турціею была рѣшительною ошибкою, и могла бы показаться непостижимою погрѣшностью человѣка столь великаго, если-бы мы не могли изъяснить ея характеромъ Царя, современными обстоятельствами, и судомъ Божіимъ, подвергнувшимъ избранника судебъ тяжкому испытанію, да не забудетъ, что онъ *человѣкъ*, да не обольстится суетнымъ величіемъ, и испытанный, яко злато въ горнилѣ, уже вѣрно устремится совершить свое призваніе!

Царь не могъ отказаться и не принять на щитъ свой удара Оттоманской сабли. Ему ли должно было унизиться и обезславить себя уступками нелѣпымъ требованіямъ Султана? Турція, униженная за пятнадцать лѣтъ прежде неопытнымъ мечемъ его, тогда испросившая миръ, какъ милость, не дерзнувшая воевать во время нашествія Шведскаго, Турція осмѣливалась возставать на Россію черезъ годъ послѣ Полтавской побѣды, на Россію, преображенную, побѣдоносную и могущую,

правимую царемъ-полководцомъ, въ зрѣлой порѣ его лѣтъ и опыта (Царю былъ тогда *сороковой* годъ отъ рожденія). Повторяемъ: побѣда казалась несомнѣнна.

Но мудрое правило: «не пренебрегать и слабаго непріятеля,» было на сей разъ забыто Царемъ. Онъ думалъ, что рѣшитъ споръ однимъ быстрымъ, сильнымъ, рѣшительнымъ ударомъ. Онъ забылъ мудрыя предосторожности, коими знаменовались всѣ дѣла его со времени Нарвской битвы, онъ явился прежнимъ Петромъ, преобладаемый духомъ бурнымъ и неукротимымъ, стихнувшимъ, укротившимся, казалось, въ многолѣтномъ училищѣ опыта. Переходимъ къ событіямъ. Они пояснятъ мысль нашу.

Немедленное рѣшеніе Царя было: собрать войска отъ 50-ти до 60,000 человѣкъ, съ сильною артиллеріею, идти лѣтомъ на Дунай, разбить собираемыя тамъ Турціею войска, освободить отъ Турецкой власти Молдавію и Валахію, объявить ихъ независимыми подъ

покровительствомъ Россіи, и тѣмъ навсегда оградить Россію на будущее время. Царь надѣялся кончить войну однимъ походомъ, принудить Султана къ миру, заставить его выслать изъ Турціи Карла XII-го, и можетъ быть, потребовать еще какихъ нибудь выгодъ, но паче всего мира. Потомъ хотѣлъ онъ усильнѣе продолжить войну съ Швеціею, заставить ее мириться, и такимъ образомъ принудить двухъ непріятелей уступить превозмогающей силѣ Россіи. Черезъ Польшу назначался походъ Царя, ибо тамъ удобнѣе и ближе былъ переходъ въ Бессарабію, Молдавію и Валахію, нежели черезъ необитаемыя степи между Днѣпромъ и Днѣстромъ. Польша должна была доставить Рускимъ запасы и участвовать въ войнѣ, по трактату 1686 года. Югъ Россіи должны были прикрыть отъ Крымцовъ казаки и Калмыки съ частью Русскихъ войскъ. Пока продолжится походъ, на сѣверѣ Россіи надлежало остановить военныя дѣйствія. Невозможно было ожидать какого либо сухо-

путнаго движенія Шведовъ изъ Финляндіи, или флотомъ въ Балтійскія области, тѣмъ болѣе, что въ отсутствіе Царя, принужденнаго отложить поѣздку свою за границу, предполагалось союзникамъ дѣйствовать въ Помераніи, отлагая до времени высадку въ Швецію. Неутралитетъ уже не останавливалъ тогда военныхъ дѣйствій въ Германскихъ областяхъ. Мы видѣли, что державы, объявившія неутралитетъ, хотѣли поддержать его сборомъ наблюдательнаго корпуса. «Но,» говоритъ Волтьеръ, «сбылось, что обыкновенно бываетъ: всѣ говорили о неутралитетѣ и никто не думалъ ни охранять, ни сохранять его.» Перемѣна министерства въ Англіи и послѣдовавшее послѣ того удаленіе Марлборуга, кончина императора Іосифа, миръ Англіи съ Франціею, неожиданные успѣхи Французовъ и начатые всѣми союзными державами переговоры о мирѣ, увлекли вниманіе западныхъ государей. Кромѣ того, Карлъ XII-й, считая неутралитетъ оскорбленіемъ своей чести, какъ явное доказательство

слабости силъ Швеціи, не только отвергъ посредничество, когда Турція объявила войну, но даже изъявилъ негодованіе, строго приказывая Шведскимъ войскамъ начинать наступательныя дѣйствія, обѣщая привести въ Польшу Турецкое войско. Еще въ 1710 году (Іюля 3-го) министры одного изъ государей, утвердившихъ неутралитетъ, Курфирста Ганноверскаго, Бернсторфъ и Герцъ заключили съ Царемъ договоръ о войнѣ противъ Швеціи, «ради высокой славы великодушнаго обхожденія Царя со всѣми и для особливаго къ его особѣ почтенія.» Договоромъ утверждены были *добрая корреспонденція* и всегдашняя дружба, помощь совѣтами и *оффиціями*, и дружескій *концертъ при настоящихъ дальняго вида конъюнктурахъ со взаимною конфиденціею. О женерозной декларацiи неутралитета* упомянуто было мимоходомъ. Царь зналъ, что союзники его ничего не сдѣлаютъ, но ему надобно было протянуть время, пока Россія управится съ Оттоманами. Меншикова

оставлялъ онъ въ Петербургѣ, препоручая ему Балтійскія области; Апраксина отправлялъ въ Воронежъ и Азовъ; Шереметева бралъ съ собою, и ему препоручено было собрать къ ранней веснѣ войска на Турецкую границу, въ Польшѣ приготовить запасы и идти впередъ. Мысль объ освобожденіи Молдавіи и Валахіи основывалась, какъ увидимъ далѣе, на тайныхъ переговорахъ съ тогдашними господарями сихъ областей, Кантемиромъ и Бранкованомъ. Царь ожидалъ отъ нихъ большаго пособія въ войнѣ Турецкой.

День новаго 1711-го года праздновапъ въ Петербургѣ по обыкновенію весело. Замѣтили что на щитѣ фейерверка, сожженнаго въ сей день, изображена была звѣзда, съ надписью: *Господи! покажи намъ пути твои!* На другомъ щитѣ видны были *ключъ* и *мечъ*, съ надписью: *Идѣже правда, тамъ и помощь Божія.*

Какъ будто предвѣстіемъ скорбей, коими провидѣнію угодно было испытать Царя въ

наступавшій годъ, явилось печальное событіе Января 10-го: Герцогъ Курляндскій простудился на свадебныхъ праздникахъ, долго страдалъ, выѣхалъ 3-го Января изъ Петербурга, еще не совершенно выздоровѣвшій, и смертельно заболѣлъ въ 40 верстахъ отъ столицы, на станціи Кипени. Черезъ недѣлю юная супруга его осталась безутѣшною вдовою. Царь раздѣлилъ печаль ея и велѣлъ съ почестями препроводить въ Митаву тѣло Герцога. Января 17-го Царь выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву. Еще прежде отправлена была туда гвардія. Съ Царемъ ѣхали многіе сановники и супруга его. Надолго простился онъ съ своимъ *парадизомъ* и съ веселыми днями. Почти весь 1711 годъ, какъ будто въ рѣзкую противность съ предшествовавшимъ годомъ, былъ цѣпью безпрерывныхъ огорченій Царя.

Началось съ первыхъ распоряжецій похода. Оказались повсюду неожиданныя неисправности, въ движеніи войскъ, приводѣ рекрутъ, приготовленіи запасовъ, артиллерійскихъ сна-

рядовъ, даже пороха. Поляки противились волѣ Царя, спорили противъ распоряженій царскихъ. Король Августъ не могъ, и еще болѣе не хотѣлъ помогать союзнику. Царь видѣлъ неисправность самыхъ вѣрныхъ помощниковъ своихъ, и вѣроятно, сознаваясь, что при разнообразіи поручаемыхъ имъ дѣлъ, когда не было притомъ общей системы въ ихъ дѣйствіяхъ, и когда не было никакой возможности ему самому надзирать за исполненіемъ всѣхъ приказовъ своихъ, рѣшился исполнить прошлогоднее предположеніе объ учрежденіи Сената. Февраля 22-го послѣдовалъ указъ, коимъ объявлялось, что «для всегдашнихъ въ войнѣ отлучекъ Царя» учреждается *Управительный Сенатъ* въ Москвѣ. «Всякъ, да будетъ послушенъ ему такъ, какъ мнѣ самому, подъ жестокимъ наказаніемъ и смертью,» говорилъ Царь въ своемъ указѣ. Жалобы на Сенатъ Царю позволялись, но подлежали *жестокой казни*, если оказывались несправедливы. Число сенаторовъ ограничено было въ

началѣ восьмью. Первыми сенаторами были: графъ *Мусинъ-Пушкинъ*, *Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ*, князь *Петръ Голицынъ*, князь *Михаилъ Долгорукій*, князь *Григорій Волконскій*, *Племянниковъ*, *Самаринъ*, *Апухтинъ*. Никакого регламента не было дано Сенату. При неограниченной власти, ему подчинялись всѣ генералъ-губернаторы и всѣ отрасли государственнаго управленія. Царь особенно означилъ изъ предметовъ занятій Сената: преслѣдованіе ябеды, правосудіе, финансы, наборы войскъ, высылку на службу, торговлю, ревизію и полицію всѣхъ дѣлъ черезъ особенныхъ *фискаловъ*. Въ краткомъ наставленіи предписывалъ Царь Сенату: имѣть нелицемѣрный судъ; осмотрѣть и отмѣнить напрасные расходы; деньги, какъ только можно, исправнѣе сбирать, *понеже онъ суть артиллерія войны*; пересмотрѣть всѣ откупа; надзорность за продажею соли, за торгами съ Персіею и Китаемъ; высылать укрывающихся отъ службы дворянъ, стыдя ихъ, что они коснѣ-

ютъ въ деревняхъ, когда столь многіе въ офицеры и генералы вышли изъ нисшихъ званій народа. Февраля 22-го сенаторы присягнули на свое новое званіе въ Успенскомъ соборѣ, обѣщаясь служить нелицемѣрно, «памятуя Того, Кто возсядетъ въ день Страшнаго Суда на престолѣ и воздастъ комуждо по дѣламъ его, и здѣсь подвергаясь за упущеніе должности мести царя земнаго и гражданской казни.»

Въ тотъ же день въ соборѣ читанъ былъ манифестъ Царя о войнѣ съ Турціею. Царь исчислялъ всѣ злобные замыслы Оттомановъ и нестерпимыя оскорбленія, причиненныя Россіи и христіанству Турецкими варварами, «которые изъ толпы разбойниковъ сильнымъ царствомъ учинились, возобладали святыми и славными мѣстами чрезъ раздоры христіанъ и клятвопреступленія, злохитрымъ обычаемъ, яко львы и яко хищные волки.» Далѣе излагаемы были войны Турціи съ Россіею съ 1697 году, доводившія Оттомановъ до гибели, отъ коей спаслись они только ласканіемъ и проис-

качи; показаны безпрерывныя послѣ того нарушенія договоровъ, данное въ Турціи пристанище и покровительство Шведскому Королю, стараніе Царя поддержать миръ, безчестіе, оказанное послу его и объявленіе Турціею войны, когда за годъ прежде клятвою подтвердилъ Султанъ союзъ и дружбу. Царь опровергалъ клевету Турецкаго манифеста, гдѣ было сказано, будто онъ хочетъ поработить Польшу. Онъ изъявлялъ готовность вывесть Русское войско изъ Польши по высылкѣ Короля Шведскаго изъ Турціи. Вѣдая, что послѣдняя лесть будетъ горше первыя, и неудостоивая отвѣтомъ всѣ другія причины, болѣе смѣха, нежели отвѣта достойныя, Царь говорилъ въ заключеніе, что весь честный миръ можетъ видѣть и разсудить правость и миролюбіе его, и оправдать его, когда онъ, вручая суду Божію дѣло свое, воздвигаетъ на врага справедливое оружіе, уповая на милостивое небесное вспоможеніе.

Февраля 25-го освящены были въ Успен-

скомъ соборѣ новыя, вмѣсто бѣлыхъ, красныя знамена, съ надписью: *За имя І. Х. и христіанство*, и съ другою надписью надъ крестомъ въ лучахъ: *Симъ побѣдиши*. До 6-го Марта пробылъ Царь въ Москвѣ. Въ день отъѣзда его объявлено народу, что Екатерина Алексѣевна, супруга Царя, отнынѣ должна быть почитаема *Царицею Всероссійскою*. Она послѣдовала за супругомъ изъ Москвы, и всюду на пути были отдаваемы ей почести царскія и титулъ Ея Царскаго Величества. Казалось, что какъ будто какое-то тяжкое предчувствіе бременило душу Царя. «Ѣдемъ въ путь свой, *его же конецъ Богъ вѣсть*,» писалъ онъ Меншикову.—«Мы отправились,» писалъ онъ ему потомъ, «*въ предлежащій, безвѣстный и только единому Богу свѣдомый путь нашъ.*»

Замѣчательно, что подчинивъ *управленіе государствомъ* Сенату, Царь предписалъ сыну своему быть только *блюстителемъ повелѣній* и имѣть надъ всѣмъ только *надзирательство*.

Въ Москвѣ учинено Царемъ новое распредѣленіе подушныхъ, или дворовыхъ податей съ 8-ми губерній. Всѣ сіи доходы составляли *три милльона* рублей (съ Московской было до 1,150,000 р., съ Казанской 600,000, съ Сибирской 220, съ Петербургской 340, съ Архангелогородской до 375,000). Всѣ губерніи раздѣлялись на 146 долей, считая по 5,536 дворовъ въ долѣ (слѣдственно, во всей Россіи считалось 818,256 дворовъ, и каждый среднимъ числомъ платилъ менѣе 3-хъ рублей). По числу долей губерніи находились въ слѣдующемъ порядкѣ: Московская 44½, Петербургская 32, Казанская 21½, Архангелогородская 18½, Смоленская и Сибирская по 9. На 33 конные полка опредѣлялось до 765,000 р., на 14-ть полковъ пѣхотныхъ 840,000 р., на 33 гарнизонныхъ 340,000 р., на гвардію до 157,000. Остальные доходы распредѣлялись на адмиралтейство, дипломатическую часть, аптеки, и прочее.

Еще зимою войско пошло по назначенію.

Шереметевъ съ 50,000 сближался къ Днѣстру. Передовые Русскіе полки достигли туда однакожь не прежде начала Мая. Главная квартира фельдмаршала была 6-го Мая въ Немировѣ, 16-го въ Брацлавѣ, 24-го въ Тростянцѣ. Въ Рашковѣ и Сорокѣ приготовлялись переходы за Днѣстръ. Князь Голицынъ съ 10-ю полками сталъ у Каменца-Подольскаго. Генералъ-маіоръ Бутурлинъ, съ гетманомъ Скоропадскимъ, защищалъ заднѣпрье и Малороссію, имѣя 8-мь полковъ. Апраксинъ съ Донцами и Калмыками находился въ Азовѣ. Царь былъ недоволенъ медленными движеніями войска. Татары успѣли вторгнуться въ южныя области и прошли до Изюма. Другая толпа ихъ, гдѣ наѣздничалъ Потоцкій съ Поляками и былъ Орликъ съ бѣглыми Запорожцами, ворвалась въ заднѣпрье и даже осадила Бѣлую Церковь. Князь Голицынъ отбилъ хищниковъ и отнялъ у нихъ часть добычи, но пепелъ селеній, кровь и грабежи означили слѣды набѣга широкою полосою.

*

Татары двинулись потомъ въ огромныхъ силахъ на Дунай для соединенія съ Турками.

Черезъ Кіевъ Царь прибылъ въ Слуцкъ на Волыни, Марта 16-го. Здѣсь, и въ Ярославлѣ и Яворовѣ, пробылъ онъ почти два мѣсяца, какъ ни спѣшилъ выѣхать къ арміи. Его огорчали замѣченные имъ безпорядки въ поставкахъ и подрядахъ, своевольство начальниковъ Русскаго войска въ Польшѣ, утѣсненія, причиняемыя жителямъ, допущеніе рекрутскихъ побѣговъ, наборъ рекрутовъ весьма плохихъ. Апраксинъ не могъ вывести въ море флота, пренебреженнаго и запущеннаго въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ. Царь приказалъ готовить его къ будущему году. «Ты увѣрялъ меня, что поручилъ сыну твоему поставить подводы, а я по дорогѣ ни одной не видалъ,» писалъ онъ Шереметеву. Въ другомъ письмѣ говорилъ онъ: «Въ драгунскихъ полкахъ аптеки зѣло въ слабомъ состояніи; нѣтъ ни лекарствъ, ни лекарей, ни денегъ.« Сенату выговаривалъ Царь за медленность распо-

ряженій, прибавляя: «Развѣ не знаете, что время, какъ смерть, невозвратимо?» Онъ упрекалъ также сенаторовъ, что послали прежнихъ чиновниковъ для надзора за рекрутскими отправками. «Или,» прибавлялъ онъ, «клятва, которую недавно дали вы мнѣ, уже вышла изъ души вашей?» Строго предписалъ онъ смотрѣть за рекрутскими наборами самимъ губернаторамъ, говоря: «Сюда присланы такіе рекруты, что и въ крестьянахъ быть негодны, не только что въ солдатахъ.» — «Деньги жизнь войны,» подтверждалъ Царь, приказывая строжайше надзирать за сборами доходовъ и высылать ихъ исправно по назначенію. «Богъ вѣдаетъ,» писалъ онъ Меншикову, «какъ печалитъ меня, что губернаторы въ дѣлахъ своихъ идутъ раковымъ ходомъ. Они принудятъ меня не словами, но руками управляться съ ними». — Разгнѣванный на грабительства въ Польшѣ генералъ-маіора Шидловскаго, Царь предалъ его суду. Не уважая заслугъ преступника, оказанныхъ при усмиреніи Бу-

лавинскаго бунта, и храбрости его въ Полтавской битвѣ, гдѣ получилъ онъ генеральскій чинъ, Царь велѣлъ строго судить его, описать все его имѣніе, и по приговору суда сослалъ его въ Сибирь, когда Шидловскій былъ изобличенъ въ наглыхъ грабежахъ. Меншиковъ испыталъ гнѣвъ Царя, когда онъ засталъ адьютантовъ своего любимца, сбирающихъ въ Польшѣ налоги на обозъ Меншикова и захватывающихъ на него помѣстья. «Прошу не сердиться,» писалъ Царь, «и первая брань лучше послѣдней. Не потеряйте прибытками своей чести. Мнѣ, право, пришлось только до себя и я ни кого изъ виноватыхъ щадить не буду.» Меншиковъ оправдывался, называлъ доносы на него клеветою, а налоги бездѣлицею. «Посмотрѣли бы вы, сколько мнѣ досады изъ такихъ бездѣлицъ,» отвѣчалъ ему Царь — «онѣ разстроиваютъ всѣ дѣла мои и озлобляютъ Поляковъ. А что пишете вы о клеветахъ, такъ не клеветники, а самъ я нашелъ въ грабежѣ вашихъ адьютантовъ. Подчиненные

ваши такъ извольничались, что и указовъ не слушаютъ, и я принужденъ буду великимъ трудомъ и непощадно штрафомъ приводить ихъ въ порядокъ.» Вѣроятно, подозрѣвая, что Меншиковъ изъ барышей послаблялъ Рижскимъ жителямъ, утверждавшимъ, будто отобраніемъ выморочныхъ имѣній на Царя нарушаются права ихъ, и что по причинѣ мора не могутъ они платить податей, Царь отвѣчалъ о первомъ, что слова ихъ пустыя сказки, ибо все что въ землѣ и чему нѣтъ наслѣдниковъ всюду берется на государя. «Знаю» писалъ онъ, «что въ Ригѣ былъ моръ, да только на людей, а не на деньги.»

Огорченіе Царя умножили переговоры съ королемъ Августомъ и съ Поляками. Видя затрудненіе Царя, слыша отъ него требованія войскъ и припасовъ, король Августъ и Поляки возобновили свои прежнія требованія отдачи Риги, очищенія Эльбинга, Бѣлой Церкви и заднѣпрья, разсчета въ поборахъ, возвращенія Польскихъ пушекъ, освобожденія Вишневец-

каго, выдачи вспомогательныхъ денегъ. Безъ того Польша не хотѣла объявлять войны Султану. Августъ отказывался даже воевать въ Помераніи. «Но гдѣ силы ваши защищать Эльбингъ, Бѣлую Церковь и Ригу,» отвѣчалъ Царь, «и время ли считаться въ поборахъ и пушкахъ? Не для вашей ли безопасности должно воевать въ Помераніи и оставить до времени въ моихъ рукахъ ваши города и крѣпости? Не соединена ли съ выгодами Польши Турецкая война и не стыдно ли заступаться за измѣнника Вишневецкаго?» Царь принужденъ былъ заключить новый договоръ, обѣщая королю Августу помощь деньгами (по 100,000 рублей ежегодно до окончанія войны) и порохомъ (по 1000 центнеровъ), а также обѣщалъ письменно отдать Лифляндію Польшѣ. Онъ не велѣлъ требовать контрибуцій съ Данцига. Довольный, что успѣлъ хоть что нибудь выторговать, Августъ условился о походѣ въ Померанію, при пособіи Русскаго корпуса, и война

Турціи была объявлена Польшею, но уже въ концѣ Мая.

Среди столькихъ досадъ и огорченій Царь сдѣлался жестоко боленъ. «Хотя и не хотѣлось бы о себѣ говорить,» писалъ онъ Меншикову, «но чтобы не дошли до васъ извѣстія ложныя, скажу самъ, что я былъ боленъ скорбью такою, какой отъ роду не случалось. Двѣ недѣли продолжалась она жестокими пароксизмами, изъ коихъ одинъ полторы сутки меня держалъ и я отчаялся было въ жизни (*не чаялъ себѣ живота*, какъ писалъ онъ Апраксину), но *Господь все строитъ по своей волѣ.*» Болѣзнь Царя былъ его прежній лихорадочный припадокъ, соединившійся съ скорбутомъ.

Съ королемъ Августомъ явились въ Ярославль послы Брауншвейгскіе, предложившіе Царю условія о супружествѣ царевича Алексѣя. Почти въ то же время получивши извѣстіе о смерти императора Іосифа (умершаго отъ оспы 17-го Апрѣля, на 33 году жизни и 6-мъ

царствованія), и видя, что съ его кончиною разрушились всѣ предположенія, тайно переданныя черезъ графа Вильчека— можетъ быть, вздохнувши о несбывшихся мечтахъ и тщетѣ человѣческихъ замысловъ, Царь подписалъ свадебный контрактъ сына своего съ избранною имъ невѣстою (Мая 10-го). Устроивъ сколько могъ всѣ дѣла, Царь оставлялъ подробности ихъ до будущаго времени. «Чините, что находите удобнѣе,» писалъ онъ Апраксину. «Мнѣ въ отдаленіи, едва ожившему отъ болѣзни, невозможно всего рѣшить, ибо и самыя дѣла, что день, то измѣняются. Я далъ вамъ власть: дѣлайте что надлежитъ и что возможно.» Время было поспѣшать въ дѣйствующую армію. Тамъ уже успѣли измѣнить планы и переиначить предположенія.

Важное обстоятельство составляло подданство Царю Молдавіи и Валахіи. Уже нѣсколько разъ, несчастная добыча алчности Фанаріотовъ, коимъ отдавали ихъ на откупъ вельможи Султанскіе, мѣсто битвъ между Польшею и Тур-

ціею, источникъ вражды между господарями, та и другая область предавали себя подъ защиту Россіи при Алексіи, Ѳеодорѣ и Софіи. Ихъ ласкали, обѣщали имъ все, когда было нужно, и забывали объ нихъ, едва только надобность прекращалась. Въ 1711 г. въ Молдавіи былъ господаремъ князь Димитрій Кантемиръ, Грекъ Фанаріотъ, сынъ прежняго господаря; въ Валахіи властвовалъ землякъ его, Константинъ Кантакузинъ, или Бранкованъ. Оба взаимно ненавидѣли другъ друга, искали погибели одинъ другаго и хотѣли воспользоваться войною Россіи съ Турціею. Бранкованъ коварствовалъ: оказавшій прежде большія услуги Султану, онъ думалъ еще болѣе услужить ему предательствомъ Царя въ случаѣ неуспѣха, и выиграть вѣрностью Царю, если дѣло Рускихъ будетъ удачно. Кантемиръ, уже лишенный однажды господарства, не надѣялся ничего отъ Турціи, и думалъ все получить отъ сильной руки Рускихъ, когда и безъ того ему терять было нечего. Кантемиръ явно и

но поспѣшнѣе, стать на Днѣстрѣ къ 15-му, и *не позднѣе 21-го Мая*, слѣдовать прямо къ Дунаю, предупредить тамъ переходъ Турецкаго войска, занять Молдавію, возбудить возстаніе Сербовъ и Булгаровъ и стараться о собраніи припасовъ. Подробно распоряжая самымъ образомъ дѣйствій на войнѣ противъ Турковъ, Царь предписалъ задолго прежде «палашамъ покой дать, а биться огненнымъ боемъ, ибо съ Турками зѣло иначе воевать должно, нежели съ Шведами.» Послѣдніе приказы Шереметеву заключилъ онъ словами: «Всего приказать невозможно. Исполняйте, какъ вѣрному и доброму человѣку надлежитъ.»

Къ несчастію, когда Царь задержанъ былъ въ Ярославлѣ до 1-го Іюня, Шереметевъ, готовый *исполнять приказанія*, *какъ честный и вѣрный человѣкъ*, потерялся въ новомъ родѣ войны, быстротѣ соображеній, сбивчивости свѣдѣній, разнообразіи совѣтовъ, робѣлъ, встрѣчая отряды Татарскіе еще до Днѣстра, и что было всего хуже, медлилъ. Передовые

отряды его велъ генералъ Вейсбахъ, хвастливый трусъ, и пугалъ его своими донесеніями. Только 27-го Мая пришелъ фельдмаршалъ въ Рашково на Днѣстрѣ. Здѣсь испугалъ его Кантемиръ извѣстіемъ, что Турки находятся въ сёми переходахъ отъ Дуная, и умолялъ поспѣшать въ Яссы, ибо безъ того Молдавія подвергнется хищенію ихъ. Шереметевъ почелъ невозможнымъ предупредить Турковъ, и вмѣсто быстраго перехода къ Галацу, гдѣ наведенъ былъ Турками мостъ черезъ Дунай, обратился въ Яссы, а наконецъ вовсе остановился въ первыхъ числахъ Іюня, боясь съ 14,000-ми войска двинуться впередъ, и приведенный въ недоумѣніе тѣмъ, что вопреки увѣреніямъ Кантемира, въ Молдавіи не было никакихъ запасовъ. Поля были повсюду опустошены саранчею. Съ началомъ Іюня наступили жестокіе жары. Время было потеряно; запасовъ не было; планъ войны погубленъ отъ нерѣшительности и робости Шереметева и трусости Кантемира, ибо Турки только 18-го

Іюня стали переходить черезъ Дунай въ Исакчѣ. Царь такъ спѣшилъ, что 9-го Іюня былъ уже въ Шпаковѣ, въ Подоліи. Отсюда хотѣлъ онъ отправить супругу свою обратно въ Россію, предвидя затрудненія предлежавшаго похода, но Екатерина не хотѣла разстаться съ нимъ, просила позволить раздѣлять ей труды и опасности, «оставя женскаго свойства немощь, прилежно умоляла быть ей при арміи, на что по многому ея прошенію и было позволено.» Іюня 12-го Царь прибылъ къ Днѣстру. Онъ нашелъ главное войско еще по сю сторону рѣки, безъ запасовъ, и горько упрекалъ Шереметева. «Еслибы вы пришли въ Брацлавъ 16-го Мая,» писалъ онъ, «то къ 20-му были бы на Днѣстрѣ, и въ десять, а много въ тринадцать дней на Дунаѣ. Зачѣмъ потеряли вы до Днѣстра *десять* дней? Зачѣмъ подвернули вы на Яссы, и что вы *теперь* дѣлаете. Гдѣ наши запасы? Мы заведемъ войско въ чужую землю и переморимъ его голодомъ. Здѣсь у насъ ни хлѣба, и никакаго припаса

нѣтъ.» Жалко читать, какъ оправдывался добродушный Шереметевъ совѣтами Кантемира, невозможностью перехода прямо черезъ степи, опасеніемъ, что Турки раззорили бы безъ него Молдавію, и наконецъ дошедшимъ до него, ложнымъ извѣстіемъ, что еще 3-го Іюня 70,000 Турковъ перешло на Дунай, послѣ чего Кантемиръ умолялъ его не пускаться въ опасный походъ, ибо, еслибы и можно было съ 15,000-ми регулярнаго войска не бояться силы непріятельской, то опасна была блокада въ безводной и безхлѣбной землѣ. Не отходя отъ Днѣстра, Царь собралъ совѣтъ. Долго разсуждаемо было: идти ли далѣе на встрѣчу непріятеля, или ждать приближенія его на Днѣстрѣ? Голоса раздѣлялись. Нѣмцы утверждали второе мнѣніе, Рускіе первое, и къ нимъ присталъ генералъ Ренъ. Говорили, что постыдно будетъ при первомъ шагѣ показать робость, имѣя столь превосходное войско, предать раззоренію Молдавію, и тѣмъ ободрить непріятеля, когда быстрый походъ дастъ

средства пройдти на Дунай, заслонить Яссы и достигнуть обильной запасами Валахіи. Царь своимъ мнѣніемъ рѣшилъ споръ. Войско Русское двинулось за Днѣстръ.

Переходъ по опустошеннымъ саранчею областямъ Молдавскимъ, подъ раскаленнымъ небомъ юга, былъ труденъ. Солдаты падали и умирали отъ усталости; у многихъ кровь шла горломъ; лошади издыхали безъ корма, но Іюня 23-го армія достигла Яссъ.

Здѣсь встрѣтили Царя Господарь Молдавскій, духовенство, бояре Молдавіи, и присягнули ему на вѣрность. Явились и посланники Бранкована, князья Кастріотъ и Кантакузинъ, призывая Царя въ Валахію, подтверждая, что только страхъ мести Турковъ, ибо при отдаленонсти Русскаго войска они могли раззорить Валахію, и тѣмъ лишить Русское войско множества заготовленныхъ ими и господаремъ запасовъ, удерживаютъ Бранкована отъ явнаго покоренія Россіи. Они увѣряли, что Турки идутъ на войну съ большою неохотою;

что Визирь не терпитъ Короля Шведскаго; что онъ совершенный невѣжда въ военномъ дѣлѣ; что при отбытіи изъ Царьграда препоручалъ онъ говорить съ Царемъ о мирѣ патріарху Іерусалимскому; что всѣ Турки опечалены были при выступленіи въ походъ ужаснымъ вихремъ, сорвавшимъ выставленное передъ войскомъ, священное знамя Магометово.

Собранъ былъ опять военный совѣтъ и ничего не рѣшилъ. Царь колебался и недоумѣвалъ. Нѣсколько дней было потеряно въ собраніи мѣстныхъ свѣдѣній. Надобно было отважиться на подвигъ смѣлый и рѣшительный. Царь разсчитывалъ, что быстрымъ походомъ можно будетъ стать на Дунаѣ въ десять дней, что если Турки еще не переправились черезъ Прутъ, текущій влѣво отъ Исакчи, то надлежитъ только достигнуть мѣстечка Фальчи на берегу Прута, ниже коего переправа черезъ Прутъ уже невозможна по причинѣ топкихъ и болотистыхъ береговъ, что прикроетъ дальнѣйшее слѣдованіе Рускихъ до впаденія Прута

въ Дунай. Тамъ хотѣлъ учредить Царь опору дѣйствій въ Галацѣ, занять Дунайскіе берега и Валахію, дать отдыхъ войску, соединиться съ Сербами и другими Славянскими племенами и дѣйствовать наступательно. Храбрый Ренъ отряженъ былъ съ 5000 драгуновъ по теченію рѣки Серета, въ сопровожденіи Кантакузина; ему велѣно предупредить мѣлкіе отряды Турковъ на Дунаѣ и въ Галацѣ ожидать главной Русской арміи.

Распоряженіе Царя было единственное, какое можно было принять въ затруднительномъ положеніи, когда первоначальный планъ похода былъ уже невозможенъ. Для исполненія требовалась поспѣшность паче всего, но къ несчастію, еще нѣсколько дней было потеряно безполезно и остальные припасы истощились. Царь не принялъ притомъ въ соображеніе важнаго обстоятельства: похода по степямъ, опустошеннымъ саранчею и выжженнымъ пламенными лучами солнца, и забылъ

объ утомленіи солдатъ и объ упадкѣ духа въ войскѣ.

Начался походъ. Шли поспѣшно, сколько силы позволяли, и конечно, не смотря на всѣ препятствія и ошибки, Царь успѣлъ бы исполнить свое послѣднее, смѣлое рѣшеніе, еслибы новая неосторожность не довершила прежнихъ ошибокъ: передовой отрядъ, состоявшій изъ конницы, поручили какому-то Нѣмецкому генералу Янусу. Іюля 1-го, когда Царь съ главнымъ войскомъ былъ въ Станилештахъ, Янусъ увѣдомилъ его, что Турки уже перешли Прутъ и заняли Фальчу. Не дожидаясь приказа, Янусъ началъ отступать, хотя *цѣлыя сутки* потомъ Турки не переходили Прута, вопреки его донесенію, слѣдовательно, онъ легко могъ достигнуть Фальчи, занять ее и не допустить переправы. Тогда Русскія войска были бы обезопасены, дошли до Дуная, и не смотря на всѣ прежнія неудачи, дѣло могло быть поправлено отважною рѣшительностью. Провидѣніе опредѣляетъ су-

въ Дунай. Тамъ хотѣлъ учредить Царь опору дѣйствій въ Галацѣ, занять Дунайскіе берега и Валахію, дать отдыхъ войску, соединиться съ Сербами и другими Славянскими племенами и дѣйствовать наступательно. Храбрый Ренъ отряженъ былъ съ 5000 драгуновъ по теченію рѣки Серета, въ сопровожденіи Кантакузина; ему велѣно предупредить мѣлкіе отряды Турковъ на Дунаѣ и въ Галацѣ ожидать главной Русской арміи.

Распоряженіе Царя было единственное, какое можно было принять въ затруднительномъ положеніи, когда первоначальный планъ похода былъ уже невозможенъ. Для исполненія требовалась поспѣшность паче всего, но къ несчастію, еще нѣсколько дней было потеряно безполезно и остальные припасы истощились. Царь не принялъ притомъ въ соображеніе важнаго обстоятельства: похода по степямъ, опустошеннымъ саранчею и выжженнымъ пламенными лучами солнца, и забылъ

объ утомленіи солдатъ и объ упадкѣ духа въ войскѣ.

Начался походъ. Шли поспѣшно, сколько силы позволяли, и конечно, не смотря на всѣ препятствія и ошибки, Царь успѣлъ бы исполнить свое послѣднее, смѣлое рѣшеніе, еслибы новая неосторожность не довершила прежнихъ ошибокъ: передовой отрядъ, состоявшій изъ конницы, поручили какому-то Нѣмецкому генералу Янусу. Іюля 1-го, когда Царь съ главнымъ войскомъ былъ въ Станилештахъ, Янусъ увѣдомилъ его, что Турки уже перешли Прутъ и заняли Фальчу. Не дождаясь приказа, Янусъ началъ отступать, хотя *цѣлыя сутки* потомъ Турки не переходили Прута, вопреки его донесенію, слѣдовательно, онъ легко могъ достигнуть Фальчи, занять ее и не допустить переправы. Тогда Русскія войска были бы обезопасены, дошли до Дуная, и не смотря на всѣ прежнія неудачи, дѣло могло быть поправлено отважною рѣшительностью. Провидѣніе опредѣляетъ су-

дьбы наши, и человѣкъ не въ силахъ противиться опредѣленіямъ его.

Гордясь въ послѣдствіи походомъ на Прутъ, Турки записали для потомства всѣ подробности сего похода. 1-го числа мѣсяца могаррема 1123 года эгиры (Февраля 19-го н. с.) выставлены были въ Царьградѣ бунчуки, знакъ объявленія войны. Въ гаттишерифѣ Султанскомъ были объясняемы правовѣрнымъ причины войны съ окаянною Московіею: гордость и обиды Царя; нападеніе на Оттоманскія земли; строеніе на нихъ крѣпостей; завладѣніе Польшею; избіеніе Шведовъ въ музульманскихъ предѣлахъ (Султанъ говорилъ о битвѣ Кропотова въ 1709 г.). Въ 20-й день могаррема (10-го Марта) войско Оттоманское выступило въ Адріанополь, и Турецкій флотъ вышелъ въ море (22 галеры, 27 гальоновъ, 30 гальотовъ, 60 фрегатовъ, 120 мѣлкихъ судовъ и 100 фелюкъ). Султанъ посѣтилъ лагерь и подарилъ почетный кафтанъ Визирю. Войско двинулось въ походъ; впереди шли янычары, джебеджіи, топчи и то-

парабаджи. За ними слѣдовали Азійскія войска, изъ Караманіи, Сиваса, Алепа, Діарбекира, Аданы, Кангри, Ангоры. Султанъ прислалъ Великому Визирю саблю, и чинъ младшаго визиря Юссуфу, агѣ Янычарскому. Въ 1-й день ребіуль-ахира (Мая 19-го) начался полный походъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: сипаги и селигдары; 4000 канонеровъ съ пушками; 6000 оружейниковъ и обозъ, маркитанты, водоносы, станоставцы. Далѣе шли янычары, сегбаны, гвардія Визиря, музыканты и остальное войско. Въ Исакчѣ переправясь черезъ Дунай, войско Турецкое вступило въ Картальскія степи, и остановилось противъ Фальчи, гдѣ 10,000 Татаръ переправились черезъ Прутъ и по четыремъ мостамъ пошло все Турецкое войско.

Ополченіе Турецкое было многочисленно, состоя изъ 100,000 пѣхоты, 120,000 конницы, и 50,000 Крымцовъ, подъ начальствомъ молодаго хана Девлетъ-Гирея, сына славнаго Селима-Гирея Гаджи. Артиллерію составляли

144 пушки и 25 мортиръ. Съ Татарами соединилось еще нѣсколько тысячь Запорожцевъ, съ Орликомъ и Малороссійскими бѣглецами. Спарръ, *губернаторъ* Московскій, былъ при Ханѣ съ Шведами, а Понятовскій, съ своими отчаянными наѣздниками, у Визиря.

Великій Визирь, ловкій на любимцы Султана, но съ роду не обнажавшій сабли, шелъ и боялся Петра, не вѣрилъ, что Русскихъ идетъ противъ него всего 40,000 человѣкъ, и что они сами предаются въ руки Оттоманамъ. Онъ послалъ предварительно сильный отрядъ, напавшій на отрядъ Януса, уже и безъ того отступавшій. Замѣтивъ опасность, Царь послалъ къ Янусу съ гвардіею, Ингерманландскимъ и Астраханскимъ полками, и прикрылъ его отступленіе. Русскіе сошлись съ Турками.

Вечеромъ собранъ былъ военный совѣтъ. Рѣшено отступать, пока Турки не принудятъ сильнымъ нападеніемъ къ бою. Царь предположилъ отступать влѣво, стараясь достигнуть рѣки Серета, гдѣ, какъ слышно было,

Ренъ съ отрядомъ своимъ прошелъ благополучно. Всѣ возстали противъ его мнѣнія, доказывая, что гористое положеніе не допуститъ свободнаго прохода съ войскомъ. Оставалось продолжать отступленіе по низкому берегу Прута, гдѣ хотя отъ жажды умереть быбо невозможно, имѣя воду подъ рукою.

Великій Визирь долго не вѣрилъ, когда ему донесли, что Рускіе отступаютъ. Радость и надежда одушевили Турецкое войско. Вся громада полчищъ Оттоманскихъ передвинулась за Прутъ. Визирь рѣшился напасть на Рускихъ. Толпы Турецкихъ наѣздниковъ полетѣли впередъ.

Стройно отступало Русское войско. Облегчая себя на походѣ, Царь велѣлъ сжечь и истребить большую часть тѣлегъ и палатокъ; тяжелыя бомбы зарыты были въ землю. Преображенскій полкъ составилъ арріергардъ. Обозъ шелъ въ срединѣ, огражденный войскомъ. Съ разсвѣтомъ Іюля 9-го начались нападенія Турецкой и Татарской конницы. Останавлива-

ясь и ограждаясь рогатками, Рускіе отбивали натиски непріятеля картечью и ружейнымъ огнемъ. Только однажды успѣли нападающіе прорваться до обоза, но ихъ выгнали штыками. Такъ продолжалось до полудня, пока жаръ и усталость заставили Рускихъ остановиться. Достопамятное мѣсто, гдѣ тогда остановился Царь, извѣстно подъ именемъ *Рябой Могилы*, и замѣтно по высокому кургану, на коемъ, какъ говоритъ преданіе, разбита была тогда ставка Крымскаго Хана. Донынѣ видны еще тамъ слѣды окоповъ. Турки называютъ сію долину *Горсести*. Ниже находится мѣстечко *Гушъ*, или Кусъ. Долина окружена возвышенностями, и въ ней, расположа лагерь треугольникомъ, основаніе коего обращено было къ берегу Прута, Рускіе видѣли, какъ всѣ окрестныя высоты занимала безчисленная Турецкая армія. Толпы Турковъ окружили въ видѣ полумѣсяца весь Русскій лагерь, примыкаясь обоими концами обширнаго полукруга къ берегамъ Прута. Татары перещ-

ли на лѣвый берегъ рѣки. Часа за три до захожденія солнца увидѣли приближавшуюся толпу Турецкой пѣхоты. Устроясь густымъ клиномъ, уголъ коего шелъ впередъ, приблизились Турки и въ 30-ти шагахъ открыли огонь. Руские ждали ихъ. Картечи смяли и отодвинули нестройную толпу. Она поколебалась, преслѣдуемая ядрами. Царь велѣлъ сдвинуть сколько можно болѣе пушекъ. Новое приближеніе Турковъ встрѣтили перекрестные пушечные выстрѣлы. Турки шли упорно. Упрямство ихъ охладили бѣглымъ ружейнымъ огнемъ. Конница Турецкая летала кругомъ и рвалась въ лагерь со всѣхъ сторонъ. Стройная, хладнокровная защита Рускихъ предводима была Царемъ. Онъ не жалѣлъ себя и бросался въ огонь. Въ безпрерывной битвѣ наступилъ вечеръ, и отбитые въ послѣдній разъ, въ безпорядкѣ побѣжали Турки. Нападеніе на бѣгущихъ могло произвесть общее замѣшательство въ Турецкой арміи, можетъ быть, даже доставить побѣду, но войско Русское бы-

ло утомлено походомъ съ утра, трехъ часовымъ боемъ, нестерпимымъ жаромъ, голодомъ и жаждою. Царь опасался также оставить лагерь, прикрытый только телѣгами и рогатками, ибо окопаться было некогда. Настала ночь. Рускіе оплакивали смерть генералъ-маіора Видмана, 44-хъ офицеровъ и 700 солдатъ. Ранены были генералы Аллартъ и князь Волконскій, 90 офицеровъ, 1300 солдатъ. Наставшая ночь была ужасна. Безчисленные огни освѣтили окрестности и показали необъятность силъ непріятеля. Всю ночь слышенъ былъ шумъ и видно было движеніе въ Турецкомъ лагерѣ. Видѣли, что Турки окапываютъ лагерь свой кругомъ. Отъ плѣнныхъ узнали о числѣ непріятеля: Турковъ приходилось *семеро* на *одного*, ибо Русскаго войска было всего 31,554 пѣхоты и 6692 конницы. Артиллерію Русскую составляли 87 полковыхъ и 10 большихъ пушекъ, 23 мортиры и 2 гаубицы. Пока утомленныя войска предавались смутному покою, Царь, мрачный и безмолвный,

удалился въ свой шатеръ и не велѣлъ ни кого впускать къ себѣ.

Воображаемъ тяжкую думу великаго въ роковую ночь *на 10-е Іюля 1711 года.* Онъ самъ признавался въ послѣдствіи, что никогда, ни прежде ни послѣ, не было для него минутъ столь грустныхъ и тяжкихъ. Спасеніе казалось невозможно, ибо отступленіе было пресѣчено совершенно. Продолжить стоянку въ лагерѣ значило погубить войско, и не число непріятелей страшило Царя: Рускіе должны были погибнуть отъ голода и изнуренія, ибо хлѣба едва оставалось просуществовать еще нѣсколько дней. Только *умереть съ честью*, только пасть сражаясь могъ Царь, и онъ рѣшился умереть. Но не горестно ли было ему погибнуть, когда такъ упоительно лелѣяла его судьба, когда минуло *только два года* послѣ Полтавской битвы, когда давно ли еще цари искали его союза и дружбы, сильныя твердыни падали къ стопамъ его и судьба столькихъ царствъ была въ его рукѣ! И одно

ли то: Царь зналъ, что губитъ съ собою цвѣтъ своей арміи, своихъ добрыхъ сподвижниковъ и товарищей, свою супругу, умолившую дозволить ей раздѣлить съ нимъ опасности войны, губитъ *Россію*, которой посвятилъ двадцать лѣтъ труда. Мучительное чувство присовокуплялось ко всему: извиняя ошибки Шереметева, Януса, Кантемира, онъ винилъ только одного себя, свою опрометчивость, неосторожность, небрежность. А если и самая битва не смерть, а безславный плѣнъ готовила ему!... И *кто* былъ побѣдителемъ Царя? Толпа Турковъ, предводимая шутомъ Султана!

Но когда тяжкою думою терзался великій, уединенный въ шатрѣ своемъ, благовѣстницею спасенія явилась передъ нимъ его супруга. Она упала на колѣни при молніи, блеснувшей отъ взора его, и умоляла выслушать слова ея.

Голосъ любви дошелъ до сердца печальнаго Царя. Екатерина предложила ему, что можно еще попытаться послать къ Визирю, и

узнать не согласится ли онъ на миръ? На всякія пожертвованія, кромѣ жизни и чести, можно было рѣшиться за миръ. Дѣло казалось невозможнымъ. Царь унижался предложеніемъ мира, да объ оскорбленіи ли ничтожнаго честолюбія было время думать, если тѣмъ искупалось все, болѣе нежели жизнь Царя—*бытіе Россіи*. Впереди оставалось еще необъятное будущее. Царь готовъ былъ на всякія жертвы, еслибы въ самомъ дѣлѣ Визирь принялъ миръ. Лучъ утѣшенія и надежды освѣтилъ душу Царя. Казалось, онъ ожилъ. Шереметевъ былъ позванъ къ нему и отвѣчалъ на слова его, что они уже говорили о томъ съ Царицею, Кантемиромъ и Рагузинскимъ, и что зная свойства Оттоманской политики и характеръ Визиря, почти нельзя сомнѣваться въ успѣхѣ. Немедленно выбрали гвардейскаго унтеръ-офицера Шепелева, и онъ отправился съ письмомъ фельдмаршала къ Осману-агѣ, кіаіи, или секретарю визирскому. Царица тайно вручила ему богатые подарки къ кіаіи и

Визирю, отдала свои брилльянты и золото. На Востокѣ ничто не дѣлается безъ подарка. Воображаемъ, сколько благословеній и какія пламенныя молитвы сопровождали посланнаго, который могъ быть вѣстникомъ *спасенія* или *погибели*.

Царь, какъ будто устыдился тогда своего бездѣйствія. Онъ вышелъ къ войску хладнокровный и спокойный. Немедленно собранъ былъ совѣтъ генераловъ, разсуждали о положеніи войска и опредѣлили: «Если непріятель не согласится на миръ, и будетъ требовать, чтобы *сдались на дискрецію и ружья положили*, то *пробиваться сквозь непріятельскую силу, какъ честнымъ и храбрымъ воинамъ пристойно.*» Конницу положено было оставить въ обозѣ, который укрѣпить окопами и тѣлегами. Бой долженствовалъ быть смертный. Побѣда могла рѣшить все, а *мертвіи срама не имутъ*, говорилъ предокъ Царя, недалеко отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ великій обрекалъ себя на смерть или побѣду.

Въ сіи минуты рѣшительныя Царь думалъ только о «любезной ему Россіи.» Пока другіе готовили оружіе и укрѣпляли лагерь, онъ удалился въ шатеръ свой и написалъ слѣдующее письмо Сенату:

«Господа Сенаторы.

Увѣдомляю васъ чрезъ сіе, что я со всемъ моимъ войскомъ, безъ нашей вины и ошибки, но только чрезъ ложно полученное извѣстіе, окруженъ въ четверо сильнѣйшимъ Турецкимъ войскомъ, такимъ образомъ и столько, что всѣ дороги къ провозу провіанта пресѣчены, и я безъ особенной Божеской помощи ничего, какъ совершенное наше истребленіе или Турецкій плѣнъ предусматриваю. Если случится послѣднее, то не должны вы меня почитать царемъ, вашимъ государемъ, и ничего исполнять, чтобы до вашихъ рукъ ни дошло, хотя бы то было и своеручное мое повелѣніе, покамѣстъ не увидите меня самолично. Ежели я погибну, и вы получите вѣрное извѣстіе о мо-

ей смерти, то изберите между собою достойнѣйшаго моимъ преемникомъ.

Петръ.

Петръ Великій въ плѣну Турецкомъ, Петръ Великій погибшій въ безызвѣстныхъ поляхъ Молдавскихъ, тамъ, гдѣ «говорила съ вѣтромъ пустынь» могила Жолкевскаго (падшаго за девяносто лѣтъ прежде подъ Цецорою), гдѣ за 35 лѣтъ прежде едва не погибъ Собіескій (подъ Журавною) – *Петръ Великій*, и *черезъ два года послѣ Полтавской побѣды*....

Царь призвалъ къ себѣ отличнаго офицера (не знаемъ имени его), спросилъ: «Надѣется ли онъ пробраться въ Россію сквозь Турецкое войско,» и послѣ отвѣта утвердительнаго вручилъ ему письмо въ Сенатъ, поцѣловалъ его въ голову, благословилъ и отпустилъ съ словами: *Ступай съ Богомъ*!

Здѣсь, въ такія мрачныя минуты жизни познается величіе человѣка, а не среди блеска побѣдъ, не среди шума торжествъ.

Разсвѣтало. Отвѣта не было. Турецкіе ла-

гери всколыхались. Загремѣла страшная пальба съ возвышенностей и съ лѣваго берега Прута, хотя и не видно было приготовленій къ нападенію. Русскія пушки начали отвѣчать непріятелю. Царь ждалъ нетерпѣливо возвращенія посланнаго, но Шепелевъ могъ погибнуть, и онъ рѣшился отправить другаго за немедленнымъ отвѣтомъ. Отправленъ былъ другой. Время протекало. Царь не хотѣлъ — не могъ болѣе ждать; полкамъ велѣно строиться, начинать бой послѣдній. Въ то время къ лагерю Русскому уже подъѣзжалъ Турецкій чиновникъ съ согласіемъ на миръ, и въ радостномъ изумленіи всѣ услышали вѣсть желанную: Визирь не отвергалъ мира и требовалъ пословъ Русскихъ для переговоровъ.

Царь немедленно отправилъ въ Турецкій лагерь Шафирова и молодаго Шереметева, сына фельдмаршала. Объ условіяхъ нечего было говорить. Сохранилась краткая записка Царя, гдѣ означалъ онъ мѣру уступокъ за освобожденіе. Безпорядочныя строки и зачеркнутыя

и приписанныя слова показываютъ волненіе великаго въ сіи тяжкія минуты. Онъ соглашался уступить всѣ завоеванныя имъ у Турковъ земли, отдать Азовъ, раззорить Таганрогъ, Богородицкъ, Каменный Затонъ (крѣпость подлѣ бывшей Сѣчи). Если будутъ требовать, соглашался отдать всѣ свои завоеванія Шведамъ — все, *кромѣ Ингріи,* уступить *даже Псковъ*, но только Ингрію удержать за Россіею. *Петербурга* не хотѣлъ отдать Царь ни за какую цѣну.

Безпокойно смотрѣлъ Великій Визирь изъ лагеря своего на битву, происходившую Іюля 9-го вечеромъ, и со страхомъ видѣлъ непоколебимые ряды Русскіе, гремѣвшіе огнемъ неумолкаёмымъ—увидѣлъ наконецъ свои тысячи бѣгущими въ безпорядкѣ. Уронъ Турковъ простирался въ тотъ день до 7000 убитыми и 8000 ранеными. Сильное волненіе началось ночью въ лагерѣ Турецкомъ. Янычары отказывались идти въ бой вторично. При совершенномъ незнаніи военнаго искусства и опа-

сенія буйства Янычаръ, ненавидимый многими изъ подчиненныхъ, презираемый другими, Визирь былъ въ страхѣ и недоумѣніи. Напрасно явились къ нему Спарръ, Понятовскій, Потоцкій, уговаривая его не вступать болѣе въ битву, увѣряя, что Руские опять отобьютъ нападеніе, и что самое вѣрное средство заставить ихъ всѣхъ положить оружіе и взять въ плѣнъ самого Царя, если Визирь продолжитъ блокаду еще нѣсколько дней. Тогда голодъ и жажда безъ оружія побѣдятъ непріятеля. Визирь оскорбился словами гяуровъ, повторилъ приказаніе нападать и услышалъ насмѣшливый отказъ. Оставить въ бездѣйствіи свое войско на нѣсколько дней казалось ему опаснымъ, будущее грозило гибелью, и при такомъ недоумѣніи Визиря явился Шепелевъ съ предложеніемъ мира. Османъ-ага, вполнѣ обладавшій умомъ Визиря, умѣлъ представить ему предложенія Царя въ самомъ обольстительномъ видѣ. Что могло быть славнѣе, если онъ извѣститъ Султана, что въ двѣ недѣли заста-

вилъ грознаго Русскаго Царя принять всѣ условія непобѣдимаго повелителя Оттоманской арміи?

Шафировъ явился на переговоры смиреннымъ, но твердымъ. Когда предложили всѣмъ Рускимъ и Царю сдаться въ плѣнъ, потомъ отдать оружіе и заплатить выкупъ, онъ не хотѣлъ начинать переговоровъ. Гордо отвѣчалъ надмѣнному Визирю посолъ царскій, и слѣдствіемъ его благоразумныхъ поступковъ было то, что въ Русскій лагерь прислали условія, какихъ вовсе не ожидалъ Царь. Турки требовали только отдачи Азова, уничтоженія Таганрога, Богородицка и Каменнаго Затона. Царь ждалъ извѣстій нетерпѣливо. Когда отъ Шафирова присланъ былъ сначала нарочный съ извѣстіемъ о безмѣрныхъ требованіяхъ Турковъ, Царь писалъ ему: «Чини по твоему разсужденію, какъ Богъ тебя наставитъ, *оставь все, кромѣ шклавства* (неволи), *но только кончи сегодня, дабы нашъ десператный* (отчаяпный) *путь можно было немедленно начать съ Бо-*

жіею помощью.» Встрѣтилось затрудненіе, казавшееся неважнымъ: Турки требовали выдачи Кантемира, и многіе, можетъ быть и самъ Шафировъ, думали, что Царь не скажетъ о томъ ни слова, но не такъ думалъ Царь. «Я далъ ему слово сберечь его и не измѣню»— горячо воскликнулъ Царь — «лучше уступлю Туркамъ землю до Курска: мнѣ останется еще надежда возвратить ее, но нарушеніе слова невозвратимо. У насъ ничего нѣтъ собственнаго, кромѣ чести, —потерять ее значитъ перестать быть государемъ!» Несчастный Кантемиръ былъ въ лагерѣ Русскомъ; его спрятали въ каретѣ Царицы и увѣрили Турковъ, что онъ остался въ Яссахъ. Визирь не заспорилъ и миръ былъ утвержденъ. Турки такъ были рады счастливому окончанію войны, что немедленно толпами выѣхали, одѣтые въ богатые наряды, и дружески разговаривали съ Рускими. «Видъ разноцвѣтныхъ одеждъ Оттоманскихъ, оружія, блиставшаго отъ лучей солнца, и бодрыхъ Турецкихъ коней, состав-

вилъ грознаго Русскаго Царя принять всѣ условія непобѣдимаго повелителя Оттоманской арміи?

Шафировъ явился на переговоры смиреннымъ, но твердымъ. Когда предложили всѣмъ Рускимъ и Царю сдаться въ плѣнъ, потомъ отдать оружіе и заплатить выкупъ, онъ не хотѣлъ начинать переговоровъ. Гордо отвѣчалъ надмѣнному Визирю посолъ царскій, и слѣдствіемъ его благоразумныхъ поступковъ было то, что въ Русскій лагерь прислали условія, какихъ вовсе не ожидалъ Царь. Турки требовали только отдачи Азова, уничтоженія Таганрога, Богородицка и Каменнаго Затона. Царь ждалъ извѣстій нетерпѣливо. Когда отъ Шафирова присланъ былъ сначала нарочный съ извѣстіемъ о безмѣрныхъ требованіяхъ Турковъ, Царь писалъ ему: «Чини по твоему разсужденію, какъ Богъ тебя наставитъ, *оставь все, кромѣ шклавства* (неволи), *но только кончи сегодня, дабы нашъ десператный* (отчаянный) *путь можно было немедленно начать съ Бо-*

пойду въ Царьградъ, и буду молить владыку моего, да подтвердитъ условіе, въ вѣрности исполненія коего Царь оставилъ заложниками Шафирова и Шереметева (да будетъ имъ благословеніе!) и по исполненіи условія мы ихъ безвредно отпустимъ. Лѣта 1123, джемазуля-ахира 7 дня,» О Королѣ Шведскомъ сказано было только: «Прибѣгнувшій подъ «покровительство и милость нашу, да идетъ «онъ во свояси безопасно, и Царь, да не пре«пятствуетъ тому, а если можно, то пусть и примирится съ нимъ.» Тщетно говорилъ Визирю Понятовскій, что Царь обманетъ его, и что Визирь забываетъ о пользахъ Короля. Визирь хладнокровно замолчалъ, презирая угрозы и гнѣвъ Понятовскаго. Но и самъ Карлъ XII-й былъ тогда недалеко. Услышавъ о началѣ мирныхъ переговоровъ, онъ скакалъ изъ Бендеръ безъ отдыха, и явился въ Турецкій лагерь, когда миръ былъ заключенъ. Въ бѣшенствѣ вбѣжалъ онъ въ ставку Визиря, встрѣтившаго гостя своего съ почестью. «Ты за-

былъ, что Султанъ за меня началъ войну!» вскричалъ гнѣвный Король. «Я и не зналъ, что за тебя, а думалъ, что сражаюсь за пользы моего государя. Я не забылъ однакожь и твоихъ пользъ: тебѣ дозволяется свободный путь во свояси.» — «Дай мнѣ войско и я разобью Царя!» закричалъ Карлъ XII-й. «Не думаю,» хладнокровно отвѣчалъ Визирь. «Ты уже испыталъ Рускихъ и я ихъ видѣлъ. Если есть у тебя свое войско — сражайся!» — «Обѣщаю сегодня же поставить передъ тобою Царя плѣнникомъ!» говорилъ Король. «А кто же безъ него будетъ править Московіею?» спросилъ Визирь, улыбаясь. — Король безмолвно сѣлъ на диванъ, положилъ на него ноги и долго сидѣлъ не говоря ни слова. Онъ гнѣвно вскочилъ съ дивана, зацѣпилъ шпорою за великолѣпный кафтанъ Визиря, разодралъ его и поспѣшно ушелъ изъ шатра въ безмолвной досадѣ. Хладнокровно смотрѣлъ онъ, какъ подымался въ то время ожившій лагерь Рускаго Царя, и когда съ музыкою, барабан-

нымъ боемъ и распущенными знаменами, Рускіе выступали изъ своего лагеря, въ челнокѣ переправлялся через Прутъ Карлъ XII-й, спѣша въ свое Бендерское убѣжище — игралище судьбы, своенравной неменѣе его! За нимъ слѣдовали Спарръ, Понятовскій и Потоцкій. Въ дружескомъ разговорѣ съ Шафировымъ, кіаія Визиря говорилъ, что Короля Шведскаго непремѣнно вышлютъ изъ Турціи съ малымъ прикрытіемъ. «Только не троньте провожатыхъ, а его можете взять,» прибавилъ хитрый Турокъ. «Пусть онъ пропадетъ, песъ окаянный — онъ надоѣлъ намъ!»

Когда подписывали миръ, услышали объ успѣхѣ оружія царскаго, успѣхѣ позднемъ, но замѣчательномъ тѣмъ, что въ *первый разъ послѣ Святослава* звукъ *Русскаго оружія* грянулъ тогда на берегахъ Дунайскихъ. Ренъ быстро промчался до Дуная, напалъ тамъ на крѣпость Браиловъ и овладѣлъ ею послѣ слабаго сопротивленія Турковъ. Черезъ два дня получилъ онъ извѣстіе о Прутскомъ мирѣ и

приказъ отступить. Царь наградилъ Рена Андреевскимъ орденомъ.

Русскій лагерь снялся 12-го Іюля вечеромъ. Трое пашей провожали Царя, ограждая Рускихъ отъ схватки съ бродившими по степямъ наѣздниками. Шафировъ и Шереметевъ остались заложниками въ Турецкомъ войскѣ. Іюля 15-го Царь достигъ рѣки Жижи; 19-го Рускіе переправились черезъ Прутъ въ Степановичахъ; 23-го достигли Днѣстра, и на другомъ берегу сей рѣки Русское войско отдыхало недѣлю. Какъ будто смертный, тяжелый сонъ вспоминали здѣсь Царь и сотрудники его гибельный походъ свой, смотря съ роскошныхъ полей Украйны на степи Бессарабскія. Обильно отвсюду свезены были припасы. Отъ Рябой Могилы до Днѣстра почти вовсе не было хлѣба въ Русской арміи — питались только мясомъ, и того недоставало.

Съ береговъ Жижи Царь увѣдомилъ Сенатъ о мирѣ съ Турціею. «Хотя николи не хотѣлъ бы я говорить о такой матеріи,» писалъ онъ,

«но принужденъ, понеже такъ воля Божія благоволила по грѣхамъ нашимъ. Съ 8-го Іюля сошлись мы съ Турками, и съ того дня день и ночь были въ великомъ огнѣ, въ зѣльной десператіи, какой *никогда еще, какъ началъ я служить*, не испытывалъ. Но Богъ подкрѣпилъ насъ. Непріятель, превосходившій насъ болѣе нежели сто тысячами, былъ отбитъ, учинилъ *штильштандъ* (перемиріе) и потомъ совершенный миръ. Тѣмъ *кончился смертный пиръ нашъ*, и хотя дѣло не безъ печали, что лишаемся мѣстъ, труда и убытковъ стоившихъ, но съ другой стороны польза пріобрѣтается.» —«Будь воля Божія,» писалъ Царь Апраксину. «Мы были правы въ сей войнѣ, и думаю, Богъ все къ лучшему устроилъ. Невозможно было намъ вести войну вдругъ съ двумя, и Шведскую мы упускали, когда конецъ ея близокъ былъ, а дождавшись мира на западѣ мы рѣшительно всюду потеряли бы наши выгоды. Изъ двухъ золъ выбирая лучшее, не жалѣю объ уступкѣ Туркамъ.» — «Хотя съ убыткомъ,

приказъ отступить. Царь наградилъ Рена Андреевскимъ орденомъ.

Русскій лагерь снялся 12-го Іюля вечеромъ. Трое пашей провожали Царя, ограждая Русскихъ отъ схватки съ бродившими по степямъ наѣздниками. Шафировъ и Шереметевъ остались заложниками въ Турецкомъ войскѣ. Іюля 15-го Царь достигъ рѣки Жижи; 19-го Рускіе переправились черезъ Прутъ въ Степановичахъ; 23-го достигли Днѣстра, и на другомъ берегу сей рѣки Русское войско отдыхало недѣлю. Какъ будто смертный, тяжелый сонъ вспоминали здѣсь Царь и сотрудники его гибельный походъ свой, смотря съ роскошныхъ полей Украйны на степи Бессарабскія. Обильно отвсюду свезены были припасы. Отъ Рябой Могилы до Днѣстра почти вовсе не было хлѣба въ Русской арміи — питались только мясомъ, и того недоставало.

Съ береговъ Жижи Царь увѣдомилъ Сенатъ о мирѣ съ Турціею. «Хотя николи не хотѣлъ бы я говорить о такой матеріи,» писалъ онъ,

«но принужденъ, понеже такъ воля Божія благоволила по грѣхамъ нашимъ. Съ 8-го Іюля сошлись мы съ Турками, и съ того дня день и ночь были въ великомъ огнѣ, въ зѣльной десперацiи, какой *никогда еще, какъ началъ я служить*, не испытывалъ. Но Богъ подкрѣпилъ насъ. Непріятель, превосходившій насъ болѣе нежели сто тысячами, былъ отбитъ, учинилъ *штильштандъ* (перемиріе) и потомъ совершенный миръ. Тѣмъ *кончился смертный пиръ нашъ*, и хотя дѣло не безъ печали, что лишаемся мѣстъ, труда и убытковъ стоившихъ, но съ другой стороны польза пріобрѣтается.» —«Будь воля Божія,» писалъ Царь Апраксину. «Мы были правы въ сей войнѣ, и думаю, Богъ все къ лучшему устроилъ. Невозможно было намъ вести войну вдругъ съ двумя, и Шведскую мы упускали, когда конецъ ея близокъ былъ, а дождавшись мира на западѣ мы рѣшительно всюду потеряли бы наши выгоды. Изъ двухъ золъ выбирая лучшее, не жалѣю объ уступкѣ Туркамъ.» — «Хотя съ убыткомъ,

но мы развязались теперь съ Турками,» писалъ Царь Меншикову, «и всю силу можемъ обратить на Шведовъ.»

Самъ Царь сознавался, что походъ въ Молдавію былъ «зѣло отчаянно учиненъ, въ надеждѣ на слова измѣнника, обнадежившаго союзомъ народовъ, подвластныхъ Турціи, что оказалось въ послѣдствіи лобзаніемъ Іуды, ибо все чинено было на пагубу и Туркамъ передаваемы были всѣ вѣсти. Правосудный Богъ чудо и судъ свой явилъ въ семъ дѣлѣ, избавя насъ въ отчаяніи и погубивъ лютою смертью лукавыхъ, которымъ мы право и чистосердечно добра желали.» Кромѣ Бранкована, на кого падало обвиненіе, Царь винилъ еще какую-то *знатную духовную особу*, его участника, «подъ именемъ святости діявольскія хитрости сплетавшаго.» — «Великій Боже!» говорилъ Царь. «Когда врагъ человѣческаго рода не употреблялъ лицемѣрія избранныхъ на погибель людей твоихъ? Какъ Іуда, предавшій Христа, и сей измѣнникъ предалъ насъ,

безчестно учинясь сосудомъ діявола, орудіемъ коварства, безчестнымъ измѣнникомъ.» —«Я теперь въ такомъ же положеніи, какъ братъ мой Карлъ подъ Полтавою,» сказалъ Царь, послѣ совѣта Іюля 9-го. «Повѣрилъ измѣннику и вошелъ въ чужую землю, не принявъ мѣръ продовольствовать войско.»

Оскорбляясь вѣроломствомъ Бранкована, Царь сознавалъ въ томъ свою собственную, непростительную ошибку. «Собственное сознаніе, паче свидѣтельства всего свѣта» — истина безспорная, и мы признаемъ въ довѣріи его Бранковану великую ошибку, но въ довѣріи ли только Бранковану состояла его ошибка? Осмѣливаемся думать, что походъ вообще былъ предпринятъ слишкомъ поспѣшно и средства были приготовлены вообще слабо; еще въ Польшѣ, оказались недостатки во всемъ а Молдавія не дополнила ихъ. Но *сознавая погрѣшность* въ томъ, что при недостаткѣ продовольствія Царь слишкомъ пренебрегъ своего непріятеля и не принялъ въ разсчетъ

мѣстныхъ трудностей, сознаемся, что планъ похода Турецкаго былъ соображенъ геніяльно, и еслибы медленность Шереметева не разстроила его въ началѣ, быстрый переходъ черезъ Молдавію до Дуная измѣнилъ бы всѣ обстоятельства. Къ несчастію, неисправности въ войскѣ и дѣла въ Польшѣ задержали Царя. Рѣшеніе похода отъ Яссъ къ Фальчѣ не менѣе было мыслью полководца великаго, хотя разстроено было мѣстными трудностями и оплошностью Януса. Успѣхъ Рена подъ Браиловомъ доказалъ, что разсчетъ Царя былъ вѣренъ. Будь Ренъ на мѣстѣ Януса, и кто разгадаетъ послѣдствія? Не должно ли также оправдать Царя въ надеждѣ его на ничтожность многочисленнаго непріятеля и силу своего войска? Всѣ дѣйствія непріятелей доказали неспособность предводителя музульмановъ, невѣжество его самого и подчиненныхъ, и всегдашнее свойство Турецкихъ народовъ — смѣлость при успѣхѣ, робость при первой неудачѣ, безполезную личную храбрость при не-

лѣпости общихъ соображеній, все, чѣмъ пользовались въ послѣдствіи такъ вѣрно Русскіе полководцы, Румянцовъ, Суворовъ, Паскевичъ, Дибичъ, при Кагулѣ, Рымникѣ, Арзерумѣ, Адріанополѣ. Царь за сто лѣтъ проникалъ сію великую тайну войны съ Турками, и ошибемся ли если скажемъ, что почти навѣрное побѣда ожидала его, еслибы миръ съ Турками не былъ заключенъ: 40,000 Рускихъ показали бы тогда свѣту при Рябой Могилѣ въ 1711 г., что потомъ 18,000 Рускихъ показали противъ 250-ти Турковъ при Кагулѣ, и 10,000 противъ 100,000 при Рымникѣ. Рѣшимость Царя напасть на Турковъ была рѣшимость героя, увѣреннаго въ мужествѣ и крѣпости своего войска. Должно сказать, что весь несчастный походъ Турецкій въ 1711 г., былъ ознаменованъ изумительнымъ терпѣніемъ и твердымъ мужествомъ Русскихъ солдатъ и ихъ начальниковъ. Русское войско явилось уже и въ то время въ числѣ лучшихъ войскъ Европейскихъ— оно, за 10 лѣтъ, подъ Нарвою, бывшее

толпою нестройною. Дѣла свидѣтельствуютъ истину словъ нашихъ. Намъ сохранились любопытныя записки самовидца, служившаго въ Русской арміи, и его свидѣтельство тѣмъ важнѣе, что онъ былъ другъ Януса, и вмѣстѣ съ нимъ отпущенъ былъ потомъ съ неудовольствіемъ изъ Русской службы. Черезъ 25 лѣтъ, въ запискахъ своихъ отдавалъ онъ справедливость мужеству Рускихъ. Намъ драгоцѣнны слова его и о самомъ Царѣ. «Могу увѣрить,» говоритъ онъ, что «Царь берегъ себя неболѣе, какъ послѣдній изъ его самыхъ отважныхъ воиновъ. Онъ былъ всюду, говорилъ со всѣми нѣжно и дружески, съ генералами, офицерами и солдатами, наблюдая за всемъ, что въ битвѣ происходило. Его храбрость увлекала войско и никто не щадилъ себя.» Видя Русскаго солдата, погибающаго подъ саблями трехъ наѣздниковъ Турецкихъ, при отступленіи 9-го Іюля, фельдмаршалъ Шереметевъ не вытерпѣлъ и самъ бросился спасать его. Царь строго выговаривалъ ему за отвагу безполезную.

Словомъ, если была ошибка вообще въ войнѣ, въ исполненіи плана войны и подробностяхъ дѣлъ, то не менѣе, если не болѣе нежели въ войнѣ съ 1700 года, и 1711-й годъ являетъ въ Царѣ геній полководца, и умъ мужа великаго, равно среди счастія и среди бѣдствія.

Не входимъ въ изслѣдованіе мнѣнія тѣхъ, кто утверждаетъ, основываясь на вздорной сказкѣ, будто брилльянты и золото, посланные Царицею къ Визирю и секретарю его, склонили Турковъ на миръ. Подвигъ Екатерины оцѣнилъ Царь черезъ три года установленіемъ ордена *Освобожденія*, и черезъ 12-ть лѣтъ, когда возлагалъ корону на главу ея, говоря, «что въ Прутской войнѣ поступала она мужески, а не женски.» Но подвигъ ея состоялъ въ рѣшеніи Царя на переговоры, въ самой мысли объ нихъ, когда великій супругъ ея помышлялъ только о славной смерти. Подвигъ Екатерины былъ великъ, какъ мысль спасенія среди безнадежнаго отчаянія.

Опровергать ли нѣкоторыхъ стратегиковъ, думающихъ, что планъ вступленія въ Молдавію былъ невѣренъ въ основаніи, и что Царю надлежало идти по Днѣстру на Бендеры? Такіе стратегики не понимаютъ исторіи войны 1711 года.

Имя *Бранкована* осталось въ потомствѣ съ именемъ предателя. Осмѣливаемся думать, что онъ не былъ злодѣемъ, желалъ добра и не обманывалъ Царя, но увлекаемый отвратительнымъ эгоизмомъ, привыкшій хитрить, подобно всѣмъ его соотечественникамъ фанаріотамъ, боялся только потерять выгоды и торговался на совѣсть. Онъ обманывалъ Царя, можетъ быть, менѣе нежели Кантемиръ, безразсудно увлекшій Рускихъ въ Молдавію несбыточными обѣщаніями и разстроившій весь планъ похода. Но искренняя преданность замѣнила въ глазахъ великаго Царя безразсудство поступковъ. Мы видѣли, какъ Царь не выдалъ несчастнаго господаря Молдавскаго на казнь. Кантемиръ, съ дѣтьми и съ 450-ю Молдаванъ,

выѣхалъ въ Россію, находясь при Русской арміи. Царь богато наградилъ его, далъ ему титулъ Свѣтлѣйшаго, и Кантемиръ оставался до смерти своей въ числѣ первыхъ вельможъ и любимцовъ Царя. Не такова была участь несчастнаго Бранкована. Какъ ни старался онъ потомъ прикрыть раболѣпствомъ тайныя сношенія съ Царемъ, Турки открыли ихъ. Уличенный, что только неудача подъ Прутомъ удержала его отъ явной измѣны Султану, коварный себялюбецъ былъ увезенъ въ Царьградъ и удавленъ въ Семибашенной крѣпости, вмѣстѣ съ четырьмя сыновьями, въ 1714 году. Молдавія и Валахія поплатились тяжело Туркамъ за изъявленную ими преданность Россіи но еще несчастнѣе сихъ, всегда страдавшихъ областей, были Черногорцы. Увлеченные граматою Царя, они возстали противъ Турковъ, разбили посланное противъ нихъ войско, но въ 1714 г. полчища Турецкія явились снова и страшно заплатили имъ за бѣдный успѣхъ. Увидимъ, что Царь сострадалъ бѣдствію Чер-

ногорцовъ, хотя не могъ помочь имъ въ несчастіи, нѣсколько разъ повторявшемся прежде и послѣ 1714 года, и превратившемъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій жителей Черногорья въ орды полудикихъ горскихъ народовъ.

Честно расплатилась потомъ Россія за бѣдствія, испытанныя Петромъ Великимъ въ степяхъ Бессарабіи и Молдавіи. Съ именемъ *Рябой Могилы* соединялись потомъ для воспоминаній потомка, странствующаго по прибрежьямъ Днѣстра, Прута и Дуная, имена Хотина, Каушанъ, Бендеръ, Измаила, Очакова, Фокшанъ, Рымника. Черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ смерти Петра Великаго одинъ изъ его сотрудниковъ (Минихъ, въ 1739 г.) смѣло говорилъ, что разсчитался съ Оттоманами за Прутскій миръ побѣдою на берегахъ сей рѣки, до Петра Великаго безвѣстной, съ его именемъ безсмертной въ лѣтописяхъ Россіи, а ровно черезъ *сто лѣтъ* (въ 1812 году) орелъ Русскій возсѣлъ на берегахъ Прута, здѣсь наз-

начая *предѣлы Россіи*, раздвинувшейся до Молдавскихъ границъ. Замѣтимъ, что Іюля 10-го, въ день Прутскаго мира, черезъ 63 года (въ 1774 г.), Румянцовъ подписалъ *миръ Кучукъ-Кайнарджинскій*. — Славный Русскій поэтъ, смотря на пустыни Бессарабскія, говорилъ:

Сія пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державинымъ воспѣта
И славой Русскою полна!

РАЗСКАЗЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

ПОХОДЪ ЦАРЯ ВЪ ПОМЕРАНІЮ И ГОЛШТИНІЮ.

1712—1713 г.

«Зѣло и зѣло жаль, что время проходитъ въ пустыхъ спорахъ... Такъ всегда многоначаліе мѣшаетъ: что можемъ дѣлать, на то другіе не соглашаются, а что они хотятъ дѣлать, того въ дѣло привесть нельзя.»

Слова Петра Великаго.

Событія 1711 года произвели глубокое впечатлѣніе на душу великаго Царя. Казалось, они измѣнили даже взглядъ его на предметы. Годы, слѣдовавшіе послѣ Турецкой войны, показали явную перемѣну въ его дѣлахъ и образѣ мыслей. Онъ сознalъ непрочность обширныхъ замысловъ и быстрыхъ перемѣнъ, если ихъ не подкрѣпляетъ въ послѣдствіи мудрое соображеніе подробностей и если въ нихъ нѣтъ постоянной постепенности. Онъ убѣдился, кажется, какъ легко безъ сихъ условій можетъ все измѣниться, и до самаго окончанія борьбы его съ Швеціею, уже всегда видимъ мы его осторожнымъ, непоколебимымъ, по-

стояннымъ въ одномъ дѣлѣ, пока оно не кончено. Онъ не оставилъ ни обширныхъ своихъ замысловъ, ни дѣятельности при исполненіи ихъ, но уже никогда и ничего не отдавалъ онъ случаю. Съ другой стороны, съ сего времени находимъ особенное стараніе его объединить все въ строгую систему, утвердить всѣ части государственнаго правленія прочными уставами и учрежденіями, и не на одного только себя полагать всю надежду, но стараться упрочить въ будущемъ сущность новаго порядка дѣлъ. Успѣхъ общаго пересталъ съ тѣхъ поръ прикрывать въ глазахъ его частныя упущенія. Какъ ни оскорблялся онъ отношеніями Турціи къ Россіи, какъ ни желалъ разплатиться съ презорливыми Оттоманами за потери и возвратить свои завоеванія на Черномъ морѣ, но ничего не предпринялъ онъ, пока не рѣшился споръ съ Швеціею, хотя многія благопріятныя обстоятельства увлекали его въ новую войну съ Турками. Онъ пренебрегалъ славою завоевателя и побѣдителя, если сія слава

не утверждалась прежде всего на прочномъ благоденствіи государства. И ни кого не обвинялъ онъ за неудачи въ Турціи. Шереметевъ, виновный въ столь важныхъ упущеніяхъ, постоянно оставался у него въ милости, и даже легкомысленный Кантемиръ былъ облагодѣтельствованъ имъ. Наконецъ—печальное замѣчаніе: сколь сильное впечатлѣніе произвелъ на Царя Прутскій походъ, мы видимъ и потому, что съ тѣхъ поръ здоровье его, удрученное и прежде, болѣе и болѣе слабѣло, и почти никогда, до самой кончины Царя, не возстановлялось вполнѣ. Крѣпкое сложеніе великаго мужа нѣсколько лѣтъ боролось еще съ тѣлеснымъ разрушеніемъ, и наконецъ мгновенн уступило, когда притомъ тяжкіе труды его были безостановочны, безпредѣльны, а судьба не щадила великаго отъ новыхъ, тяжелыхъ ударовъ.

Неизмѣнный духомъ, хотя и чувствовалъ изнуреніе тѣлесное, такъ же твердый послѣ несчастія, какъ и послѣ торжества, едва пере-

ступилъ за предѣлы Турціи, уже вновь дѣятельно занялся онъ предлежавшими ему обширными дѣлами. Главный предметъ заботливости его составила тогда внѣшняя политика Европейская, отношенія къ союзникамъ, война съ Швеціею и окончаніе дѣлъ съ Турціею.

Онъ могъ опасаться, что Прутскій миръ не заслужитъ одобренія Султанскаго. Повелитель Оттомановъ, подстрѣкаемый внушеніями Карла XII-го и Европейскихъ дипломатовъ, могъ обвинить малодушнаго Визиря въ неисполненіи долга своего и даже возобновить войну противъ Россіи. Потому Царь расположилъ войска подъ начальствомъ Шереметева на границахъ Польши и Малороссіи, такъ, что при первомъ требованіи они могли защитить предѣлы Россіи отъ нападенія Турковъ и набѣга Татаръ. Рускіе занимали Полонное, Дубно, Острогъ. Гетману Скоропадскому велѣно было усилить надзоръ на рубежахъ Малороссіи. Исполняя условія мира, Царь велѣлъ Апраксину уничтожать укрѣпленія Азова и Таганро-

га, вывозить изъ всѣхъ уступаемыхъ Оттоманамъ мѣстъ артиллерію и снаряды, но не спѣшить отдачею ихъ, пока со стороны Турковъ не приступятъ также къ исполненію условій. Разстроенное трудами и душевными страданіями здоровье Царя требовало отдыха и леченія. Онъ рѣшился ѣхать въ Карлсбадъ, соединяя такимъ образомъ съ попеченіемъ о здоровьи возможность видѣться и переговорить съ союзниками, присутствовать на свадьбѣ сына, назначенной осенью, въ Саксоніи, и распорядиться дѣйствіями противъ Шведовъ. Если съ одной стороны Царь желалъ видѣть немедленную высылку Карла XII-го изъ Турціи и тѣмъ надѣялся обезопасить себя отъ Оттомановъ, съ другой стороны не менѣе желалъ онъ усилить стѣсненіе Швеціи въ отсутствіе своего соперника, и тѣмъ отнять у него средства продолжать войну, коей, конечно, не прекратилъ бы непримиримый Король Шведскій по своемъ возвращеніи изъ Турціи. Мы видѣли условія Царя по сему отношенію съ Даніею, Поль-

шею, Пруссіею и другими государствами. Царь не надѣялся отъ союзниковъ большихъ успѣховъ, послѣ неудачнаго начала войны Датчанами, при слабости силъ Августа, нерѣшительности Пруссіи и своекорыстныхъ разсчетахъ другихъ, но все однакожь онъ могъ ожидать чего нибудь большаго, нежели каковы были на дѣлѣ дѣйствія союзниковъ въ 1711 году.

Согласно договорамъ съ Россіею, когда Царь отправился въ Турцію, король Августъ съ 10,000 Саксонцовъ и 6000 Рускихъ, а Датскій Король съ 18,000 Датской пѣхоты и 9000 конницы должны были вступить въ Германскія области, принадлежавшія Швеціи. Вся сила Шведовъ, охранявшая ихъ, не составляла и 20,000 человѣкъ. Генералъ Веллингъ, губернаторъ сихъ областей, видѣлъ невозможность защищаться открытымъ боемъ и сосредоточилъ охранныя войска въ Стральзундѣ, Штетинѣ, Висмарѣ и другихъ укрѣпленныхъ городахъ. Въ Августѣ перешли Датчане че-

резъ рѣку Эйдеръ, обложили Висмаръ и двинулись къ Стральзунду, гдѣ (въ Сентябрѣ) соединились съ королемъ Августомъ, слабо блокировавшимъ между тѣмъ Штетинъ. Не было ни продовольствія войскамъ, ни осадной артиллеріи. Ожидали привоза того и другаго изъ Даніи. Время проходило въ мѣлкихъ сшибкахъ съ непріятелемъ и взаимныхъ спорахъ союзниковъ. Царь надѣялся оживить военныя дѣйствія своимъ присутствіемъ.

Августа 5-го отправился онъ изъ арміи, и не смотря на болѣзнь свою, подробно осмотрѣлъ на пути обширную Каменецъ-Подольскую крѣпость. Препровождаемый отрядомъ Преображенцовъ, по Вислѣ изъ Сандомира, достигъ онъ Варшавы Августа 24-го. Встрѣченный здѣсь торжественно, 29-го прибылъ онъ въ Торунъ, оставилъ тамъ супругу свою, и изъ Познани отправился въ Дрезденъ, куда прибылъ 9-го Сентября. Отсюда посѣтилъ онъ Фрейбургскіе рудники, спускался въ шахты, и на другой день угощалъ депутацію ру-

докоповъ, присланную съ факелами и съ музыкою поздравить высокаго посѣтителя. Сентября 13-го Царь началъ свое леченіе водами въ Карлсбадѣ. Курсъ продолжался три недѣли. Чувствуя облегченіе, Царь спѣшилъ выѣздомъ въ Дрезденъ. Въ Карлсбадѣ праздновалъ онъ воспоминаніе побѣды подъ Лѣснымъ, «Поздравляю милость вашу съ симъ днемъ, какъ началомъ всего добраго, за что сегодня и выпили мы лишнюю рюмку,» писалъ онъ Меншикову. Изъ Дрездена по Эльбѣ Царь прибылъ въ Торгау. Здѣсь ожидали его Королева Польская, царевичъ Алексѣй, Герцогъ Браншвейгъ-Вольфенбиттельскій, внуки его, Дворъ Герцога и Дворъ Короля Польскаго. Царь съ удовольствіемъ узналъ умную и прекрасную невѣстку свою и дружески сблизился съ своимъ будущимъ сватомъ. Онъ радовался, что сынъ его выбралъ подругу по сердцу, и притомъ изъ владѣтельнаго дома, находящагося въ родствѣ съ знатнѣйшими Европейскими государями. Императоръ Карлъ VI-й, воцарив-

шійся послѣ Іосифа, былъ своякъ Царевичу. Уступая желанію новыхъ родственниковъ, Царь великолѣпно праздновалъ свадьбу 14-го Октября, хотя прежде изъявлялъ желаніе совершить ее безъ церемоній. «Свадьба празднована добрымъ порядкомъ. Людей знатныхъ было много, а арбузу, присланному отъ васъ, зѣло удивлялись, ибо сей плодъ здѣсь за диковинку,» писалъ Меншикову Царь. «Домъ свата моего весьма изрядный,» говорилъ онъ въ письмѣ Сенату. Невѣсткѣ царской позволено было свободное отправленіе Лютеранской вѣры, но вѣнчаніе совершено Русскимъ священникомъ, въ богато убранной залѣ дворца. Царь самъ надѣлъ вѣнцы на новобрачныхъ. Пушечная пальба гремѣла, когда пили ихъ здоровье. Царь прожилъ въ Торгау до 19-го Октября. Герцогъ, сватъ его, желалъ оставить новобрачныхъ при себѣ на годъ. Царь не согласился, препоручая сыну наблюденіе надъ военными дѣйствіями въ Помераніи. Дружески отвѣчалъ онъ на предложеніе Герцога

сблизиться съ Императоромъ тѣснѣйшею дружбою. На просьбу Герцога «продолжить любовь къ невѣсткѣ и милость къ людямъ, которые будутъ при ней,» Царь говорилъ: «Принимаю ее, какъ родную дочь мою, и надѣюсь, что она жаловаться не будетъ, а также и тѣ, кто будетъ при ней, только держали бы себя безъ *высокомнѣнія*, какъ многіе пріѣзжіе къ намъ въ Россію обыкли дѣлать.» Царевичъ съ супругою отправился въ Торунъ, куда Царь прибылъ 27-го Октября. Не заѣзжая на мѣста военныхъ дѣйствій, онъ поспѣшалъ въ Петербургъ и 28-го Октября выѣхалъ изъ Торуна, съ супругою и небольшою свитою.

Въ Карлсбадѣ, Дрезденѣ, Торгау и Торунѣ Царь неутомимо занимался распоряженіями въ войнѣ будущаго года въ Помераніи. По требованію короля Августа Русскія войска были усилены отрядомъ, подъ командою генерала Баура. Царь смотрѣлъ свои войска въ Кроссенѣ. Меншиковъ просилъ позволить ему отправиться въ Померанію. Царь отвѣчалъ,

что онъ нуженъ еще ему въ Петербургѣ. «Для охоты вашей воевать время будетъ, понеже *пока нашъ чудакъ живъ, едвали покоя мы дождемся*,» прибавилъ онъ. Наслѣдный принцъ Прусскій, пріѣзжавшій въ Кроссенъ, и Датскій и Польскій уполномоченные предложили Царю множество разныхъ условій и затрудненій. Между прочимъ отъ него требовали диверсіи въ Финляндію, говорили о подробностяхъ военныхъ дѣйствій въ Помераніи и дѣлежѣ областей Шведскихъ. «Въ Финляндіи дѣйствовать, будемъ сколько можно», отвѣчалъ Царь. «До сихъ поръ мы ничего не дѣлали потому, что моремъ силы наши слабы, а сухопутно мѣста для войны неудобныя. Время для дѣйствій въ Помераніи теперь упущено. Надобно приготовиться дѣятельнѣе поступать въ будущемъ году, а дѣлиться завоеваннымъ еще успѣемъ — завоюемъ прежде.» Царевичу приказано было готовить продовольствіе на 30,000 человѣкъ войска. Царь почиталъ нужнымъ пріобрѣсть согласіе Англіи и

Ганновера и начать военныя дѣйствія въ 1712 г. какъ можно ранѣе. Онъ жаловался, что Русское войско худо содержится, когда между тѣмъ его посылаютъ во всѣ опасносности. «Не сытый солдатъ плохой воинъ,» говорилъ Царь. Голландія предложила Царю свое посредничество въ мирѣ съ Швеціею. Царь не отрекался, но отложилъ рѣшеніе до будущаго времени, хорошо понимая, что всѣ подобныя предложенія, безъ усиленія войны, ни къ чему не ведутъ.

Изъ Эльбинга, куда приплылъ по Вислѣ изъ Торуна, Царь отправился моремъ къ Кенигсбергъ. Здѣсь не забылъ онъ на сей разъ осмотрѣть королевскую библіотеку и между многими рѣдкостями увидѣлъ списокъ Несторовой лѣтописи, извѣстный нынѣ подъ именемъ *Кенигсбергскаго*. Подробно разсматривая сію драгоцѣнность, онъ велѣлъ снять съ него вѣрный снимокъ. Жители Риги встрѣтили Царя, какъ законнаго государя своего. Древній и богатый городъ сей успѣлъ ожить послѣ

тяжкой осады въ 1710 году, хотя еще всюду видны были слѣды прошлогоднихъ опустошеній. Лифляндское дворянство приглашено было отъ предводителя своего въ Ригу, «изъявить радость свою о благополучномъ прибытіи Императора и Царя, узнать лично своего высокаго повелителя и встрѣтить его со всѣми подобающими почестями.» Царю говорили рѣчи и подносили стихи, гдѣ поэты восклицали: «Приди, великій императоръ, приди и покажи намъ, что скоро обнимутся здѣсь миръ и радость (Komm, grosser Kaiser, komm, und thue uns zu wissen, das man den Frieden bald mit Freuden werde küssen)! «На Рижскомъ театрѣ давали *Серенаду объ Аполлонѣ и Музахъ*, радующихся прибытію Царя, и дивертисементъ: *Увѣнчанная пастушка Аспазія*. Царь всходилъ на колокольню церкви Св. Петра и оттуда осматривалъ Ригу и ея окрестности. Онъ записался членомъ въ Рижское Общество Черноголовыхъ, подарилъ сему Обществу свой портретъ, и увидя тамъ портретъ Карла XII-го,

не велѣлъ выносить его. «Я не сердитъ на моего брата Карла»—сказалъ Царь—«онъ выучилъ меня воевать.» Проживъ въ Ригѣ десять дней, Царь заѣхалъ въ Перновъ, прожилъ десять дней въ Ревелѣ, и здѣсь записался также въ Общество Черноголовыхъ. Декабря 29-го увидѣлъ онъ наконецъ драгоцѣнный ему Петербургъ. Весело праздновалъ здѣсь Царь новый 1712-й годъ. Получивъ тогда извѣстіе объ успѣхѣ Датчанъ противъ Шведовъ, «радуюсь,» писалъ онъ, «что первое письмо сего года начинаю извѣстіемъ о побѣдѣ. Дай, Боже, впредь милость свою!»

Особенное удовольствіе ощутилъ тогда Царь, встрѣтивъ въ Петербургѣ своего стараго, вѣрнаго сподвижника, двѣнадцать лѣтъ страдавшаго въ плѣну Шведскомъ, князя *Якова Ѳедоровича Долгорукаго*. Мы видѣли Долгорукаго посломъ во Францію и Испанію при Софіи, начальникомъ войскъ въ Крымскихъ походахъ и плѣнникомъ подъ Нарвою. Съ тѣхъ поръ томился онъ въ безотрадномъ плѣнѣ и

напрасно Царь предлагалъ обмѣнять его на знатнѣйшаго изъ Шведскихъ плѣнниковъ. Въ концѣ 1710 года перевели Долгорукаго вь Якобштадтъ, а лѣтомъ, вмѣстѣ съ другими Русскими плѣнниками, велѣно было перевезти его въ Умео. Замѣтивъ, что на шхунѣ, гдѣ они находились, было только 20 Шведовъ и 45 Рускихъ, Долгорукій уговорился съ товарищами овладѣть шхуною. По данному имъ знаку, Рускіе бросились на Шведовъ, овладѣли ихъ оружіемъ, перебили однихъ, принудили другихъ сдаться, и шкиперъ принужденъ былъ вести побѣдителей въ Ревель, куда явился Долгорукій съ пушечною пальбою. Геройскій поступокъ семидесяти-лѣтняго старца такъ обрадовалъ Царя, что онъ плакалъ обнимая Долгорукаго и наградилъ его почестями и помѣстьями. Долгорукій жилъ еще девять лѣтъ. Онъ скончался въ 1720 году. Пожалованный сенаторомъ, онъ управлялъ Коммиссаріатомъ, былъ другомъ Петра Великаго и не страшился всегда говорить ему

правду. Царь называлъ его *дядею* и искренно оплакивалъ кончину его.

1711-й годъ ознаменовался особенною дѣятельностью въ устройствѣ Петербурга. Подъ надзоромъ Меншикова домы, зданія, дворцы воздвигались безпрерывно. Не довольствуясь своимъ укромнымъ домикомъ, Царь велѣлъ строить на Адмиралтейской сторонѣ два дворца. Одинъ былъ *Лѣтній* (отчасти донынѣ уцѣлѣвшій). Вокругъ него Царь развелъ садъ, самъ занимаясь въ немъ разсадкою дубовъ и липъ. Садъ сей, по имени дворца, названъ былъ *Лѣтнимъ Садомъ*. Другой дворецъ, названный *Зимнимъ*, ибо на зиму переселялся въ него Царь на житье, находился на углу, образуемомъ Зимнимъ каналомъ и Мильонною улицею (онъ былъ въ послѣдствіи сломанъ). Кромѣ того построены были дворецъ для царевича Алексѣя и дворецъ для царевны Наталіи Алексѣевны, при коемъ добродѣтельная сестра Царя устроила первую въ Петербургѣ богадѣльню. Царь велѣлъ

разведести садъ на взморьи, построилъ тамъ дворецъ и назвалъ его *Екатерингофомъ*, подаривъ супругѣ своей. Еще дворецъ построенъ былъ тогда въ 15-ти верстахъ отъ Петербурга, по дорогѣ къ оружейному Сестрорѣцкому заводу, на мѣстѣ, гдѣ останавливался Царь, посѣщая заводъ. Здѣсь насадилъ онъ дубовую рощу и дворецъ получилъ названіе: *Дубки*. Тогда начато было строеніе и двухъ загородныхъ дворцовъ, *Петергофа* и *Стрѣльны*. Меншиковъ заложилъ себѣ великолѣпный домъ далѣе Петергофа на берегу Финскаго залива, назвавши его *Ораніенбаумъ*. Другой дворецъ Меншикова построенъ былъ въ селеніи Ижорѣ. Изъ общественныхъ зданій замѣтимъ основанныя тогда: каменное зданіе Адмиралтейства близъ верфи; *Почтовый домъ*, съ гостинницею для пріѣзжающихъ, на мѣстѣ нынѣшняго Мраморнаго дворца; *Литейный домъ*, на мѣстѣ нынѣшняго Литейнаго Двора. Тогда же приказано было разсчистить болотистую рѣчку Мью (нынѣш-

щюю *Мойку*), и изъ нея проведенъ былъ въ Неву *Зимній каналъ*. Царь раздалъ своимъ любимцамъ Невскіе острова: Ристисари (*Крестовскій*) Меншикову, Мишинъ (*Елагинъ*) Шафирову, Кивисари (*Каменный*) Головкину, съ тѣмъ, чтобы они устроили на нихъ сады и домы; Поцесари (*Петровскій*) былъ отданъ царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ. Царь прожилъ зиму и весну 1712 года въ Петербургѣ, занимаясь на верфи и присутствуя въ Сенатѣ, въ началѣ 1712 года переведенномъ изъ Москвы. Посѣщая Кронштадтъ и окрестныя мѣста, онъ ѣздилъ въ Кексгольмъ и Выборгъ. Тамъ готовились войска къ походу въ Финляндію, а между тѣмъ дѣятельно производилось кораблестроеніе въ Петербургѣ, Олонцѣ и Ладейномъ Полѣ. Царь заложилъ въ Петербургѣ церковь во имя св. Симеона и Анны, празднуемыхъ въ день тезоименитства старшей дочери его. Мая 3-го заложенъ былъ въ Петербургской крѣпости каменный *Петропавловскій соборъ*. Царь предположилъ построить

его великолѣпный, съ высокимъ шпицомъ на манеръ Голландскихъ церквей. Въ началѣ Іюня спустили на воду, заложенный въ 1709 году, корабль *Полтаву*. На мѣстѣ нынѣшняго Екатерининскаго Института заложенъ былъ, рядомъ съ домомъ Шереметева, дворецъ въ Итальянскомъ вкусѣ, и при немъ опредѣлено развести обширный садъ до береговъ рѣчки Лиговки. Дворецъ сей названъ былъ *Итальянскимъ*, а потому и улица подлѣ него получила названіе *Итальянской*. На островѣ Карписари отведено было мѣсто для ботаническаго, или *Аптекарскаго сада*, съ теплицами и оранжереями, и островъ сь тѣхъ поръ названъ *Аптекарскимъ*. Сѣмяна, растенія, даже цѣлыя деревья привезены были сюда изъ южной Россіи, изъ Москвы и изъ-за границы. Февраля 19-го Петербургъ былъ свидѣтелемъ торжественнаго объявленія Екатерины супругою Царя, въ церкви Исакіевской. При Дворѣ слѣдовали послѣ сего увеселенія, и при пуше-

чной пальбѣ выставлено было угощеніе народу.

Царь видѣлъ необходимость присутствовать на мѣстѣ военныхъ дѣйствій въ Германіи, ибо всего важнѣе было теперь очистить материкъ Европы отъ непріятеля, безъ чего не могли быть надежны дѣйствія въ самой Швеціи. Война въ Финляндіи была такое дѣло, которое Царь надѣялся рѣшить безъ труда при усиленіи средствъ. Союзники его по прежнему безполезно провели остальные мѣсяци 1711 года, не смотря на подкрѣпленіе ихъ Русскими войсками. Датскій флотъ, на коемъ везли осадную артиллерію, былъ разсѣянъ бурею. Шведы перевезли въ Стральзундъ 6000 свѣжаго войска. Неудовольствія между королемъ Августомъ и Датскимъ Королемъ усилились до того, что Датскій Король велѣлъ наконецъ отступить своимъ войскамъ изъ Помераніи. Едва могъ уговорить его царскій посолъ оставить хотя часть ихъ, и вмѣстѣ съ Рускими и Саксонцами продолжать зимою

слабую блокаду Стральзунда, Штетина и Висмара. Успѣхи союзниковъ ограничились завладѣніемъ небольшою крѣпостью Пенаминдъ и отбитіемъ Датчанами неосторожной вылазки Шведовъ изъ Висмара, при чемъ 2000 Шведовъ принуждены были сдаться въ плѣнъ. «И за то спасибо!» говорилъ Царь, празднуя побѣду Датчанъ.

Но онъ не могъ оставить Россіи, пока не были кончены дѣла съ Турціею. Трудно вообразить, какъ нелѣпа была въ то время политика Оттоманскаго Двора, если можно назвать *политикою* мѣлкую интригу, гдѣ дѣйствуютъ подкупы, низкія страсти и личные разсчеты людей, окружающихъ слабоумнаго деспота.

Опасеніе Царя, что Прутскій миръ не будетъ одобренъ Султаномъ, сначала казалось несправедливымъ. Султанъ подтвердилъ всѣ условія, наградилъ Великаго Визиря и приказалъ объявить Карлу XII-му о немедленномъ выѣздѣ его изъ Турціи. Король Шведскій отвѣчалъ,

что онъ не поѣдетъ, пока Руские не очистятъ Польши и Султанъ не дастъ ему надлежащаго прикрытія. Напрасно спорилъ Визирь, даже прекратилъ выдачу денегъ Королю. Карлъ XII-й успѣлъ занять потребныя ему суммы, и велѣлъ строить себѣ въ Бендерахъ каменный домъ и обширныя казармы для своихъ товарищей. При немъ было еще тогда до 130 офицеровъ, до 600 солдатъ Шведскихъ, и болѣе 2000 Запорожцовъ и Поляковъ, кромѣ 8000, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ Турціи. Когда спрашивали у него о причинѣ постройки, онъ отвѣчалъ, что лучше останется на вѣкъ въ Турціи, нежели уступитъ *подлому дровосѣку*, и строитъ домъ себѣ для доказательства, что онъ не думаетъ слушать приказовъ Визиря. Угрозы Карла XII-го казались страннымъ хвастовствомъ, но дѣйствительно, Европейскіе дипломаты успѣли убѣдить Султана въ подозрительности поступковъ Визиря подъ Прутомъ и обвинили его въ подкупѣ Рускими. Не-

счастный Балтаджи-Мустафа увидѣлъ присланныхъ къ нему отъ Султана нѣмыхъ. Зная за чѣмъ пришли они, но играя въ то время въ шахматы, Визирь улыбнулся и просилъ ихъ подождать, пока окончитъ игру, которую навѣрное надѣется выиграть. Онъ проигралъ ее, хладнокровно выслушалъ приговоръ о ссылкѣ своей и сказалъ окружавшимъ его: «Видите? Не игра ли и жизнь человѣческая? Проигрываешь, когда вовсе не думалъ проиграть!» Его увезли на островъ Лемносъ и тамъ удавили. Смерть Османа, его кіаіи, предварила его погибель. Юссуфъ, янычарскій ага, возведенъ былъ въ достоинство визиря. Шафировъ старался отвратить начинавшуюся бурю. Его укоряли, что Царь не исполняетъ своихъ обѣщаній, не выводитъ войскъ изъ Польши, не отдаетъ Азова. Въ самомъ дѣлѣ, не спѣша отдачею Азова, Царь даже сердился на Апраксина, слишкомъ усердно раззорявшаго тамошнія укрѣпленія. «Зѣло дивлюсь», писалъ онъ, «отъ чего вы

такъ отчаянно поступаете. Еще Богъ вѣсть что будетъ, и умному самому можно догадаться, какъ поступать, а я, кажется, подробно приказывалъ, какъ и что дѣлать.» На робкое письмо Шереметева, гдѣ говорилъ онъ о движеніяхъ Оттомановъ, Царь отвѣчалъ, что «если впредь будетъ онъ такъ глупо писать, то пусть не пеняетъ, если не пощадятъ его старости.» Видя буйство Турковъ, Шафировъ рѣшился заключить съ нимъ новый договоръ, по коему выѣздъ Карла XII-го отлагался, пока Рускіе не исполнятъ всѣхъ условій. Царь разгнѣвался на неосторожнаго дипломата. «Сами знаете», писалъ онъ, «можно ли намъ такъ скоро вывести войско изъ Польши, еслибы и хотѣли вывесть его. Они одного человѣка выгнать отъ себя не могутъ, а намъ цѣлую армію выводить велятъ, когда непріятель усиливается въ Помераніи и можетъ вторгнуться въ Польшу, ибо никакихъ ручательствъ за согласіе на миръ не даетъ.» Въ слѣдствіе царскаго приказа Шафировъ

отказался отъ исполненія условій договора, пока не вышлютъ изъ Турціи Карла XII-го. Отказъ раздражилъ Турецкое правительство. Разгнѣванный Султанъ велѣлъ заключить Шафирова и Шереметева въ Семибашенную крѣпость, и 17-го Декабря 1711 года война Россіи вновь была объявлена. Войскамъ Турецкимъ велѣно выступать въ походъ весною, а Крымцамъ немедленно двинуться въ набѣгъ. Встревоженный неожиданнымъ рѣшеніемъ Турковъ, Царь приказалъ отдать имъ Азовъ и Таганрогъ, и отправилъ къ Султану дружескую грамату (22 Января 1712 г.). Грамата сія, отдача Азова, и извѣстіе, что Русское войско готово встрѣтить неиріятеля, если упорство его продолжится, остановили приготовленія войны. Споры и волненія продолжались. Англія и Голландія, черезъ своихъ пословъ, успѣли наконецъ убѣдить Султана на миръ. Русскіе послы были выпущены изъ тюрьмы, но интрига тревожила Султанскій диванъ, гдѣ голосъ Шведскаго Короля подкрѣплялъ

Французскій посолъ, когда притомъ, по странному разсчету политики, Императоръ также дѣйствовалъ въ пользу Швеціи, опасаясь появленія Русскихъ войскъ въ Помераніи и думая войною съ Турками отвлечь Царя. Карлъ XII-й не сомнѣвался въ успѣхѣ своихъ предпріятій. Онъ уже мечталъ опять явиться въ Польшѣ, предводительствуя Турецкимъ полчищемъ. Отважный Польскій наѣздникъ, Грудзинскій отправленъ былъ отъ Потоцкаго въ Польшу возмущать приверженцовъ Станислава противъ Августа, и приказъ Карла XII-го посланъ былъ въ Швецію Штейнбоку, коимъ, возводя его въ фельдмаршалы, Король повелѣвалъ ему собрать немедленно сколько можно болѣе войскъ, переправиться въ Померанію, дѣйствовать наступательно, и войдти въ Польшу съ другой, когда онъ съ Турками двинется съ одной стороны. Турки объявляли требованія неисполнимыя: хотѣли, чтобы Царь отказался отъ власти надъ Малороссіею и казаками, примирился съ Шве-

ціею, и не только вывелъ войско Русское изъ Польши, но и оставилъ Померанію, проведя отсюда войско въ Россію черезъ Данію, а не черезъ Польшу. «Какимъ же образомъ мы оттуда придемъ въ Россію?» отвѣчалъ Царь. «Моря Балтійскаго высушить нельзя, а крыльевъ, перелетѣть черезъ него по воздуху, у насъ нѣтъ.» — «Если враги наши разума отбыли и правда на нашей сторонѣ, безбоязненно приступаю я къ войнѣ и ни въ какіе переговоры болѣе не вступлю,» писалъ Царь Шафирову. Наконецъ успѣли снова вразумить Султана, особливо, когда Русскія войска, не только не пошли изъ Польши, но придвинулись на предѣлы Турціи, къ чему появленіе въ Польшѣ отрядовъ Грудзинскаго давало поводъ, ибо Царь почелъ сей поступокъ началомъ военныхъ дѣйствій. Онъ не боялся войны съ Турціею, хотя уже не думалъ идти въ Турецкія области. Всѣ распоряженія его касались только защиты предѣловъ на случай нападенія. — «Мы не въ состояніи те-

перь вести *оффенсивную* войну и съ Турками и съ Шведами», писалъ онъ Шереметеву, «не говоря уже о старинной пословицѣ: кто за двумя зайцами гонится, тотъ ни одного не поймаетъ. Потому, даже и въ случаѣ явнаго разрыва, цѣль наша одно защищеніе, на что при помощи Божіей достанетъ силъ нашихъ.» Онъ велѣлъ возобновлять укрѣпленія Кіева, а между тѣмъ Бауръ спѣшилъ остановить набѣгъ Грудзинскаго, успѣвшаго пробраться до Калиша, разбить тамъ Русскій полкъ и собрать до 15,000 бродягъ и сволочи. Слыша о движеніи на него Рускихъ, Грудзинскій старался удалиться отъ сраженія, но его перехватили на рѣкѣ Вартѣ, безъ труда разсѣяли шайку его и самаго заставили бѣжать съ остатками бродягъ въ Силезію. Султанъ оскорбился своевольными дѣйствіями Карла XII-го. Миръ съ Россіею былъ снова утвержденъ, Апрѣля 15-го 1712 года, на 25 лѣтъ. Царь отказался отъ власти надъ Сѣчью Запорожскою и предо-

ставилъ высылку Карла XII-го произволу Султана, съ тѣмъ, что его будетъ провожать черезъ Польшу отрядъ Турецкій и Царь ручается за безопасность его проѣзда. Румянцовъ, бывшій при Русскихъ послахъ въ Царьградѣ, привезъ сей трактатъ Царю и былъ награжденъ за него чиномъ поручика. Обрадованный окончаніемъ дѣла съ безпокойными сосѣдями, Царь не оставилъ безъ вниманія, что можетъ быть, опять послѣдуетъ перемѣна, и потому подтвердивъ миръ, приказалъ Шереметеву и Скоропадскому наблюдать крайнюю осторожность. Тѣмъ поспѣшнѣе готовился онъ послѣ сего ѣхать въ Померанію, гдѣ угрожало усиленіе непріятеля изъ Швеціи въ слѣдствіе приказа Карла XII-го Штейнбоку и несогласія союзниковъ усиливались. Меншиковъ былъ отправленъ отъ Царя предварительно. Корпусъ Рѣпнина пошелъ на помощь королю Августу, но дѣло и за всемъ тѣмъ разстроилось болѣе прежняго.

Съ весною 1712 года не только не увеличи-ла дѣятельности своей ни Датчане, ни ко-роль Августъ, но при несогласіи съ союз-никами, Король Датскій повелъ даже тай-ные переговоры съ Швеціею. Августъ так-же переговаривалъ съ ними и съ Станисла-вомъ. [illegible] и Русскіе безъ дѣла стояли [illegible] Штральзундомъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Царь упре-[illegible] въ бездѣйствіи [illegible] и особ-[illegible] непріяте-[illegible]. Особенно опасался онъ, что ничего не [illegible] мира на [illegible] послѣ удаленія Марльборуга. [illegible]

шествія на императорскій престолъ Карла VI-го, и мира между Англіею и Франціею (въ Октябрѣ 1711 г.), открытъ было конгрессъ въ Утрехтѣ (съ Января 1712 г.) Всеобщій миръ на западѣ могъ опять подать поводъ къ объявленію неутралитета, и тогда надлежало бросить неоконченными всѣ предпріятія въ Помераніи. Успокоенный со стороны Турціи, оставя Апраксина въ Петербургѣ съ повелѣніемъ тревожить Финляндію, Царь выѣхалъ изъ Петербурга моремъ въ Кронштадтъ, 15-го Іюня присталъ въ Нарвѣ, и черезъ Дерптъ, Ригу, Мемель и Эльбингъ, въ концѣ Іюля явился у Штетина. Здѣсь нашелъ онъ короля Августа, царевича Алексѣя и Меншикова. Супруга Царя отправилась съ нимъ, ибо онъ предвидѣлъ, что нескоро возвратится въ отечество. Надлежало кончить разсчетъ съ непріятелемъ въ Помераніи.

Орлинымъ взоромъ своимъ обозрѣвши мѣстныя обстоятельства, Царь предложилъ планъ

военныхъ дѣйствій, состоявшій въ томъ, что надобно стараться взять прежде всего Штетинъ, гдѣ гарнизонъ Шведскій состоялъ только изъ 3000 человѣкъ и куда непріятель не могъ доставлять пособій моремъ, по причинѣ удаленія города отъ приморья, когда Стральзундъ, защищаемый островомъ Ругеномъ, сильными укрѣпленіями и 11,000-мъ гарнизономъ, не могъ быть покоренъ безъ пособія большаго флота и безъ усиленной осады. Завоеваніе Штетина давало пристанище союзнымъ кораблямъ, приходу траспортовъ, и складкѣ запасовъ, безъ того съ большими затрудненіями привозимыхъ въ Померанію сухимъ путемъ. Царь доказывалъ, что еслибы между тѣмъ послѣдовало движеніе непріятеля изъ Стральзунда въ Польшу, то опасности никакой не будетъ, ибо тогда могъ вступить въ Польшу и встрѣтить Шведовъ Шереметевъ, поставя ихъ такимъ образомъ между двухъ огней. «Хотя Штетинская крѣпость и нарочита, но ситуація ея зѣло плоха,» го-

ворилъ Царь, излагая планъ взятія Штетина, «такъ, что въ одну ночь можно на ея гласисы сѣсть и черезъ сухіе рвы подойдти къ гопвалу. Напротивъ аттака Стральзунда не иначе, какъ безразсуднымъ и *десператнымъ* дѣломъ почесться можетъ, и заставитъ не точію съ потерею отступить, но и всѣ дѣла разстроитъ, когда на слѣдующее лѣто, стѣснивъ непріятеля зимнею осадою, весьма легко Стральзундъ получить можемъ. Наблюдаю ваши, а не мои пользы,» прибавлялъ Царь, «и полагаю, что лучше на вѣрное идти медленно, нежели отваживаться на удачу, въ чемъ никакой пользы предвидѣть невозможно.»

Августъ соглашался съ Царемъ. Надлежало склонить Датскаго Короля, но тщетно убѣждалъ его Царь. «Не только доставилъ я сюда свои войска, но и самъ, не щадя здоровья и и не боясь *фатига* дальняго пути, прибылъ, писалъ Царь. «Если продолжимъ мы нынѣшній образъ дѣлъ, кромѣ стыда и убытка намъ ничего ожидать нельзя. Но я могу оп-

равдаться, что нынѣшняя кампанія не черезъ меня погибнетъ, и объявляю, что въ случаѣ дальнѣйшихъ несогласій, войско свое отсюда удалю, ибо мнѣ честь моя предъ свѣтомъ всего дороже.»

Но два мѣсяца однакожъ прошло и никакія убѣжденія не дѣйствовали. Занявшись взятіемъ Бремена, Датскій Король проводилъ время въ безполезныхъ толкахъ и спорахъ. Въ половинѣ Августа Датскому флоту въ Помераніи велѣно было находиться подъ начальствомъ Царя. Онъ осмотрѣлъ его близъ острова Ругена, куда пришло тогда нѣсколько Русскихъ кораблей, и распорядился дѣйствіями противъ Штетина, но неожиданный приказъ Датскому адмиралу остановилъ распоряженія Царя. Напрасны были новыя представленія, совѣты, даже угрозы. Союзники ссорились и ничего не дѣлали, не прерывая тайныхъ переговоровъ съ Швеціею. Царь принужденъ былъ наконецъ согласиться начать осаду Стральзунда. Пока Русскія и Польскія вой-

ска переходили туда при недостаткахъ всякаго рода, Датчане овладѣли крѣпостью Бременскою Штаде, откуда гарнизонъ Шведскій вышелъ на Гамбургскія неутральныя земли. Обезпечивъ себѣ владѣніе Бременскою областью, Датчане готовы были дѣйствовать согласно волѣ Царя, но тогда возникли новыя препятствія.

Исполняя повелѣніе Карла XII-го, Штейнбокъ собралъ войска, бывшія подъ его начальствомъ въ Швеціи, числомъ до 20,000, и приготовилъ ихъ къ переправѣ въ Померанію. Шведскій сенатъ, и главнокомандующій въ Швеціи, фельдмаршалъ Гилленштіерна, не смѣя ослушаться Короля явно, всячески препятствовали, Штейнбоку и медленно собирали запасы и транспортныя суда для перевоза войска. Повторенныя приказанія Карла XII-го и настойчивость Штейнбока преодолѣли затрудненія. Въ концѣ Августа Шведскій флотъ вышелъ въ море. При появленіи его Датчане спѣшили укрыться въ Копенгагенъ, опасаясь

нападеній на Зеландію. Штейнбокъ свободно переправился съ 12,000 войска и съ Станиславомъ, находившимся тогда въ Швеціи, къ Стральзунду на островъ Ругенъ. Усиленіе Шведовъ возбудило болѣе прежняго справедливыя сомнѣнія въ успѣхѣ, такъ, что о нападеніи на Стральзундъ, при бездѣйствіи Датскихъ войскъ и Датскаго флота, помышлять было невозможно.

Царь показывалъ удивительное терпѣніе, стараясь побѣдить малодушіе и согласить мѣлкіе разсчеты своихъ союзниковъ, хотя письма его въ то время къ разнымъ особамъ показывали его огорченіе: «Наши дѣла здѣсь за многоначальствомъ плохо успѣваютъ,» говорилъ онъ. «Увѣдомить васъ ни о чемъ добромъ не могу, только зѣло, зѣло жаль, что люди свое добро за пустыми спорами упускаютъ!»—«Желалъ бы я отсель васъ о чемъ либо добромъ увѣдомить,»—писалъ онъ еще—«но сказать нечего: что мы хорошее хотимъ дѣлать, на то другіе не соглашаются, а что дру-

гіе предлагаютъ, того сдѣлать нельзя. Датскій флотъ нашелъ я далеко не такимъ, какимъ онъ славится, а о храбрости господъ Датчанъ судите потому, что они отъ Шведовъ бѣжали и перевозу войскъ ихъ изъ Швеціи помѣшать не могли, хотя почти въ равной силѣ съ ними были. Такимъ образомъ сбылась Голландская пословица: Tuschen doen en zeggen, volgen verleggen (не все то дѣлается, что говорится), и наша Русская: *славны бубны за горами.*»—«Увѣдомляю васъ о преславной побѣдѣ Датчанъ,» писалъ Царь послѣ взятія Датчанами Штаде,» и вотъ ужь можно сказать: *отъ роду въ первые, сафьянные кривые!*» Царь не опасался непріятеля, зная слабость силъ Швеціи, и то, что въ случаѣ большей опасности союзники его опомнятся, когда по всѣмъ извѣстіямъ Карлъ XII-й не думалъ ѣхать изъ Турціи, неутралитета при спорахъ, возникшихъ на Утрехтскомъ конгрессѣ, ожидать скоро было невозможно, а движеніе Шведовъ въ Польшу, кромѣ безполезности его,

могло рѣшительно погубить ихъ. Но избѣгая излишней траты людей и ничего не предоставляя случаю, онъ рѣшился остановить на время всѣ военныя движенія, располагаясь повидаться лично съ Датскимъ Королемъ и посмотрѣть между тѣмъ, что предприметъ Штеинбокъ. Здоровье Царя также требовало подкрѣпленія. Въ слѣдствіе сихъ соображеній Царь сосредоточилъ всѣ Русскія и Саксонскія войска у Стральзунда, блокируя Штетинъ. Укрѣпивъ лагерь подъ Стральзундомъ и поручивъ его королю Августу и Меншикову, Сентября 28-го Царь выѣхалъ въ Карлсбадъ.

Путь его былъ черезъ Берлинъ, гдѣ видѣлся онъ съ Прусскимъ Королемъ, и черезъ Виттенбергъ, гдѣ осматривалъ онъ комнату, въ коей жилъ нѣкогда Лютеръ. Здѣсь на стѣнѣ подписалъ онъ свое имя, и долго потомъ показывали посѣтителямъ за рѣдкость подпись его, не умѣя изъяснить, что значила буква Ъ которою оканчивалась подпись Царя (*Петръ*). Въ Карлсбадѣ Царь прожилъ мѣсяцъ и посѣ-

тилъ отсюда богатаго графа Клари въ Теплицъ. Скучая нѣсколько часовъ за церемонным обѣдомъ, Царь сказалъ, когда спросили у него, какъ понравился ему замокъ графа Клари: «Все хорошо, но только графская кухня слишкомъ велика.»

Между тѣмъ въ Помераніи военныя дѣйствія перепутались болѣе прежняго. Видя, что Шведы вовсе не думаютъ о высадкѣ на Зеландію, Датчане осмѣлились напасть на транспортныя суда Шведскія и истребили ихъ, когда по зависти Гилленштіерна Шведскому корабельному флоту велѣно было воротиться въ Швецію, будто бы для защиты Шведскихъ береговъ. Тщетно ожидая нѣсколько времени остальныхъ войскъ изъ Швеціи, Штенбокъ рѣшился дѣйствовать тѣми средствами, какія у него были. Онъ переправился съ острова Ругена, соединилъ до 25,000 войска, оставилъ Стральзундъ и потянулся къ Дамгартену. Перейдя рѣку Рекницъ, Шведы овладѣли Ростокомъ, освободили отъ блокады Висмаръ,

и пользуясь недоумѣніемъ короля Августа, заключили съ нимъ отдѣльное перемиріе на двѣ недѣли, 19-го Ноября.

Царь полагалъ, что наступило время развязки, поспѣшалъ къ войску, проѣхавъ опять черезъ Берлинъ и Дрезденъ, и 21-го Ноября прибылъ съ Лаге, главную квартиру Меншикова. Немедленно началъ онъ наступательныя дѣйствія, и Декабря 2-го перевелъ главную квартиру въ Гистровъ, предлагая Датчанамъ стѣснять Штейнбока съ другой стороны. Испуганные походомъ Штейнбока, Датчане двинулись изъ Мекленбурга. Декабря 2-го главная квартира Датчанъ была въ Гадебушѣ. Видя движеніе Штейнбока на Мекленбургъ, Царь отправилъ къ Датскому Королю, лично предводившему своими войсками, отрядъ Саксонцовъ съ генераломъ Флеммингомъ, убѣждая его отнюдь не вступать въ сраженіе, пока Русскія и Саксонскія войска не присоединятся къ нему. Штейнбокъ находился между тѣмъ въ затруднительномъ положеніи и не

зналъ что ему дѣлать. Предоставляя дальнѣйшее рѣшеніе случаю, видя наступательное движеніе Царя, чего не предвидѣлъ прежде, онъ всего болѣе страшился соединенія союзниковъ и хотѣлъ предупредить его. Быстро ударилъ онъ на Датчанъ. Неожиданная храбрость овладѣла дотолѣ робѣвшими Датчанами. Надѣясь на превосходство силъ, они приняли сраженіе и дорого поплатились за отвагу. Декабря 9-го Штейнбокъ напалъ на нихъ и послѣ двухъ-часовой битвы заставилъ отступать въ безпорядкѣ къ Любеку, съ потерею 2000 убитыми и 4000 плѣнными. Вся Датская артиллерія досталась Шведамъ. «Что дѣлать съ людьми безтолковыми!» писалъ Царь Шереметеву. «Мы такъ было все привели, что Шведамъ оставалось капитуловать или погибнуть, но господа Датчане, которыхъ мы именемъ Бога и собственной пользы заклинали, имѣя ревность не по разуму, подождать насъ не хотѣли и баталію потеряли. Но, слава Богу, что уронъ не великъ и особливо то хо-

рошо, что конница Датская побѣжала и отъ того вся уцѣлѣла.»

Побѣда Шведовъ была вовсе безполезна. Безотчетное движеніе Штеинбока отдѣлило его отъ Помераніи и крѣпостей, составлявшихъ опору его дѣйствій. Обращаясь туда, онъ долженъ былъ пробиваться сквозь Русское и Саксонское войско, угрожаемый въ тылъ Датчанами, не имѣя припасовъ, терпя крайній недостатокъ во всемъ. О походѣ въ Польшу нечего было думать. Умереть въ честномъ бою—вотъ все, что оставалось Штеинбоку. Но онъ рѣшился продолжать маневры, въ надеждѣ воспользоваться какою либо оплошностью союзниковъ, и тогда пробиться въ Померанію, или ожидать флота для переправы обратно въ Швецію.

Горькій опытъ заставилъ Датчанъ слушать внимательнѣе совѣты Царя. Онъ принялъ начальство надъ всѣми союзными войсками Угрожаемый и тѣснимый имъ, Штеинбокъ отступилъ, перешелъ рѣку Траву и удалил-

ся къ Гамбургу. Царь безотступно преслѣдовалъ его. Доведенный до отчаянія, Шведскій полководецъ овладѣлъ Альтоною, богатымъ Датскимъ городомъ, находящимся противъ Гамбурга на правомъ берегу Эльбы, и угрожалъ уничтожить его, если союзники не позволятъ ему переправиться въ Швецію на Англійской эскадрѣ, находившейся тогда на Сѣверномъ морѣ, о чемъ Штеинбокъ велъ съ Англичанами переговоры. Царь не слушалъ угрозъ Штеинбока, и увлеченные безсильною злостью, Шведы предали огню несчастную Альтону Декабря 29-го. Тысячи злополучныхъ жителей гибли на пепелищѣ домовъ своихъ, голодные, среди зимнихъ холодовъ. Поступокъ Штеинбока только усилилъ ожесточеніе противъ него жителей занятыхъ имъ областей и союзныхъ войскъ. Преслѣдуемый Царемъ, Штеинбокъ отступалъ по западному Голштинскому прибрежью. Января 1-го 1713 года Царь съ войскомъ прибылъ въ Меленъ. Января 3-го главная квартира его

перешла въ Гамбургъ. Изъявляя негодованіе свое Гамбургцамъ, подозрѣваемымъ въ согласіи съ Штеинбокомъ на погибель Альтоны, онъ изъявилъ великодушное состраданіе къ несчастнымъ Альтонцамъ, раздалъ имъ въ пособіе нѣсколько тысячь рублей, и сопровождаемый ихъ благословеніями, отправился преслѣдовать Шведовъ. Искусными переходами отрѣзанный со всѣхъ сторонъ, тщетно думавши пройдти въ Зеландію, Штеинбокъ укрылся на небольшомъ полуостровѣ, гдѣ находится крѣпость Тоннингенъ, оставя передовыя войска свои въ Фридрихштадтѣ, дабы имѣть возможность уйдти на Гамбургъ черезъ Эйдеръ. Января 12-го Царь соединилъ всѣ войска въ Рендсбургѣ. Число ихъ простиралось до 40,000, со 100 пушками. Стараясь совершенно загнать Шведовъ на Тоннингенскій полуостровъ, Царь предложилъ вытѣснить непріятеля изъ занятыхъ имъ крѣпкихъ мѣстъ близъ Гузума. Положеніе непріятеля среди болотъ, при необыкновенной оттепели,

разведшей непроходимыя грязи, казалось неприступнымъ. Датчане отреклись отъ нападенія. «Чѣмъ болѣе опасности, тѣмъ болѣе славы,» отвѣчалъ Царь и повелъ аттаку своими Русскими полками. Преображенцы и Семеновцы шли впереди всѣхъ по узкой плотинѣ, гдѣ солдаты едва могли вытаскивать ноги изъ грязи. Изумленные отвагою Рускихъ, Шведы бѣжали почти безъ боя, бросая свои пушки. Штейнбокъ заперся въ Тоннингенѣ, безъ запасовъ, окруженный въ трое сильнѣйшимъ непріятелемъ. Выходъ ему былъ отвсюду отрѣзанъ. Оставалось безъ боя дожидаться его капитуляціо.

Царь торжествовалъ и — могъ торжествовать. Если за три года прежде громъ отдаленной Полтавской побѣды изумилъ Европу, теперь въ виду Европейцовъ Русскій Царь предводилъ своими, за двѣнадцать лѣтъ не существовавшими войсками, начальствуя кромѣ того надъ Датчанами и Саксонцами. И если Русскіе солдаты удивляли Европейцовъ сво-

имъ мужествомъ въ бояхъ, терпѣніемъ въ трудномъ походѣ, Царь, предводя союзниками, сражаясь противъ лучшаго генерала Шведскаго, явилъ себя, сколь великимъ политикомъ, примиривъ всѣ несогласія союзниковъ, столь и великимъ полководцомъ, почти безъ боя, искусными движеніями стѣснивъ врага, незадолго передъ тѣмъ одержавшаго побѣду надъ Датскимъ войскомъ. Какой переходъ отъ Нарвской битвы, какая славная расплата за неудачу подъ Прутомъ! Царь оцѣнялъ вполнѣ важность своего положенія. «Боюсь,» писалъ онъ, «что здѣсь дѣло задлится, но принужденъ оставаться, ибо *на наши нынѣшнія дѣла весь свѣтъ смотритъ*, и самые Турки здѣсь побѣждаются, а не только что гибнетъ нашъ главный непріятель.»

Восьми-мѣсячная отлучка Царя изъ Россіи, новыя тревоги со стороны Турціи, желаніе отнять у непріятелей Финляндію, когда въ Голштиніи и Помераніи все совершилось по его планамъ, заставляли Царя спѣшить отъ-

ѣздомъ изъ арміи, едва только кончилъ онъ дѣло съ Штеинбокомъ. Меншикову поручалъ онъ начальство, вмѣстѣ съ Датскимъ Королемъ. Въ первый разъ узналъ онъ лично сего своего союзника въ Рендсбургѣ, проведя потомъ нѣсколько дней вмѣстѣ въ Гузумѣ. Царь восхитилъ властителя Даніи любезностью и умомъ. Монархи обмѣнялись орденами — Царь возложилъ на Короля Датскаго Андреевскій орденъ и получилъ отъ него орденъ Слона. Расположеніе дѣйствій на лѣто и осень 1713 года и стараніе упрочить союзы заставили Царя расположить путешествіе изъ Даніи не прямо въ Петербургъ. Англійская Королева была въ то время при дверяхъ гроба, а другъ Царя, король Прусскій Фридрихъ I-й скончался 25-го Февраля 1713 года. Царь посѣтилъ Ганноверъ, стараясь пріобрѣсть дружбу курфирста Георга, наслѣдника Англійскаго престола, проѣхалъ въ Вольфенбиттель къ своему свату, и оттуда въ Берлинъ, гдѣ переговорилъ съ новымъ королемъ Прусскимъ,

Фридрихомъ Вильгельмомъ. «Онъ изъявилъ мнѣ дружбу свою,» писалъ объ немъ Царь, «но я ни на что склонить его не могъ. Онъ весьма еще новъ и неискусенъ, въ дѣлахъ не осмотрѣлся и не зная что ему дѣлать, нуждается въ деньгахъ, да и окруженъ псами, которые исполнены Шведскимъ духомъ.» Оставя Берлинъ Марта 3-го, Царь ѣхалъ черезъ Померанію, гдѣ распорядилъ блокадою Стральзунда и Штетина, а потомъ, черезъ Эльбингъ, Курляндію, Ригу и Нарву, Марта 22-го прибылъ въ Петербургъ. Первое дѣло его по пріѣздѣ въ свою столицу было освященіе деревянной церкви, во имя Благовѣщенія, въ Александро-Невской лаврѣ, Марта 25-го, при собраніи войска и народа. Немедленно послѣ сего начались приготовленія къ походу Финляндію.

Среди путешествій, войны и запутанныхъ интригъ политики Царь не забывалъ другихъ дѣлъ. Такъ въ путешествіи своемъ, предводя войсками, всюду обозрѣвалъ онъ

достопримѣчательности, нерѣдко самъ снимая планы и рисунки. Въ Шлезвигѣ увидѣлъ онъ огромный глобусъ, устроенный Олеаріемъ, и не могъ налюбоваться имъ. Датскій Король просилъ его принять въ знакъ памяти такую бездѣлицу. «Вся Данія не могла бы сдѣлать мнѣ подарка пріятнѣе,» отвѣчалъ Царь. Онъ перевезъ драгоцѣнный глобусъ въ Петербургъ, и хранилъ его, какъ сокровище, любуясь имъ и самъ объясняя механизмъ его посѣтителямъ. Въ Гамбургѣ осматривалъ онъ мастерскія и ремесленныя заведенія сего промышленнаго города, биржу, магазины и портъ, гдѣ производилась обширная торговля.

Изъ распоряженій Царя по внутреннему устройству Россіи въ 1712 году важнѣйшими, кромѣ упомянутыхъ нами, были: приказаніе собрать свѣдѣнія о всѣхъ фабрикахъ и заводахъ въ Россіи, «дабы можно было видѣть, какія полезно еще заводить для общаго благоденствія;» повелѣніе учреждать Русскія компаніи для торговыхъ предпріятій за грани-

цею и основанія конторъ въ иностранныхъ земляхъ; устройство Вышневолоцкихъ шлюзовъ, очищеніе Боровицкихъ пороговъ, и осмотръ водянаго сообщенія Петербурга съ Волгою черезъ Шексну и Вытегру. Тогда же велѣно было профессору Фархварсону промѣрять прямую дорогу отъ Петербурга до Москвы. Слѣды просѣкъ, въ то время сдѣланныхъ, видны еще и донынѣ, хотя Царь и отложилъ въ послѣдствіи проведеніе прямой дороги, по причинѣ трудностей, опасаясь сверхъ того, что запустѣютъ Новгородъ, Тверь и другіе города, находящіеся на прежнемъ пути. Приготовляясь разсмотрѣть и дополнить Уложеніе, Царь велѣлъ переводить Прусское и Шведское Права на Русскій языкъ. Въ одно время, подтверждая о сочиненіи Русской исторіи безъ замедленія, Царь вновь велѣлъ перебрать всѣхъ недорослей и принуждать ихъ силою къ службѣ. — Брюсъ былъ отъ него отправленъ избирать и нанимать достойныхъ офицеровъ въ Русскую службу; 315 учениковъ

раздано было въ Россіи и за границею для обученія разнымъ ремесламъ, и самъ Царь экзаменовалъ учениковъ Инженерной школы, отправляя изъ нихъ 26 человѣкъ въ Голландію. Между тѣмъ безпрерывно трудился онъ надъ сочиненіемъ Воинскаго Устава, и въ то же время не забывалъ заводить Голландскихъ коровъ въ Холмогорамъ, садить дубовые лѣса близъ Петербурга, разводить Голштинскихъ лошадей въ Казани. По возвращеніи изъ-за границы Царь отмѣнилъ пряжки у солдатскихъ башмаковъ и замѣнилъ ихъ ремешками, «понеже я самъ испыталъ, что то удобнѣе,» говорилъ онъ въ собственноручномъ приказаніи. Онъ все писалъ самъ и отвѣчалъ собственноручно на всѣ донесенія. Диспозиціи въ походѣ противъ Штеинбока были писаны его рукою. Нерѣдко письма Царя отличались оригинальностью выраженій. «Съ чего ты вздумалъ, что я на тебя сердитъ,» писалъ онъ Курбатову, «и плачешь о томъ, яко Іона во чревѣ кита? Еслибы я сердитъ былъ, то

сказалъ бы тебѣ просто.» — «За что васъ Нептунъ пожаловалъ такою краткою зимою,» писалъ онъ Меншикову, «какой никогда при мнѣ не бывало? Не грѣхъ ли ему сердиться на меня, когда онъ знаетъ, что я сердечно прилѣпленъ къ нему!» Иногда Царь не скрывалъ въ письмахъ своихъ гнѣва на ошибки и недоразумѣнія и выражалъ ихъ также оригинально. Когда Поляки хотѣли выдавать Русскому войску въ Помераніи, вмѣсто хлѣба, деньгами, и Долгорукій спрашивалъ о томъ, Царь отвѣчалъ: «Развѣ солдаты могутъ ѣсть деньги, вмѣсто хлѣба? Я отвѣчать вамъ не буду, если подобными глупостями будете впредь обременять меня.» — «Что было причиной вашего распоряженія?» писалъ Царь въ Сенатъ, послѣ ошибочнаго предписанія сенаторовъ по одному дѣлу — «взятку вы взяли, или на смѣхъ дѣлаете, или всѣ отъ старости поглупѣли? Но помните, что я спрошу у васъ обо всемъ отчета не шутя.»

Замѣтимъ, что въ 1712 году Царь велъ пе-

реговоры съ Алжирскимъ Деемъ о свободной торговлѣ въ Средиземномъ морѣ и съ Императоромъ о войнѣ противъ Турціи. Желая дать случай Русскимъ солдатамъ пріобрѣсть болѣе опытности въ войнѣ, онъ соглашался отпустить нѣсколько Русскихъ полковъ въ Голландскую службу, съ тѣмъ, чтобы употребили ихъ въ битвахъ противъ Людовика XIV-го. Утрехтскій конгрессъ воспрепятствовалъ сему распоряженію. Послѣ кончины Герцога Курляндскаго Царь объявилъ, что управленіе Курляндскимъ герцогствомъ принадлежитъ его вдовствующей супругѣ. Не смотря на противорѣчіе короля Августа и споръ дяди умершаго Герцога, Русскіе гарнизоны были введены въ Курляндію, и впредь до рѣшенія споровъ Русскіе чиновники распоряжали доходами герцогства. Оставляя управленіе чинамъ Курляндскимъ, Царь самовластительно распоряжался ими, особливо при многократныхъ поѣздкахъ своихъ черезъ Мемель, владѣя притомъ Лифляндіею. Упомянемъ наконецъ, что въ 1712

году пожаловалъ онъ въ *послѣдній разъ* чинъ *окольничаго*, стольнику Алексѣю Юшкову.—Въ томъ же году посѣтили Россію небывалые дотолѣ путешественники, *Китайскіе послы*, отправленные Богдыханомъ къ Калмыцкому хану Аюкѣ. Они ѣхали черезъ Сибирь и Казань. Вездѣ по приказанію Царя принимали и угощали ихъ съ большимъ почетомъ. Одинъ изъ нихъ, по возвращеніи въ Пекинъ, издалъ описаніе своего путешествія и лгалъ забавнымъ образомъ, разсказывая о диковинкахъ, видѣнныхъ имъ въ Россіи, вѣроятно, въ силу извѣстнаго правила путешественниковъ: a beau mentir, qui vient de loin (тотъ имѣетъ право разсказывать небылицы, кто далеко ѣздилъ).

РАЗСКАЗЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ВОЙНА ВЪ ФИНЛЯНДІИ. КАРЛЪ XII-Й ВЪ ДЕМОТИКѢ.

1713 г.

«Хотите ли видѣть разницу между Карломъ XII и Петромъ Великимъ? Посмотрите на Карла XII-го, осажденнаго Турками въ Бендерахъ, и на Петра Великаго, окруженнаго ими подъ Прутомъ — храбрый рыцарь Донъ Кихотъ и Царь мудрецъ!»

* * *

Не приступая къ изложенію дальнѣйшихъ воинскихъ успѣховъ Царя, изложимъ неожиданныя событія въ Турціи въ 1712 году.

Мы видѣли, что не смотря ни на какія пронырства дипломатики, Султанъ подтвердилъ миръ съ Россіею, въ Апрѣлѣ 1712 года. Надежды Карла XII-го могли наконецъ разрушиться, послѣ двухкратныхъ неудачь, показавшихъ ему непостоянство политики варваровъ и превозмогающую силу Царя. Когда Шафировъ подписывалъ новый договоръ съ Султаномъ, Карлъ XII-й слышалъ объ уничтоженіи послѣднихъ покушеній своихъ взволновать Польшу и гибельномъ положеніи Швед-

скихъ войскъ въ Помераніи. Но упрямая воля его еще не уступала неумолимой судьбѣ и еще разъ польстили ему мечты несбыточныя. Какъ ни рѣшителенъ казался миръ съ Турками, Европейскіе дипломаты снова успѣли подкупить совѣтниковъ Султана; взвели новыя обвиненія на Царя въ несоблюденіи договора; Русскіе послы еще разъ были брошены въ Семибашенную крѣпость, и когда Царь торжествовалъ побѣды надъ Шведами, война Турціи противъ Руских еще разъ была объявлена, 14-го Ноября 1711 г. Великій визирь Юссуфъ былъ низвергнутъ и мѣсто его заступилъ Солиманъ-паша. Казалось, на сей разъ дѣло не кончится одними угрозами: войско Оттоманское собиралось въ Адріанополѣ; Крымцы пустились въ набѣги и внезапность прихода ихъ обманула бдительность Скоропадскаго и Шереметева, ослабленную увѣренностью въ мирѣ. Пока собрались Русскія войска отражать хищниковъ, они успѣли раззорить множество селеній и прошли почти до Кіева. Чи-

сло погибшихъ отъ свирѣпства ихъ простиралось до 1,500 человѣкъ, кромѣ 14,000 уведенныхъ въ плѣнъ, и болѣе 100,000 штукъ скота было ими побито и отогнано. Султанъ выѣхалъ въ Адріанополь и призывалъ мусульманъ къ битвамъ съ невѣрными. Но неожиданное распоряженіе Султана оскорбило въ то же время Карла XII-го: онъ получилъ Султанскую грамату, гдѣ ему объявляли, что желая выполнить съ своей стороны договоры съ Царемъ, Султанъ проситъ Короля Шведскаго оставить Турцію, а для провожанія его черезъ Польшу назначается отрядъ Турковъ и Татаръ, и Султанъ ручается за его безопасность. Такое предписаніе было слѣдствіемъ опасеній новаго визиря, знавшаго, что Карлъ XII-й уже погубилъ двухъ его предшественниковъ. Возбуждая Турцію къ войнѣ противъ Россіи, дипломаты Европейскіе видѣли въ Карлѣ XII-мъ безполезнаго упрямца, бывшаго въ тягость всѣмъ, и утверждали Визиря

и Султана въ необходимости изгнать его изъ Оттоманскихъ владѣній.

Карлъ XII-й оскорбился, не удостоилъ даже выслушать присланныхъ отъ Султана чиновниковъ, и отвѣчалъ, что онъ не поѣдетъ, ибо у него нѣтъ денегъ на проѣздъ. Желали знать, сколько ему потребно. Король назначилъ тысячу кошельковъ. Почтительно явился къ нему паша Бендерскій и вручилъ отъ имени Султана 1200 кошельковъ. Отговариваться было невозможно, но Король велѣлъ взять деньги и сказать, что ему надобно еще столько же, а потомъ онъ подумаетъ объ отъѣздѣ. Визирь спѣшилъ передать Султану отвѣтъ упрямаго гостя. Султанъ не могъ удержать гнѣва и приказалъ вывезти Короля Шведскаго изъ Турціи силою, если онъ не поѣдетъ добровольно. Прежде рѣшенія на такую опасную мѣру созвали совѣтъ музульманскаго духовенства и предложили ему на рѣшеніе вопросъ: «Нарушаются ли права гостепріимства, предписываемыя музульманскою религіею, если упо-

требятъ силу противъ государя, коему дали убѣжище въ бѣдствіи, и котораго содержали донынѣ въ почести со всѣми бывшими при немъ, если онъ поселяетъ раздоръ и оскорбляетъ величіе Султана?»—«Неблагодарность разрушаетъ права гостепріимства, когда противъ невѣрнаго нѣтъ никакихъ особенныхъ обязательствъ,» отвѣчалъ муфти. Совѣтъ согласился съ нимъ, и пашѣ Бендерскому и Крымскому Хану, бывшему тогда въ Бендерахъ, велѣно исполнить волю Султана.

Паша потребовалъ аудіенціи у Короля Шведскаго и передалъ ему полученное изъ Царьграда Султанское повелѣніе. Карлъ XII-й разсердился и гнѣвно отвѣчалъ, что онъ не поѣдетъ. «Я употреблю силу,» сказалъ ему паша хладнокровно—«мнѣ должно исполнить волю моего повелителя.»—«Исполняй,» вскричалъ Карлъ, «а пока исполнишь ее, убирайся къ чорту!» Онъ не хотѣлъ говорить болѣе ни слова. Приближенные Короля въ ужасѣ остановили пашу. «Вашъ Король сошелъ съ ума,»

говорилъ имъ паша, «а съ безумными посту‑
паютъ такъ, какъ они достойны.»

Все еще не смѣя приступить къ насильст‑
веннымъ мѣрамъ, паша запретилъ отпускат
Королю и людямъ его съѣстные припасы
думая смирить упрямство Карла XII-го голо‑
домъ. Король спокойно игралъ въ шахматы
когда явились къ нему Англійскій и Ганно‑
верскій повѣренные, представляя необходи‑
мость повиноваться. Онъ отвѣчалъ, что уви‑
дитъ, какъ принудятъ его силою исполнить во‑
лю глупаго Султана. Спокойно поѣхалъ он
послѣ сего прогуливаться, не измѣнялъ об‑
раза жизни и строго запретилъ говорить ем
что либо о выѣздѣ.

Надлежало исполнить волю Султана. Двад‑
цать пять тысячь Турковъ и Татаръ придви‑
нулись къ жилищу Короля и Шведовъ. По‑
ляки и Запорожцы оставили Карла XII-го
Онъ собралъ бывшихъ при немъ его поддан‑
ныхъ. «Шведы!» говорилъ онъ, «оставите л
вы короля вашего, какъ оставили его подлы

измѣнники, союзники наши?»—Единодушный кликъ: «Нѣтъ!» былъ отвѣтомъ. «Хорошо, такъ посмотримъ теперь, какъ они принудятъ насъ уступить!» сказалъ Король, и потирая руки, прибавилъ съ усмѣшкою: «Мы еще никогда не дрались съ Турками—попробуемъ!» Онъ велѣлъ приготовлять оружіе, устроить во кругъ дома земляныя укрѣпленія, завалить выходы, двери, окна, и распорядился битвою. Никто не смѣлъ его ослушаться. Храбрые воины, прошедшіе съ нимъ сквозь тысячи опасностей, дѣлившіе побѣды и бѣдствія его, готовы были умереть по волѣ короля своего, если воля сія и казалась имъ уже не усиліемъ мужества, но явнымъ безуміемъ. Духовникъ королевскій упалъ къ ногамъ Карла XII-го, представляя ему безполезность и несправедливость сопротивленія, при безразсудствѣ подвергать гибели столько вѣрныхъ и храбрыхъ воиновъ, готовыхъ умереть по волѣ своего государя. «Ваше дѣло молиться, а не совѣтовать,» отвѣчалъ ему угрюмо Король.

Храбрые, заслуженные офицеры Шведскіе стояли подлѣ Короля и безмолствовали. Слезы потекли у одного изъ нихъ. «Что ты?» спросилъ его Король — «не хочешь ли и ты совѣтовать мнѣ?» — «Нѣтъ, государь, мы привыкли только повиноваться, «отвѣчалъ ему офицеръ. «Такъ долженъ думать и говорить каждый Шведъ!» сказалъ Король, ударивъ его по плечу рукою.

Началось странное, неслыханное въ лѣтописяхъ Европы позорище. Войско Турецкое и Татары окружили домъ Короля Шведскаго со всѣхъ сторонъ и прикатили пушки. Казалось, паша стыдился сражаться съ горестью людей. Почетные Янычары посланы были еще разъ уговаривать Короля. Они нашли его распоряжающимъ защитою. Генералы, офицеры, солдаты, чиновники, слуги Короля, всѣ, вооруженные, кто чѣмъ могъ, готовились къ битвѣ, одни на внѣшнихъ укрѣпленіяхъ, другіе внутри строеній и дома. Король вооружился саблею и пистолетами. Присланные хо-

тѣли говорить съ нимъ. Онъ велѣлъ прогнать ихъ «Скажите, что я велю отрѣзать имъ бороды, если они не удалятся немедленно!» вскричалъ Карлъ XII-й съ досадою. Послѣ ругательства столь позорнаго, Турки открыли пальбу и бросились со всѣхъ сторонъ. Шведовъ, бывшихъ на внѣшнихъ укрѣпленіяхъ, смяли, сбили. Убитыхъ было немного, ибо паша велѣлъ щадить и только забирать непріятеля въ плѣнъ. Король бѣжалъ, пробился въ свой домъ, былъ легко раненъ пулею, но не уступалъ. Шведы стрѣляли изъ оконъ. Турки зажгли домъ. Осажденные принуждены были оставить его, и тогда, не смотря на отчаянное сопротивленіе, успѣли схватить и обезоружить Короля. Двадцать Янычаръ понесли его къ пашѣ. Остальные уцѣлѣвшіе Шведы положили оружіе. Не смотря на униженное состояніе, въ какомъ явился передъ своимъ побѣдителемъ, Карлъ XII-й былъ гордъ и хладнокровенъ. «Благодарю Бога, что онъ сохранилъ жизнь Вашего Величества,» ска-

залъ ему паша почтительно. «Не велика услуга!» отвѣчалъ Карлъ XII-й, усмѣхаясь. Онъ бросился на софу и заснулъ спокойно. Кромѣ немногихъ убитыхъ въ битвѣ, всѣ остальные Шведы находились въ плѣну. Многіе изъ нихъ были ранены. Число убитыхъ и раненыхъ Турковъ полагали до 200. Ганноверскій и Англійскій посланники были допущены къ Карлу XII-му, и изумились, когда онъ хладнокровно разговаривалъ съ ними о битвѣ своей. Не зная что дѣлать съ плѣнникомъ, паша рѣшился отправить его къ Султану. Въ простой тѣлегѣ повезли Короля въ Адріанополь, но обходились съ нимъ почтительно и допустили къ нему нѣсколькихъ чиновниковъ его. Шведовъ вели и везли за нимъ. Карлъ XII-й былъ также гордъ, спокоенъ, молчаливъ, сидя въ тѣлегѣ, обезоруженный, окруженный Турками, какъ бывалъ нѣкогда во дни своей славы, ужасая Европу. Въ Адріанополѣ отвели на житье ему бѣдный домъ,

оставя при немъ нѣсколькихъ Шведскихъ чиновниковъ и офицеровъ.

Сколь ни справедливы были поступки Турковъ противъ Карла XII-го, Европейская дипломатика нашла въ нихъ поводъ къ новой интригѣ. Напрасно оправдывались Султанъ и Визирь его, что они предварительно истощили всѣ мѣры кротости и только упрямство Короля принудило ихъ къ насилію. Всѣ Европейскіе посланники протестовали противъ насилія царственной особѣ. Успѣли возбудить негодованіе самыхъ Турковъ противъ Великаго Визиря, склонившаго Султана къ дѣйствію вооруженною рукою противъ государя и гостя. Говорили, что тѣмъ учинено нарушеніе священнаго долга гостепріимства и почтенія къ государямъ. Музульмане гласно осуждали Султана, нарушившаго свои обязанности къ несчастному властителю Шведскому въ угодность Московскимъ варварамъ. Оправдывая Султана, принуждены были свалить всю вину на Визиря, лишили его визирскаго сана, и

залъ ему паша почтительно. «Не велика услуга!» отвѣчалъ Карлъ XII-й, усмѣхаясь. Онъ бросился на софу и заснулъ спокойно. Кромѣ немногихъ убитыхъ въ битвѣ, всѣ остальные Шведы находились въ плѣну. Многіе изъ нихъ были ранены. Число убитыхъ и раненыхъ Турковъ полагали до 200. Ганноверскій и Англійскій посланники были допущены къ Карлу XII-му, и изумились, когда онъ хладнокровно разговаривалъ съ ними о битвѣ своей. Не зная что дѣлать съ плѣнникомъ, паша рѣшился отправить его къ Султану. Въ простой тѣлегѣ повезли Короля въ Адріанополь, но обходились съ нимъ почтительно и допустили къ нему нѣсколькихъ чиновниковъ его. Шведовъ вели и везли за нимъ. Карлъ XII-й былъ также гордъ, спокоенъ, молчаливъ, сидя въ тѣлегѣ, обезоруженный, окруженный Турками, какъ бывалъ нѣкогда во дни своей славы, ужасая Европу. Въ Адріанополѣ отвели на житье ему бѣдный домъ,

оставя при немъ нѣсколькихъ Шведскихъ чиновниковъ и офицеровъ.

Сколь ни справедливы были поступки Турковъ противъ Карла XII-го, Европейская дипломатика нашла въ нихъ поводъ къ новой интригѣ. Напрасно оправдывались Султанъ и Визирь его, что они предварительно истощили всѣ мѣры кротости и только упрямство Короля принудило ихъ къ насилію. Всѣ Европейскіе посланники протестовали противъ насилія царственной особѣ. Успѣли возбудить негодованіе самыхъ Турковъ противъ Великаго Визиря, склонившаго Султана къ дѣйствію вооруженною рукою противъ государя и гостя. Говорили, что тѣмъ учинено нарушеніе священнаго долга гостепріимства и почтенія къ государямъ. Музульмане гласно осуждали Султана, нарушившаго свои обязанности къ несчастному властителю Шведскому въ угодность Московскимъ варварамъ. Оправдывая Султана, принуждены были свалить всю вину на Визиря, лишили его визирскаго сана, и

Али-Ибрагимъ избранъ былъ на его мѣсто. Онъ думалъ угодить всѣмъ, оказывая вѣжливость Карлу XII-му, но Король считалъ себя оскорбленнымъ и требовалъ прежде всего возмездія за обиду. Его упрямство вновь оскорбило Султана. Велѣно было отвести для пребыванія Короля домъ въ мѣстечкѣ Демотикѣ, близъ Адріанополя. Султанъ велѣлъ отпускать содержаніе ему и свитѣ его, но прекратилъ дачу денегъ и даже запретилъ говорить объ немъ. «Пустъ онъ ѣдетъ или останется,» говорилъ Султанъ—«его воля, но не напоминайте мнѣ объ немъ. Я согласенъ кормить его, пока онъ у меня пробудетъ, и велю проводить его, когда онъ поѣдетъ, но воевать и ссориться за него не стану.«

Слѣдствіемъ странныхъ Бендерскихъ происшествій было немедленное возобновленіе мира съ Россіею. Шафирова и его товарищей привезли въ Адріанополь. Іюля 3-го 1713 года они утвердили съ Визиремъ прежній трактатъ.

Съ изумленіемъ услышалъ Царь о событіи

въ Бендерахъ. «Мнѣ жаль брата моего Карла,» сказалъ онъ, «и кажется, Богъ за гордость лишилъ его разума, если онъ такъ поступаетъ съ своими благодѣтелями, безславя себя въ глазахъ Европы.» Обезпокоенный набѣгомъ Татаръ и собраніемъ войскъ Турецкихъ въ Молдавіи, Царь писалъ къ Султану, готовилъ войско, и спѣшилъ подтвердить мирный трактатъ, по полученіи коего Бестужевъ отправленъ былъ съ ратификаціею. Октября 7-го, вмѣстѣ съ Шафировымъ и Толстымъ (постоянно жившимъ въ Царьградѣ съ 1702 года), имѣлъ онъ аудіенцію у новаго визиря, Али-Кумурги, любимца Султанскаго, смѣнившаго Ибрагима и достигшаго наконецъ верховнаго сана, не смотря на юность. Октября 19-го допустили Русскихъ пословъ на торжественную аудіенцію Султанскую. Они поднесли Султану трехъ соколовъ, нѣсколько бѣлыхъ и черныхъ лисицъ и дорогихъ соболей. Дѣло казалось рѣшительно конченнымъ и миръ утвержденнымъ, но честолюбіе любимца Султан-

скаго едва не возбудило новыхъ сомнѣній. Войско Турецкое, вошедшее въ Молдавію, расположилось около Хотина. Али-Кумурги, оставя требованія на Россію, началъ споры съ Польшею, въ то же время требуя отъ пословъ царскихъ ежегодной дани Крымскому Хану. Отвѣтъ Царя, протестъ Императора, что онъ начнетъ воевать, если въ нарушеніе Карловицкаго трактата Турки вступятъ въ Польшу, а всего болѣе очевидность, что Турція ничего не выиграетъ въ борьбѣ съ сильными противниками, сдѣлали молодаго честолюбца миролюбивымъ. Несогласія съ Венеціянами представляли ему болѣе надежды на успѣхъ и, лѣтомъ 1715 года началась война въ Мореѣ и Архипелагѣ. Но еще въ Ноябрѣ 1714 года Толстой и Шафировъ были отпущены съ почестью и возвратились въ Россію. Царь щедро наградилъ нѣсколько лѣтъ продолжавшіяся страданія ихъ въ Турціи. Они сдѣлались съ того времени особенно близкими и довѣренными людьми при Царѣ. Къ прискорбію родителя

и Царя, сынъ Шереметева умеръ на обратномъ пути,въ Кіевѣ.

Когда соперникъ Петра Великаго мѣнялъ ролю Александра Великаго на ролю донъ Кихота, Петръ, уже не сомнѣваясь въ пораженіи Штеинбока и покореніи послѣднихъ городовъ Шведскихъ въ Германіи, располагалъ завоеваніемъ остальныхъ владѣній Карла XII-го внѣ предѣловъ Шведскихъ—дикой, пустынный Финляндіи, охраняемой небольшимъ числомъ диска, подъ предводительствомъ генерала Нирота, коему подчинили Либекера. Затрудненіе похода состояло въ перевозѣ моремъ снарядовъ, артиллеріи и провіанта. Побѣда Руськихъ не могла быть сомнительною. Находясь за границею Царь приказывалъ Апраксину дѣйствовать въ Финляндіи высадками на берега. Изъ Выборга Руские ходили на Кюмень. Шаутбенахтъ Боцисъ истребилъ запасы лѣсовъ, приготовленные для отпуска въ Швецію. Въ 1713 году Царь готовился осадить Або и Гельсингфорсъ. «Не для того, чтобы ими вла-

дѣть,» писалъ онъ Апраксину, «но завоевать ихъ надобно, дабы уступить было что, когда станемъ мириться, и притомъ Финляндія матка Швеціи, изъ коей она довольствуется мукою, скотомъ, и даже дровами, и если взять Финляндію, Шведская шея мягче гнуться будетъ.» Онъ самъ хотѣлъ предводительствовать флотомъ.

Пока въ Петербургѣ, подъ неусыпнымъ надзоромъ Царя, готовили экспедицію въ Финляндію, Меншиковъ рѣшилъ участь Штейнбока. Апрѣля 1-го союзники приступили къ осадѣ Тоннингена, видя упорство Шведскаго полководца. Избѣгая безполезнаго кровопролитія, старались только стѣснять болѣе и болѣе осажденныхъ, ибо знали, что Штейнбокъ уже доведенъ до послѣдней крайности. Весною въ Тоннингенѣ начались болѣзни, отъ коихъ погибло до 4000 Шведовъ. Штейнбокъ соглашался сдать крѣпость, если ему позволятъ удалиться въ Померанію. Союзники требовали безусловной покорности, и 1-го

Мая 1713 г. Штеинбокъ явился для переговоровъ въ лагерь Меншикова. Русскій фельдмаршалъ согласился на размѣнъ, или выкупъ его и гарнизона, и 2-го Мая Тоннингенъ былъ сданъ Голштинскимъ войскамъ. Изъ всей арміи Штеинбока оставалось только 7,800 человѣкъ, кромѣ 3000 больныхъ. Въ крѣпости найдено 12 пушекъ, 128 знаменъ, 30 трубъ и литавровъ, 72 барабана, и запасъ ружей, пистолетовъ, шпагъ и другаго оружія. Трофеи были раздѣлены. Штеинбока отдали Датчанамъ. Сдачею Тоннингена и плѣномъ Штеинбока Швеція лишилась послѣднихъ войскъ и послѣдняго полководца, которые могли еще напомнить о прежней славѣ Шведовъ. Оставались гарнизоны и слабые отряды въ Финляндіи, Помераніи и Мекленбургѣ. Но Финляндіи уже грозилъ орелъ Русскій, а послѣ окончанія дѣла съ Штеинбокомъ Датчане, Саксонцы и Рускіе обратились къ Стральзунду, Висмару и Штетину. Флемингъ осадилъ Стральзундъ въ началѣ Іюля, занялъ островъ

Ругенъ и стѣснилъ городъ, когда Меншиковъ, 8-го Іюля, началъ осаду Штетина.

Черезъ мѣсяцъ по возвращеніи въ Петербургъ Царя, Русскій галерный флотъ вышелъ изъ Кронштадта, 26-го Апрѣля. Онъ состоялъ изъ 93 галеръ, 60 карбусовъ и 50 лодокъ. На немъ было посажено 16,000 войска. Апраксинъ начальствовалъ имъ, какъ генералъ-адмиралъ; Царь былъ въ авангардѣ; князь М. М. Голицынъ и Боцисъ находились въ арріергардѣ. Мая 7-го остановились въ устьѣ рѣки Борго и 8-го пришли къ Гельсингфорсу. Здѣсь находился Шведскій генералъ Армфельдтъ, отряженный съ 2000-ми человѣкъ отъ Либекера, собиравшаго между тѣмъ остальное войско Шведское въ Борго. Видя невозможность защищаться, Армфельдтъ зажегъ магазины и ретировался къ Либекеру. Царь обратился съ флотомъ своимъ туда и 14-го Мая высадилъ войско на берегъ. Либекеръ не смѣлъ противиться и отступилъ къ Ментселю, Борго заняли Рускіе безъ битвы. На совѣтѣ

положено было Боцису стать у Гельсингфорса и ожидать Шведскаго флота, шедшаго на помощь Финляндіи, а остальному флоту дожидаться прихода изъ Выборга конницы; ее велъ берегомъ генералъ-маіоръ князь Волконскій. Царь осмотрѣлъ окрестное прибрежье и назначилъ сборное мѣсто войску и флоту у острова Форсби. Онъ спѣшилъ отсюда отъѣздомъ, желая усилить дѣятельность движеній Волконскаго, прислать поскорѣе изъ Выборга провіантъ и осмотрѣть въ Кронштадтѣ восемь кораблей, купленныхъ въ Англіи и приведенныхъ въ Балтійское море. Посѣтивъ Выборгъ, Царь осмотрѣлъ корабли въ Кронштадтѣ и велѣлъ снаряжать ихъ къ немедленному выходу въ море. Впрочемъ покупкою кораблей былъ онъ не вполнѣ доволенъ. «Они таковы противъ нашихъ,» писалъ Царь Апраксину, «какъ пріемыши и родныя дѣти.» Но мысль усилить флотъ свой на Балтійскомъ морѣ такъ занимала Царя, что онъ распорядился новою покупкою судовъ въ Англіи и Голландіи,

только съ большею осторожностью, предписывая строгія правила для осмотра при покупкѣ. Въ 1713 году въ Кронштадтѣ находились 4 линейные корабля, 8 фрегатовъ, 10 шнявъ, 2 прима, 2 брига, 20 мѣлкихъ судовъ; гребной, или галерный флотъ состоялъ изъ 200 бригантинъ, 100 галеръ, 15 полугалеръ, 30 скампавей, 66 карбусовъ, 75 тялокъ, 25 мелецхоутовъ и 50 лодокъ. Царь полагалъ сіе число далеко недостаточнымъ для поддержанія власти своей на морѣ. Мы увидимъ, что черезъ двѣнадцать лѣтъ неусыпный трудъ Царя доведетъ Балтійскій флотъ до 50 линейныхъ кораблей при 200-хъ галеръ. Въ день праздника Полтавской побѣды Царь торжественно принялъ на аудіенціи Персидскаго посла, пріѣхавшаго съ большою свитою. Въ числѣ подарковъ, присланныхъ Шахомъ, находился живой слонъ, неслыханное диво въ Россіи, на которое собирались толпами смотрѣть повсюду, гдѣ вели его. Рѣдкій гость сей недолго прожилъ на сѣверѣ и издохъ. Царь ве-

лѣлъ набить его чучелу и мы до сихъ поръ видимъ ее въ Кунстъ-Камерѣ. Черезъ нѣсколько дней Царь захотѣлъ показать Шахову послу флотъ свой. На пути къ Кронштадту сдѣлалось сильное волненіе. Бѣдный посолъ, въ отчаяніи жизни, велѣлъ читать муллѣ отходныя молитвы и собирался умирать. Трусливость эго забавляла Царя.

Слухъ о приближеніи Шведскаго флота, состоявшаго изъ 12-ти линейныхъ кораблей и фрегатовъ, заставилъ Царя выслать поспѣшно изъ Кронштадта свой корабельный флотъ. Жестокая болѣзнь принудила его самого остаться на нѣсколько дней въ Петербургѣ. Онъ спѣшилъ оправдаться въ своемъ бездѣйствіи. «Ты повѣришь,» писалъ онъ Апраксину, «что я не за гулянкой здѣсь живу.» Распорядившись присылкою отъ Шереметева корпуса войскъ для усиленія дѣйствій въ Финляндіи, въ началѣ Августа Царь былъ уже на своемъ флотѣ близъ Финляндскихъ береговъ. Шнява, на коей плылъ онъ, была захвачена

жестокою бурею и едва не погибла среди опасныхъ прибрежныхъ шхеръ. Только перемѣна вѣтра спасла безстрашнаго Царя, если не отъ гибели, то отъ великой опасности. Онъ былъ доволенъ распоряженіями Апраксина. Во время его отсутствія Русскія войска перешли къ Борго и отбили Либекера, а сближеніе Русскаго флота къ Гельсингфорсу заставило Шведскій флотъ удалиться. Положено было войску идти на Або. Шведы слабо сразились съ Рускими въ Карисскомъ дефиле, и отступленіе Либекера во внутренность Финляндіи передало столицу сей области во власть Рускихъ безъ выстрѣла. Царь отправилъ вице-адмирала Крюйса преслѣдовать Шведскій флотъ, самъ находясь при войскахъ, вступившихъ въ Або 28-го Августа. Апраксинъ и всѣ другіе генералы просили Царя при семъ торжественномъ случаѣ принять чинъ полнаго генерала. Онъ согласился на общую просьбу.

Въ Або пробылъ Царь нѣсколько дней, осмотрѣлъ подробно городъ, велѣлъ перевезть

тамошнюю богатую городскую библіотеку въ Петербургъ и взять колоколъ изъ тамошней соборной церкви. На память счастливаго покоренія столицы Финляндской Царь отдалъ его на колокольню своей приходской Троицкой церкви въ Петербургѣ. Опасаясь, что Либекеръ отрѣжетъ запасные магазины, учрежденные въ Гельсингфорсѣ, Царь отвелъ туда часть войскъ. Неосторожность Крюйса разсердила его: отправленный осмотрѣть Шведскій флотъ, сближаясь съ непріятелемъ, Крюйсъ навелъ два Русскіе корабля на подводныя каменья и одинъ изъ нихъ принуждены были сжечь, ибо спасти его было невозможно. Между тѣмъ непріятель успѣлъ уйдти и сталъ въ недоступномъ мѣстѣ. Царь осмотрѣлъ положеніе Шведскаго флота, убѣдился въ невозможности напасть на него, и приписывая погибель корабля и упущеніе непріятеля Крюйсу, отдалъ его подъ военный судъ. Прежнія заслуги не могли спасти стараго моряка, часто досаждавшаго Царю своими противорѣ-

чіями. При всемъ усердіи къ службѣ и опытности, Крюйсъ былъ несноснаго, сварливаго характера. Передъ отплытіемъ изъ Кронштадта онъ почти поссорился съ Царемъ, требуя, чтобы отдали въ его полное распоряженіе корабельный флотъ въ Финляндіи и Царь не вмѣшивался бы въ его распоряженія. «Въ первый разъ въ службѣ моей, которую ужеболѣе восмнадцати лѣтъ продолжаю,» писалъ въ отвѣтъ на то Царь, «получилъ я такой отзывъ. Гдѣ я ни бывалъ, въ баталіяхъ, акціяхъ и *белагерахъ*, вездѣ добрые и честные офицеры просили меня не отлучаться, и не требовали, чтобы я, какъ дитя, дома сидѣлъ. Доброму дѣлу никогда я мѣшать не думаю, и мое мнѣніе всегда готовъ промѣнять на чужое лучшее.» Царь изъявилъ досаду свою, когда Крюйсъ на совѣтѣ выставлялъ опасности, коимъ подвергаются въ морской службѣ. «И на землѣ опасностей не меньше,» отвѣчалъ ему Царь. «Вотъ я помню, что однажды рѣкою Окою плылъ Никита Долгой, и везъ боченокъ

пороху. Боченокъ взорвало и Никиту Долгаго опалило. Ивана Ивановича Бутурлина палаты задавили, а окольничій Засѣкинъ свинымъ ухомъ подавился. Кто боится пуль, нейди въ солдаты, а кому животъ дороже чести, оставь службу.» Царь уступилъ Крюйсу, но тѣмъ болѣе разсердили его потомъ неудачныя слѣдствія первой морской экспедиціи Русской. По суду Крюйсъ былъ обвиненъ, лишенъ чиновъ и сосланъ въ ссылку въ Казань. Черезъ два года Царь возвратилъ его, отдалъ ему чинъ вице-адмирала и осыпалъ его по прежнему милостями, хотя Крюйсъ не смягчалъ своего сварливаго нрава, ссорился со всѣми и спорилъ съ Царемъ. Даже когда Царь отдавалъ ему по возвращеніи его шпагу и сказалъ: «Я уже не сердитъ на тебя,» Крюйсъ отвѣчалъ угрюмо: «И я также, хоть и надобно бы на тебя сердиться.»

Распорядившись управленіемъ Финляндіи и дальнѣйшими дѣйствіями войскъ, и поручивъ полное начальство Апраксину, Царь отправил-

ся изъ Гельсингфорса 10-го Сентября. Остальные мѣсяца 1713 года прожилъ онъ въ Петербургѣ, безпрестанно посѣщая Кронштадтъ, работая на верфи, наблюдая военныя дѣйствія въ Финляндіи и въ Помераніи, ведя дипломатическіе переговоры и приготовляя флотъ и войско для предпріятій болѣе обширныхъ.

Завоеваніе Або ознаменовано было медалью, гдѣ изображены были выходящіе на берегъ Нептунъ и Геркулесъ, съ надписью: Terra sistere petita *(Ступили на вожделѣнную землю)*! Октября 8-го Царь спустилъ на воду 60-ти пушечный корабль, наименовавши его, въ честь супруги своей, *св. Екатерина.* Царь своими руками промѣрялъ дорогу къ Невскому монастырю отъ Петербургской крѣпости, и просѣка, прорубленная въ лѣсу, который росъ тогда на семъ пространствѣ, названа была *Невскимъ Проспектомъ* — нынѣ имя главной, великолѣпной улицы Петербургской, застроенной по линіи, проложенной руками Петра Великаго. Въ 1713 году явилась *первая* на-

печатанная въ Петербургѣ книга, собраніе реляцій о побѣдахъ Русскихъ, подъ титуломъ: *Книга Марсова или воинскихъ дѣлъ надъ войсками Свѣйскими.* Буквы для Петербургской типографіи привезены были изъ Москвы.

Руководимые безпрерывнымъ надзоромъ Царя, сподвижники его громили непріятелей на двухъ краяхъ Балтики.

Занимая берега Финляндіи, Апраксинъ готовился къ окончательному уничтоженію Шведскихъ силъ, дотолѣ всюду уступавшихъ ему и оставившихъ прибрежья. Когда успѣхи Рускихъ тревожили Шведское правительство, въ Стокгольмѣ получили доносъ Армфельдта и другихъ офицеровъ. Они обвиняли Либекера, уличая его, если не въ измѣнѣ, то въ постыдной робости. Дѣйствительно, чѣмъ другимъ можно было объяснить, что онъ уступилъ лучшія области и столицу Финляндіи непріятелю почти безъ боя, имѣя возможность защищаться, даже и съ малымъ войскомъ, въ неприступныхъ приморскихъ мѣстахъ? Либекеръ

былъ смѣненъ. Армфельдтъ получилъ начальство и желая оправдать доносъ свой, собралъ войско близъ Тавастгуса. Апраксинъ выступилъ противъ него немедленно и Октября 1-го нашелъ Шведовъ расположенными въ крѣпкой позиціи, между озерами Малласъ-Веси и Пялькяне-Веси; рѣка Пялькяне прикрывала фронтъ ихъ. Апраксинъ отрядилъ князя Голицына, предписывая ему напасть во флангъ непріятелю на плотахъ по озеру. Храброе нападеніе Голицына, не смотря на усилія Армфельдта, разстроило Шведовъ, и при движеніи Апраксина черезъ Пялькяне Шведы отступили въ безпорядкѣ, потерявъ 600 убитыми, 200 плѣнными, 8 пушекъ и 8 знаменъ. Преслѣдуемый побѣдителями, видя, что солдаты его разбѣгаются, и Финны, бывшіе въ войскѣ, расходятся по домамъ, Армфельдтъ не смѣлъ остановиться въ Таммерсфорсѣ и укрылся за Тавастландскими лѣсами въ Остро-Ботніи. Главная квартира его остановилась въ Вазѣ. Только глубокая осень, при затруднитель-

ныхъ переходахъ черезъ лѣса, болоты и горы, спасла Армфельдта отъ совершеннаго пораженія. Рускіе заняли Біернеборгъ и зимою покушались на дальнѣйшій походъ. Жестокіе морозы воспрепятствовали ихъ движенію. Тѣнь власти Шведской осталась еще на восточныхъ берегахъ Ботническаго залива, но уже не на долго.

Праздпуя Пялькянскую побѣду, гдѣ полководцы его показали искусство въ диспозиціи битвы, Царь велѣлъ увѣковѣчить память ея медалью. Надъ бѣгущимъ воиномъ и планомъ сраженія изображены были слова: Sub te cecidere triumphis (*Уступили твоему торжеству*)! Почти въ то же время, когда побѣды Рускихъ оглашали Финскія пустыни, Штетинъ покорился Меншикову. Въ крѣпости находился коммендантомъ Шведскій генералъ Мейерфельдтъ съ 5000-мъ гарнизономъ. Въ концѣ Іюля осаждающіе начали постройку редутовъ, не уважая пальбы и вылазокъ Шведскихъ. Въ концѣ Августа привезена была осад-

ная артиллерія. Сентября 2-го Рускіе овладѣли отдѣльною крѣпостцою (Штернъ-шанцомъ), огранявшею главную крѣпость; 12-го заняли мѣстечко Даммъ, находящееся противъ Штетина; 17-го началось бомбардированіе; 21-го Мейерфельдтъ сдалъ крѣпость Меншикову.

Послѣ покоренія Штетина Меншиковъ съ своимъ корпусомъ предпринялъ обратный походъ черезъ Польшу въ Россію.

Дипломатика гораздо больше занимала тогда Царя, нежели легкія побѣды и завоеванія непріятельскихъ земель.

Какъ будто почитая Карла XII-го уже умершимъ, подданные его думали о будущемъ среди бѣдствій настоящаго, а сосѣди и государи Европейскіе дѣлили области Шведскія. Ошибка противоположныхъ разсчетовъ производила разногласія и раздоры.

Изнуренная тринадцатилѣтнею войною, уже давно забывшая о побѣдахъ, лишенная лучшаго народонаселенія своего, опустошаемая

заразительными болѣзнями, видѣвшая нѣкогда побѣдоносное войско свое усѣявшимъ костями пустыни и лѣса сѣвера, степи Турціи, болота Литвы и поля Германіи, или томившимся въ плѣну, видѣвшая враговъ, не только отнявшими всѣ завоеванія Густава Адольфа и преемниковъ его, но и самую Финляндію — еще болѣе видѣвшая враговъ выступавшихъ уже на берега Швеціи, истощенная налогами, угрожаемая отвсюду непріятелями, предводимыми геніемъ Русскаго Царя, готоваго вторгнуться въ нѣдра Швеціи, когда не было у нея ни защитниковъ, ни средствъ защиты, союзники оставили ее и сдѣлались ея врагами, а Карлъ XII-й безумствовалъ въ плѣну Турецкомъ, Швеція была на краю гибели. Къ довершенію несчастія въ ней явились обыкновенныя послѣдствія государственныхъ бѣдствій — раздоры, междоусобія и ненависть партій. Не думая умирать на развалинахъ отечества, лишенные всѣхъ надеждъ, Шведы вспомнили о правахъ, отнятыхъ само-

властіемъ ея повелителей, и хотѣли ограничить ихъ волю. Прекращая мятежъ и бунтъ, готовые вспыхнуть повсюду, правители государства просили сестру Карла XII-го, *послѣднюю отрасль* рода Вазы, принять правленіе на время отсутствія короля, брата ея. *Тайная* причина сей просьбы, кромѣ взаимной ненависти между правителями, не хотѣвшими уступать первенства другъ другу, была та, что временное правленіе Ульрики Элеоноры открывало ей путь къ наслѣдству престоломъ послѣ смерти брата. Женихъ сей принцессы, ибо она была невѣстою Фридриха, наслѣднаго принца Гессенъ-Кассельскаго, старался усилить ея партію, обѣщая, что при переходѣ престола къ ней, она возстановитъ прежнюю власть аристократовъ и ограничитъ самодержавіе Шведскихъ королей. Сей замыслъ старались разрушить приверженцы законнаго наслѣдника, Принца Голштинскаго, сына старшей сестры Карла XII-го Гедвиги, супругъ которой былъ убитъ въ 1702 году, въ Кли-

шовской битвѣ. Юный принцъ Голштинскій, Карлъ Фридрихъ, родившійся въ Стокгольмѣ въ 1700 году, былъ тогда 13-ти лѣтъ, находился въ Швеціи, и ему предназначали наслѣдство въ случаѣ кончины дяди. Увѣряя, что ее призываетъ на тронъ общее желаніе народа, убѣдили кроткую Ульрику Элеонору согласиться на предложеніе Сената и она приняла временно правленіе. Но что могла сдѣлать слабая, неопытная женщина при бѣдственномъ состояніи Швеціи, страшась притомъ не угодить неукротимому Карлу XII-му своими распоряженіями, среди интригъ и крамолъ Двора и правителей государства? Она обратилась къ брату, умоляя его возвратиться; говорила ему о необходимости, принуждавшей ее для спасенія отечества принять правленіе и созвать сеймъ, объясняя невозможность продолжать войну, и то, что она принуждена будетъ просить мира у непріятелей въ случаѣ упорства Короля оставаться долѣе въ Турціи. Въ манифестѣ своемъ Ульрика Элеонора трога-

тельно изобразила бѣдствія отечества, заклиная всѣхъ Шведовъ соединить силы для его спасенія.

Сіи событія произвели большую перемѣну въ отношеніяхъ всѣхъ непріятелей Швеціи. На политическомъ поприщѣ явился тогда замѣчательный человѣкъ, баронъ *Георгъ Генрихъ Герцъ*. Пылкая голова, умъ предпріимчивый, честолюбіе неограниченное, обширные замыслы, разнообразная ученость, образованность необыкновенная, краснорѣчіе, ловкость, хитрость, скрытность, и съ тѣмъ вмѣстѣ безразсудная мечтательность, таково было соединеніе противоположностей въ характерѣ человѣка, имѣвшаго важное вліяніе на политическія дѣла сѣверныхъ державъ въ послѣдніе годы жизни Карла XII-го. Бѣдный Франконскій дворянинъ, Герцъ вступилъ въ службу Голштиніи, и среди смятеній государственныхъ и интригъ политики сдѣлался важнымъ лицомъ и первымъ министромъ Голштинскимъ. Охраняя самобытность своего властителя, онъ велъ въ

одно время переговоры съ Польшею, Даніею, Пруссіею, Ганноверомъ, Англіею, Франціею, Императоромъ, старался извлечь изъ бездѣйствія Карла XII-го, поддержать партію Голштинскую въ Швеціи и разрушить союзъ Царя съ другими государями. Всюду искалъ онъ средствъ, союзниковъ и пособій. Онъ старался оподозрить честолюбіе Царя, указывая на его самовластіе въ Польшѣ и въ распоряженіяхъ войною 1712 и 1713 годовъ. Увеличивая опасность, какую причинитъ вступленіе въ дѣла Европы государя столь могущественнаго и столь предпріимчиваго, въ то же время Герцъ убѣждалъ Данію на миръ съ Швеціею и подкрѣпленіе правъ Голштинскаго Герцога на Шведскій престолъ, обѣщая за то уступить Даніи Голштинію. Ганноверу обѣщаны были отъ него Бременъ и Верденъ, а Пруссіи Штетинъ за вооруженное посредничество противъ Царя, Польши и Даніи. И между тѣмъ, когда возбуждалъ онъ противъ Царя всѣхъ государей, какъ увидимъ далѣе, Герцъ перегова-

ривалъ и съ Царемъ. Слѣдствіями запутанныхъ интригъ хитраго министра были предложеніе Императора составить конгрессъ въ Брауншвейгѣ для окончанія споровъ, явное охлажденіе союзниковъ къ Царю, и стараніе ихъ тайно сближаться съ Швеціею, удаляясь отъ Россіи.

Политика Царя отчасти оправдывала внушенія Герца. Счастливо окончивъ неудачную войну съ Турціею, завоевавши Остъ-Зейскія области, распространяясь въ Финляндіи, не отдавая Риги королю Августу, поддерживая власть свою въ Польшѣ, управляя Курляндіею, имѣя огромную армію, усиливая флотъ на Балтійскомъ морѣ, умѣвши ввести войско свое въ войну, начатую въ Помераніи и Голштиніи, и укрѣпляя союзы съ Голландіею, Ганноверомъ и Англіею, Царь усильно вдвигался въ сонмъ дѣятелей Европейской политики. Самые враги его должны были сознать его обширный геній и его непобѣдимую волю. Не могли укрыться тайные переговоры его съ Прус-

сіею объ Эльбингѣ, Штетинѣ и Курляндіи, и съ Мекленбургскимъ Герцогомъ о замужествѣ племянницы. Но кромѣ того, имѣя сильное войско въ Помераній и Голштиніи, и личнымъ присутствіемъ рѣшивъ судьбу Штеинбока, Царь самовластительно располагалъ дѣлами и судьбою сихъ областей. Онъ наложилъ огромныя контрибуціи на Гамбургъ, Любекъ и Данцигъ. Не имѣя силъ и средствъ сопротивляться, Гамбургъ заплатилъ ему 200,000 талеровъ, и Данцигъ 300,000 гульденовъ. Царь не допустилъ Датчанъ занять Тоннингенъ и сдалъ его Голштинскимъ войскамъ. Частныя обстоятельства умножали неудовольствія. Меншиковъ, самовластуя въ отсутствіе Царя, оскорблялъ всѣхъ своимъ высокомѣріемъ. Отдаленное опасеніе замысловъ Карла XII-го, безсильнаго и побѣжденнаго, не могли утвердить, и безъ того непрочнаго союза Польши и Даніи съ Россіею, и король Аввустъ и Датскій Король не скрывали своего желанія послѣ уничтоженія Штеинбока удалить Русскія войска

изъ Помераніи, на что не соглашался Царь, ибо онъ боялся утратить тогда свое вліяніе на дѣла союзниковъ. Король Августъ не переставалъ требовать очищенія отъ Русскихъ войскъ Польши и отдачи Риги. Царь безпрестанно обѣщалъ и безпрестанно находилъ новыя отговорки. Договоръ, заключенный Меншиковымъ съ Пруссіею послѣ взятія Штетина, усилилъ неудовольствія Датчанъ: положено, что Штетинъ, Стральзундъ и Висмаръ временно передаются Прусскому Королю, впредь до всеобщаго мира, а Пруссія платитъ за то союзникамъ издержки, употребленныя ими на взятіе сихъ городовъ. Прусскій гарнизонъ занялъ Штетинъ, и Король Прусскій заплатилъ 400,000 эфимковъ, изъ коихъ половина отдана была королю Августу. Только необходимость союза съ Царемъ и невозможность мира съ Швеціею при сложной интригѣ политической еще удерживали Данію.

Царь дѣйствовалъ, какъ политикъ умный и опытный. Стараясь увлечь Пруссію и Ган-

новеръ въ союзъ противъ Швеціи, и отдачею Штетина противопоставивъ разсчеты Пруссіи выгодамъ Шведскаго Короля, онъ не слушалъ безплодныхъ жалобъ короля Августа, оправдывался въ обвиненіяхъ Даніи, ссылался на всегдашнюю дружбу и заслуги свои, стращалъ необходимостью продолжать войну съ Швеціею, укорялъ Датскаго Короля въ сношеніяхъ съ непріятелемъ. Строго выговаривая Меншикову за гордость его обхожденія, онъ не подтвердилъ отдачи Пруссіи Стральзунда и Висмара, увѣряя, что Меншиковъ поступилъ безъ его позволенія. Между тѣмъ къ Меншикову писалъ онъ: «Датчане неблагодарны къ намъ, но они непріятели Шведамъ и ихъ надобно намъ беречь, ибо они для моря намъ нужны, а на *новыхъ друзей* надѣяться нельзя. Божія воля изъ Савла Павла сдѣлать можетъ, но я все еще, какъ невѣрный Ѳома, сомнѣваюсь.» Онъ не согласился вывесть свои войска изъ Помераніи и не хотѣлъ отказаться отъ участія въ тамошнихъ дѣлахъ. Корпусъ

Меншикова обратился въ Россію, но 4000 Русскихъ солдатъ остались подъ Стральзундомъ. Мы увидимъ далѣе предположенія Царя о войнѣ съ Швеціею при пособіи Даніи, а между тѣмъ онъ не отвергъ сношеній съ Герцомъ, хотя и соблюдалъ въ нихъ крайнюю осторожность. Герцъ предложилъ Царю оставить Данію, гарантировать Шведское наслѣдство Голштинскому принцу, выдать за него дочь царскую, за что Герцогъ подтвердитъ требованія Царя объ уступкѣ Россіи Остъ-Зейскихъ областей. Царь отвѣчалъ, что оставить союзника своего онъ не можетъ, ибо тогда потеряютъ довѣренность къ его слову, чего ничемъ вознаградить невозможно, и потому лучше хочетъ онъ видѣть, что союзники противъ него, нежели онъ противъ своихъ союзниковъ слова не сдерживаетъ; что при жизни Шведскаго Короля рано еще разсуждать о наслѣдствѣ послѣ него; что дочь Царя еще малолѣтна и онъ безъ ея согласія къ распоряженію ея рукою, хотя онъ и отецъ ея, при-

ступить не можетъ. Отвѣтъ свой заключилъ Царь тѣмъ, что обо всѣхъ предложенныхъ предметахъ разсужденіе находитъ неумѣстнымъ, не отказываясь впрочемъ стараться о пользахъ Голштинскаго Герцога, дабы ему справедливость была оказана.

Но что дѣлалъ между тѣмъ тотъ, чьи владѣнія дѣлили, о наслѣдствѣ послѣ кого разсуждали другіе государи, тотъ, кто долженъ былъ болѣе всѣхъ чувствовать бѣдствія Швеціи, если уже забылъ онъ о прежней славѣ своей? Какъ будто послѣднія событія и Бендерская битва совершенно уничтожили его тѣлесныя силы и душевныя способности, Карлъ XII-й жилъ въ Демотикѣ, получая бѣдное содержаніе, оставленный всѣми, въ обществѣ немногихъ, оставшихся товарищей своихъ. Онъ не только ни куда не выѣзжалъ изъ своего жилища, но даже иногда въ теченіе нѣсколькихъ дней не оставлялъ грубаго ложа своего, ни чемъ не занимаясь, не говоря съ кѣмъ ни слова. Иногда спалъ онъ по

цѣлымъ днямъ, иногда не спалъ по нѣскольку сутокъ. Ни кто не смѣлъ заводить съ нимъ рѣчи. Иногда Карлъ XII-й вдругъ начиналъ говорить, шутилъ, вспоминалъ о Бендерской шалости своей, и вдругъ умолкалъ, дѣлался угрюмъ, ложился и не вставалъ съ своей постели два, три дня. Боялись, что его умственныя способности были разстроены, но самый краткій разговоръ съ нимъ могъ разувѣрить въ томъ.

Одно оставалось въ немъ неизмѣнно, упрямство его, и оно переходило всѣ предѣлы. Прочитывая письма и донесенія изъ Швеціи, онъ бросалъ ихъ и не говорилъ слова. Когда извѣщали его о намѣреніи Шведовъ вручить временное управленіе Ульрикѣ, «Напиши имъ,» сказалъ онъ секретарю своему Мюллерну, «напиши, что я пришлю для управленія ими мой сапогъ.» Безъ его воли совершилось предположеніе Сената. Читая манифестъ Ульрики, гдѣ она объявляла, что «призывая тщетно до сего времени въ отечество

Короля, Швеція, не ожидая болѣе его повелѣній, должна помышлять о защитѣ и спасеніи.» Карлъ XII-й улыбнулся и молча положилъ, не дочитывая, столь оскорбительное объявленіе. Онъ отвергъ предложеніе Императора составить конгрессъ въ Браунгвейгѣ. «Пускай берутъ все безъ конгрессовъ!» сказалъ онъ. Также отказался онъ отъ тайныхъ переговоровъ съ королемъ Августомъ. Въ концѣ 1712 года Станиславъ явился въ Турцію. Ему позволили видѣться съ Карломъ XII-мъ, но слыша, что Станиславъ хочетъ просить его объ уступкѣ Августу, Карлъ XII-й не хотѣлъ его видѣть. «Скажите Станиславу,» говорилъ онъ, «что если ему угодно отказываться отъ Польскаго престола, я выберу на его мѣсто другаго.»—«Никогда не обнажу меча моего противъ отечества,» велѣлъ сказать Станиславъ, отвѣчая на предложеніе своего друга. «Хорошо. Такъ пусть подождетъ, я обнажу за него,» говорилъ Карлъ XII-й. Станиславъ былъ задержанъ въ Бендерахъ и находился при Ту-

рецкомъ войскѣ въ походѣ 1713 года, но потомъ его содержали почти какъ плѣнника. Карлъ XII-й рѣшился было завесть переговоры съ Пруссіею, но мы видѣли, что Царь уже предупредилъ его. Однажды только Карлъ XII-й не скрылъ своего негодованія, когда получилъ извѣстіе о плѣнѣ Штейнбока. «*Десять тысячь войска* и онъ *сдался въ плѣнъ!*» воскликнулъ Карлъ XII-й. «Если онъ не измѣнникъ, такъ трусъ и дуракъ, и я ошибся въ немъ.» Онъ не согласился на размѣнъ Штейнбока. Несчастный полководецъ Шведскій, и безъ того удрученный скорбью, слыша о гнѣвѣ Короля, не перенесъ своего грустнаго жребія. Онъ умеръ въ Датской тюрьмѣ, составляя объясненіе о причинахъ, заставившихъ его сжечь Альтону, ибо сей свирѣпый поступокъ считали преступленіемъ его, ни чемъ не оправдываемымъ.

Когда душевное и тѣлесное бездѣйствіе показывало совершенный упадокъ дотолѣ неукротимаго духа Карла XII-го, интрига волно-

вала Европейскіе Дворы, и Швеція трепетно ждала рѣшительныхъ ударовъ, сознавая безсиліе свое отвратить ихъ, Царь пользовался каждою минутою и усиливалъ свою дѣятельность. Ознаменовавши побѣдами и завоеваніями 1713-й годъ, готовился онъ, какъ мы сказали, къ болѣе обширнымъ предпріятіямъ въ 1714 г. Онъ отправилъ къ Датскому Королю Ягушинскаго, предоставляя ему начать переговоры о планѣ войны на слѣдующій годъ. «Мы можемъ достигнуть мира только упорнымъ продолженіемъ войны,» говорилъ Царь, «и должны пользоваться отсутствіемъ Шведскаго Короля и страхомъ Шведовъ, какой нанесли имъ успѣхи наши въ Финляндіи и Помераніи. Стральзундъ и Висмаръ неважны, ибо рано или поздно они покорятся, но весьма важно намъ учинить теперь высадку въ Швецію. Разглася, что идемъ къ Стокгольму, и застави Шведовъ думать о защитѣ столицы, можно собрать Датскій и Русскій флоты у Ревеля, посадить на нихъ 15000 Русскаго войска

и плыть къ Карлскронѣ, гдѣ стараться истребить послѣднюю защиту Швеціи, флотъ Шведскій. Датчане черезъ Зундъ, а Руские съ кораблей вступятъ въ Швецію, и по истребленіи флота непріятельскаго пойдутъ къ Стокгольму, куда двинутся Руские въ одно время изъ Финляндіи.» Царь готовъ былъ принять начальство надъ экспедиціею, требуя только, чтобы Данія взяла на себя продовольствіе войскъ. Но планъ Царя казался слишкомъ отважнымъ, когда Датскій Король не скрывалъ своего явнаго неудовольствія о союзѣ Россіи съ Пруссіею, требовалъ себѣ Стральзунда, надѣясь мира безъ дальнѣйшихъ пожертвованій, и когда притомъ Царь ничего не говорилъ ему о Голштиніи. Король Датскій подозрѣвалъ въ семъ отношеніи тайные замыслы Царя. Оставалось предоставить дѣйствія 1714 года случайностямъ обстоятельствъ. Царь видѣлъ, что онъ можетъ надѣяться только на собственныя свои силы, но ихъ было довольно. Два слѣдовавшіе за тѣмъ нерѣшитель-

ные года привели Царя къ дѣламъ болѣе прежняго важнымъ, обнимавшимъ всю политику Европы и показавшимъ вполнѣ всеобъемлющій геній повелителя Россіи.

РАЗСКАЗЪ ВОСМНАДЦАТЫЙ

ЗАВОЕВАНІЕ ФИНЛЯНДІИ. ВОЗВРАЩЕНІЕ КАРЛА XII-ГО. ПОСЛѢДНЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ЦАРЯ ЗА ГРАНИЦУ.

1714 — 1715 г.

«Товарищи! Кто изъ васъ, за двадцать лѣтъ, могъ бы сказать, что мы будемъ побѣждать непріятеля на Балтійскомъ морѣ, кораблями, которые мы сами построили? Молитесь и трудитесь! Предчувствую, что Рускіе превзойдутъ нѣкогда другіе народы величіемъ подвиговъ и славою!»

Слова Петра Великаго.

Война въ Финляндіи и стараніе охранить свои тамошнія завоеванія отъ покушеній Шведскаго флота составляли предметъ особенной заботливости Царя въ 1714 году.

Послѣ возвращенія Русскихъ войскъ изъ зимняго похода, князь М. М. Голицынъ, начальствовавшій корпусомъ, стоявшимъ въ Біернеборгѣ, ждалъ только смягченія холодовъ, дабы начать снова нападеніе на остальныя Шведскія войска, собравшіяся около Вазы. Зимняя кампанія представляла болѣе удобности, нежели походъ лѣтомъ, по непроходимымъ дорогамъ, лѣсамъ и болотамъ. Въ началѣ Февраля Рускіе пошли на сѣверъ по при-

морской дорогѣ. Шведы стояли на берегахъ рѣки Киро, близъ деревни Наппо. Вопреки мнѣнію другихъ, предлагавшихъ затруднить проходъ непріятеля, защищая дефилеи, Армфельдтъ опять ожидалъ Рускихъ въ крѣпкой, но открытой позиціи. У него было до 5000 войска, при 2,500-хъ Финскаго ополченія. Не смотря на изнуреніе походомъ, глубокіе снѣга и стужу, Голицынъ, имѣя не болѣе 8000 человѣкъ, двинулся въ битву немедленно. Не нападая прямо на Шведскую позицію, онъ перешелъ рѣку Киро выше Наппо и тѣмъ разстроилъ предположенія Шведскаго начальника. Схваченный во флангъ, Армфельдтъ смѣшался въ движеніяхъ, былъ аттакованъ въ тылъ Русскою конницею, и не смотря на упорное сопротивленіе, разбитъ совершенно, Шведовъ преслѣдовали до Якобштата и заняли Вазу. Армфельдтъ едва успѣлъ собрать бѣдные остатки войскъ своихъ въ Гамла-Карлеби. Болѣе 5000 убитыхъ, 500 раненыхъ Шведовъ, 8 пушекъ и 20 знаменъ, доставшихся по-

бѣдителямъ, были печальною расплатою за безразсудную самонадѣянность Армфельдта, и безпорядокъ и неподчиненность его войска, изъ коего многіе отряды бѣжали съ поля сраженія безъ битвы и погибли преслѣдуемые Рускими. Благодаря Голицына за его подвигъ, Царь писалъ: «Нельзя ли отбоярить Шведовъ еще далѣе?» Положивъ лѣтомъ продолжать походъ до крайнихъ сѣверныхъ предѣловъ Финляндскихъ, и увѣренный, что Шведы лишены всякой возможности противиться, Голицынъ отвелъ войско свое къ Ништату и Тавастгусу. Армфельтъ подвинулся въ Ню-Каркарлеби и Брагештатъ.

Между тѣмъ въ Стокгольмѣ было величайшее смятеніе. По принятіи правленія Ульрикою Элеонорою ее окружили всѣ враждебныя партіи, и на сеймѣ, гдѣ взаимная зависть правителей и духъ возмущенія оказались явно, когда притомъ Карлъ XII-й приводилъ всѣхъ въ отчаяніе своимъ недоступнымъ молчаніемъ, ничего небыло рѣшено. Все войско Шведское,

— наборъ неопытныхъ рекрутовъ, худо одѣтыхъ, худо вооруженныхъ и голодныхъ, ибо у Шведскаго правительства не было ни денегъ, ни запасовъ, состояло едва изъ 20,000, и въ немъ заключалась вся защита Швеціи. Половину войска расположили лагеремъ около Стокгольма, другую половину перевели въ Сканію, опасаясь высадки союзниковъ. Сеймъ требовалъ отъ правительницы предложенія мира непріятелямъ. Она не смѣла рѣшиться, зная, что Карлъ XII-й не утвердитъ такого рѣшенія. Хотѣли, чтобы она объявила новый рекрутскій наборъ и наложила на государство новыя подати для вооруженія охранительныхъ войскъ, но большинство сейма не утвердило предложенія. Кончилось тѣмъ, что Ульрика Элеонора отказалась отъ правленія и власть снова перешла сенату. Ссоры правителей усилились, и только въ одномъ успѣли рѣшиться — отправить флотъ на защиту Финляндіи. Почтенный старецъ, графъ Ливенъ посланъ былъ съ полномочіемъ въ

Турцію къ Карлу XII-му. Сенатъ ничего не говорилъ, не совѣтовалъ Королю, и только умолялъ его возвратиться.

Царь оставилъ Петербургъ съ первымъ вскрытіемъ моря, такъ, что даже пилами распилили ледъ, заграждавшій выходъ кораблей изъ Кронштадта. Онъ осмотрѣлъ начатое устройство гавани Ревельской, Февраля 3-го выѣхалъ отсюда въ Ригу, и 15-го возвратился въ Петербургъ. Здѣсь показаны были народу взятые въ Тоннингенѣ и привезенные въ Петербургъ трофеи. Царь приказалъ между тѣмъ осматривать Финляндскія шхеры для свободнаго дѣйствія флотомъ, и въ половинѣ Мая получилъ извѣстіе о появленіи въ морѣ Шведскаго флота. Не зная, куда онъ направится, Царь велѣлъ Апраксину идти съ галерами около Финляндскихъ береговъ, а самъ выступилъ съ корабельнымъ флотомъ къ Ревелю. Нетерпѣливо хотѣлось ему попытать силъ въ морскомъ бою съ Шведскимъ флотомъ. Въ половинѣ Іюня пришло извѣстіе,

ибо Шведы могли запереть въ Твереминдской гавани Русскія галеры, и воспользовался наступившимъ безвѣтріемъ. По его приказу, подъ его личнымъ повелѣніемъ, галеры устремились изъ гавани на греблѣ. Шведы открыли сильную пальбу, но съ поврежденіемъ только одной галеры, Рускіе успѣли выбраться. Мелли спѣшилъ уйдти къ главному флоту, пользуясь подувшимъ небольшимъ вѣтромъ, и спасся, но Эреншильдъ былъ отрѣзанъ отъ флота и 27 Іюля Царь повелъ на него лодки и галеры. Началась битва. Не видя спасенія, Шведы дрались отчаянно. Царь не щадилъ себя, сцѣпился на абордажъ съ Шведскимъ фрегатомъ и изъ первыхъ взошелъ на бордъ его. Эреншильдъ думалъ спастись въ лодкѣ, но былъ захваченъ въ плѣнъ, и весь отрядъ его, состоявшій изъ фрегата: *Слонъ* (Элефантъ), 6-ти галеръ и 3-хъ ботовъ, былъ взятъ Рускими. Кромѣ Эреншильда полонены были капитанъ-командоръ, 3 капитана, 3 лейтенанта и болѣе 1000 солдатъ и матросовъ;

убито было Шведскихъ офицеровъ 9 и солдатъ и матросовъ до 350. Побѣдители потеряли убитыми 8 офицеровъ и 150 солдатъ и матросовъ; ранено было 17 офицеровъ и 300 нижнихъ чиновъ.

Давно уже ничто такъ не радовало Царя, какъ порадовала его славная *битва Гангудская*. Она была *первое морское дѣло* Русскихъ и въ виду Шведскаго адмирала и флота увѣнчалась побѣдою. Ваттрангъ не только не могъ подать помощи Эреншильду, но избѣгая его участи, бѣжалъ при первомъ вѣтрѣ. Русскія суда преслѣдовали его и заняли Аландскіе острова, пока Царь праздновалъ побѣду молебствіемъ на флотѣ и писалъ о подвигѣ своемъ посламъ и сенаторамъ. «Славнѣе всего,» говорилъ онъ, «что хотя въ сію войну много было взято нами генераловъ, но *флагмана* ни одного, и тако сею *николи у насъ небывалою викторіею* васъ поздравляю.» Нетерпѣливо хотѣлось великому побѣдителю показать свои трофеи Петербургу. Видя Швед-

скій флотъ удалившимся, и предполагая, что въ навигацію 1714 года Шведы не посмѣютъ уже болѣе явиться, Царь распорядился очищеніемъ Финляндіи отъ остальныхъ Шведскихъ войскъ, назначая кромѣ того произвесть опытъ высадки въ Швецію. Препоручивъ исполнить всѣ свои распоряженія Апраксину, Царь отправился съ частью флота въ Петербургъ. За нимъ вели плѣнныя непріятельскія суда. У Березовыхъ острововъ, ночью, Русскій флотъ захватила страшная буря. Здѣсь Царь имѣлъ случай показать свое непобѣдимое ни чемъ безстрашіе. Во мракѣ ночи моряки не могли распознать, гдѣ они находятся, и боялись, что близость земли можетъ погубить суда. Царь, обозрѣвавшій все Финляндское прибрежье, рѣшился самъ ѣхать къ берегу и зажечь на немъ огни. Съ ужасомъ услышали его волю и со слезами умоляли его не подвергать гибели свою драгоцѣнную жизнь. Царь ничего не слушалъ. Съ нѣсколькими удальцами, онъ пролетѣлъ въ шлюпкѣ среди

бѣшеныхъ валовъ кипящаго моря, достигъ берега и зажегъ на немъ огни.

Сентября 4-го Русскій флотъ былъ уже въ Кроншлотѣ, и едва настала ясная погода, Царь торжественно повелъ Шведскія суда по Невѣ при громѣ пушекъ. На Троицкой пристани воздвигнуты были торжественныя врата, на коихъ видна была огромная картина, изображающая *орла*, налетѣвшаго на *слона*, съ надписью: *Орелъ не мухъ ловитъ*! Съ пристани Царь, полки гвардіи, Шведскій вице-адмиралъ и плѣнные Шведы шли въ Сенатъ; за ними несли знамена и флаги Шведскіе, везли Шведскія пушки. Князь-Кесарь принялъ рапортъ великаго шаутбенахта и поздравилъ его *вице-адмираломъ*. За нѣсколько времени прежде, при открывшейся ваканціи, Царь просилъ себѣ вице-адмиральскаго чина, но Морская Коллегія сообразила его службу и нашла другихъ старше его, почему въ просьбѣ было ему отказано. Царь былъ чрезвычайно доволенъ рѣшеніемъ. «Они разсмотрѣли

справедливо, и еслибы изъ угодливости мнѣ поступили иначе, я заставилъ бы ихъ раскаяться въ пристрастіи,» говорилъ Царь. Князь Меншиковъ заключилъ торжество великолѣпнымъ пиромъ. Эреншильдъ сидѣлъ подлѣ Царя. «Какъ вѣрный обязанности и храбрый офицеръ,» говорилъ Царь окружавшимъ его, «онъ заслуживаетъ наше полное уваженіе.» — «Я исполнялъ долгъ мой, не щадилъ себя, и утѣшаюсь въ несчастіи моемъ тѣмъ, что побѣжденъ столь великимъ противникомъ,» отвѣчалъ плѣнникъ. Генералъ Вейде, храбро сражавшійся при Гангудѣ, награжденъ былъ орденомъ Андреевскимъ, и всѣмъ участникамъ, кромѣ наградъ, разданы были особенныя медали.

Увѣковѣчивая славное для Русскаго флота событіе, Царь установилъ навсегда праздновать *день Гангудской битвы*, 27-го Іюля. Въ честь празднуемаго въ сей день Церковью священномученика Пантелеймона, онъ заложилъ церковь на берегу Фонтанки и корабль: *се.*

Пантелеймонъ. Одна медаль на Гангудское торжество, изображая морскую битву, была украшена надписью: *Прилежаніе и вѣрность превосходятъ силу.* На другой медали изображена была Побѣда, съ лаврами и трезубцомъ. Въ надписи сказано было: *Начатки Русскаго флота — морская битва близъ Аландовъ, 27-го Іюля 1714 года.*

Апраксинъ и Голицынъ довершили начатое Царемъ. Черезъ два дня послѣ Гангудской побѣды сдалась Шведская крѣпость Нейшлоссъ, послѣ небольшой канонады, осажденная полковникомъ Шуваловымъ. Гарнизону позволили выйдти; пушекъ взято 5 мѣдныхъ и 8 чугунныхъ. Оставалось оттѣснить Армфельдта и занимать беззащитныя селенія и города. Апраксинъ съ галерами прошелъ шхеры Аландскія и приблизился къ берегамъ Вестро-Ботніи, когда Брюсъ шелъ Финляндскимъ берегомъ. Армфельдтъ отступалъ безъ боя; войска его разбѣгались; Финны бросали оружіе. Армфельдтъ укрылся въ Торнео и вся Фин-

ляндія была очищена отъ Шведовъ. Русскіе гарнизоны мирно заняли города и крѣпости. Генералъ-маіоръ Головинъ былъ отправленъ на поискъ въ самую Швецію. Не смотря на бурное время, съ 9-ю галерами переплылъ онъ Кваркенскій проливъ въ Ботническомъ заливѣ, присталъ въ Умео и высадилъ на берегъ отрядъ войска. При появленіи его прибрежные жители и Шведскіе гарнизоны укрылись въ лѣса. Головинъ зажегъ Умео и обратился въ Финляндію. На пути, во время свирѣпой бури, пять Русскихъ галеръ разбилось у Финляндскихъ береговъ, но Царь не жалѣлъ о потерѣ, услышавъ, что въ концѣ 1714 года въ *первый разъ* раздалось Русское *Ура*! и прогремѣлъ *первый выстрѣлъ Русской пушки* въ лѣсахъ и скалахъ Швеціи. Заключимъ извѣстія о покореніи Финляндіи тѣмъ, что зимою 1715 года Рускіе заняли крѣпостцу *Каяну*, или *Каянеборгъ*, въ сѣверо-восточной Финляндіи, куда лѣтомъ почти невозможно было пробраться черезъ болота, по бревенча-

— наборъ неопытныхъ рекрутовъ, худо одѣтыхъ, худо вооруженныхъ и голодныхъ, ибо у Шведскаго правительства не было ни денегъ, ни запасовъ, состояло едва изъ 20,000, и въ немъ заключалась вся защита Швеціи. Половину войска расположили лагеремъ около Стокгольма, другую половину перевели въ Сканію, опасаясь высадки союзниковъ. Сеймъ требовалъ отъ правительницы предложенія мира непріятелямъ. Она не смѣла рѣшиться, зная, что Карлъ XII-й не утвердитъ такого рѣшенія. Хотѣли, чтобы она объявила новый рекрутскій наборъ и наложила на государство новыя подати для вооруженія охранительныхъ войскъ, но большинство сейма не утвердило предложенія. Кончилось тѣмъ, что Ульрика Элеонора отказалась отъ правленія и власть снова перешла сенату. Ссоры правителей усилились, и только въ одномъ успѣли рѣшиться — отправить флотъ на защиту Финляндіи. Почтенный старецъ, графъ Ливенъ посланъ былъ съ полномочіемъ въ

Турцію къ Карлу XII-му. Сенатъ ничего не говорилъ, не совѣтовалъ Королю, и только умолялъ его возвратиться.

Царь оставилъ Петербургъ съ первымъ вскрытіемъ моря, такъ, что даже пилами распилили ледъ, заграждавшій выходъ кораблей изъ Кронштадта. Онъ осмотрѣлъ начатое устройство гавани Ревельской, Февраля 3-го выѣхалъ отсюда въ Ригу, и 15-го возвратился въ Петербургъ. Здѣсь показаны были народу взятые въ Тоннингенѣ и привезенные въ Петербургъ трофеи. Царь приказалъ между тѣмъ осматривать Финляндскія шхеры для свободнаго дѣйствія флотомъ, и въ половинѣ Мая получилъ извѣстіе о появленіи въ морѣ Шведскаго флота. Не зная, куда онъ направится, Царь велѣлъ Апраксину идти съ галерами около Финляндскихъ береговъ, а самъ выступилъ съ корабельнымъ флотомъ къ Ревелю. Нетерпѣливо хотѣлось ему попытать силъ въ морскомъ бою съ Шведскимъ флотомъ. Въ половинѣ Іюня пришло извѣстіе,

что Шведы, съ 13-ю линейными кораблями, 4 фрегатами, 2 гальотами и 6-ю галерами, стали у мыса Гангеудда, или *Гангуда*, оканчивающаго южный Финляндскій берегъ къ западу. Отсюда начинается протяженіе безчисленнаго множества мѣлкихъ острововъ до архипелага Аландскаго, находящагося по срединѣ Ботническаго залива. Царь немедленно отправился въ Финляндію. Іюля 20-го достигъ онъ мыса Тверепинда, гдѣ въ заливѣ стоялъ Русскій галерный флотъ. Здѣсь рѣшился онъ перетащить нѣсколько галеръ черезъ перешеекъ, на разстояніи двухъ верстъ, и напасть на Шведовъ съ кораблями, когда галеры аттакуютъ ихъ съ тыла. Работы для перевозки судовъ черезъ перешеекъ начались, но Шведы не допустили исполнить столь отважное предпріятіе. Главнокомандующій Шведскій адмиралъ Ваттрангъ отрядилъ контръ-адмирала Эреншильда ко входу Тверепиндской гавани, а вице-адмирала Мелли послалъ въ подкрѣпленіе ему. Царь увидѣлъ опасность,

ибо Шведы могли запереть въ Твереминдской гавани Русскія галеры, и воспользовался наступившимъ безвѣтріемъ. По его приказу, подъ его личнымъ повелѣніемъ, галеры устремились изъ гавани на греблѣ. Шведы открыли сильную пальбу, но съ поврежденіемъ только одной галеры, Рускіе успѣли выбраться. Мелли спѣшилъ уйдти къ главному флоту, пользуясь подувшимъ небольшимъ вѣтромъ, и спасся, но Эреншильдъ былъ отрѣзанъ отъ флота и 27 Іюля Царь повелъ на него лодки и галеры. Началась битва. Не видя спасенія, Шведы дрались отчаянно. Царь не щадилъ себя, сцѣпился на абордажъ съ Шведскимъ фрегатомъ и изъ первыхъ взошелъ на бордъ его. Эреншильдъ думалъ спастись въ лодкѣ, но былъ захваченъ въ плѣнъ, и весь отрядъ его, состоявшій изъ фрегата: *Слонъ* (Элефантъ), 6-ти галеръ и 3-хъ ботовъ, былъ взятъ Рускими. Кромѣ Эреншильда полонены были капитанъ-командоръ, 3 капитана, 3 лейтенанта и болѣе 1000 солдатъ и матросовъ;

убито было Шведскихъ офицеровъ 9 и солдатъ и матросовъ до 350. Побѣдители потеряли убитыми 8 офицеровъ и 150 солдатъ и матросовъ; ранено было 17 офицеровъ и 300 нижнихъ чиновъ.

Давно уже ничто такъ не радовало Царя, какъ порадовала его славная *битва Гангудская*. Она была *первое морское дѣло* Руcкихъ и въ виду Шведскаго адмирала и флота увѣнчалась побѣдою. Ваттрангъ не только не могъ подать помощи Эреншильду, но избѣгая его участи, бѣжалъ при первомъ вѣтрѣ. Русскія суда преслѣдовали его и заняли Аландскіе острова, пока Царь праздновалъ побѣду молебствіемъ на флотѣ и писалъ о подвигѣ своемъ посламъ и сенаторамъ. «Славнѣе всего,» говорилъ онъ, «что хотя въ сію войну много было взято нами генераловъ, но *флагмана* ни одного, и тако сею *николи у насъ небывалою викторіею* васъ поздравляю.» Нетерпѣливо хотѣлось великому побѣдителю показать свои трофеи Петербургу. Видя Швед-

скій флотъ удалившимся, и предполагая, что въ навигацію 1714 года Шведы не посмѣютъ уже болѣе явиться, Царь распорядился очищеніемъ Финляндіи отъ остальныхъ Шведскихъ войскъ, назначая кромѣ того произвесть опытъ высадки въ Швецію. Препоручивъ исполнить всѣ свои распоряженія Апраксину, Царь отправился съ частью флота въ Петербургъ. За нимъ вели плѣнныя непріятельскія суда. У Березовыхъ острововъ, ночью, Рускій флотъ захватила страшная буря. Здѣсь Царь имѣлъ случай показать свое непобѣдимое ни чемъ безстрашіе. Во мракѣ ночи моряки не могли распознать, гдѣ они находятся, и боялись, что близость земли можетъ погубить суда. Царь, обозрѣвавшій все Финляндское прибрежье, рѣшился самъ ѣхать къ берегу и зажечь на немъ огни. Съ ужасомъ услышали его волю и со слезами умоляли его не подвергать гибели свою драгоцѣнную жизнь. Царь ничего не слушалъ. Съ нѣсколькими удальцами, онъ пролетѣлъ въ шлюпкѣ среди

бѣшеныхъ валовъ кипящаго моря, достигъ берега и зажегъ на немъ огни.

Сентября 4-го Русскій флотъ былъ уже въ Кроншлотѣ, и едва настала ясная погода, Царь торжественно повелъ Шведскія суда по Невѣ при громѣ пушекъ. На Троицкой пристани воздвигнуты были торжественныя врата, на коихъ видна была огромная картина, изображающая *орла*, налетѣвшаго на *слона*, съ надписью: *Орелъ не мухъ ловитъ*! Съ пристани Царь, полки гвардіи, Шведскій вице-адмиралъ и плѣнные Шведы шли въ Сенатъ; за ними несли знамена и флаги Шведскіе, везли Шведскія пушки. Князь-Кесарь принялъ рапортъ великаго шаутбенахта и поздравилъ его *вице-адмираломъ*. За нѣсколько времени прежде, при открывшейся ваканціи, Царь просилъ себѣ вице-адмиральскаго чина, но Морская Коллегія сообразила его службу и нашла другихъ старше его, почему въ просьбѣ было ему отказано. Царь былъ чрезвычайно доволенъ рѣшеніемъ. «Они разсмотрѣли

справедливо, и еслибы изъ угодливости мы поступили иначе, я заставилъ бы ихъ раскаяться въ пристрастіи,» говорилъ Царь. Князь Меншиковъ заключилъ торжество великолѣпнымъ пиромъ. Эреншильдъ сидѣлъ подлѣ Царя. «Какъ вѣрный обязанности и храбрый офицеръ,» говорилъ Царь окружавшимъ его, «онъ заслуживаетъ наше полное уваженіе.» — «Я исполнялъ долгъ мой, не щадилъ себя, и утѣшаюсь въ несчастіи моемъ тѣмъ, что побѣжденъ столь великимъ противникомъ,» отвѣчалъ плѣнникъ. Генералъ Вейде, храбро сражавшійся при Гангудѣ, награжденъ былъ орденомъ Андреевскимъ, и всѣмъ участникамъ, кромѣ наградъ, разданы были особенныя медали.

Увѣковѣчивая славное для Русскаго флота событіе, Царь установилъ навсегда праздновать *день Гангудской битвы*, 27-го Іюля. Въ честь празднуемаго въ сей день Церковью священномученика Пантелеймона, онъ заложилъ церковь на берегу Фонтанки и корабль: *св.*

Пантелеймонъ. Одна медаль на Гангудское торжество, изображая морскую битву, была украшена надписью: *Прилежаніе и вѣрность превосходятъ силу.* На другой медали изображена была Побѣда, съ лаврами и трезубцомъ. Въ надписи сказано было: *Начатки Русскаго флота — морская битва близъ Аландовъ, 27-го Іюля 1714 года.*

Апраксинъ и Голицынъ довершили начатое Царемъ. Черезъ два дня послѣ Гангудской побѣды сдалась Шведская крѣпость Нейшлоссъ, послѣ небольшой канонады, осажденная полковникомъ Шуваловымъ. Гарнизону позволили выйдти; пушекъ взято 5 мѣдныхъ и 8 чугунныхъ. Оставалось оттѣснить Армфельдта и занимать беззащитныя селенія и города. Апраксинъ съ галерами прошелъ шхеры Аландскія и приблизился къ берегамъ Вестро-Ботніи, когда Брюсъ шелъ Финляндскимъ берегомъ. Армфельдтъ отступалъ безъ боя; войска его разбѣгались; Финны бросали оружіе. Армфельдтъ укрылся въ Торнео и вся Фин-

ляндія была очищена отъ Шведовъ. Русскіе гарнизоны мирно заняли города и крѣпости. Генералъ-маіоръ Головинъ былъ отправленъ на поискъ въ самую Швецію. Не смотря на бурное время, съ 9-ю галерами переплылъ онъ Кваркенскій проливъ въ Ботническомъ заливѣ, присталъ въ Умео и высадилъ на берегъ отрядъ войска. При появленіи его прибрежные жители и Шведскіе гарнизоны укрылись въ лѣса. Головинъ зажегъ Умео и обратился въ Финляндію. На пути, во время свирѣпой бури, пять Русскихъ галеръ разбилось у Финляндскихъ береговъ, но Царь не жалѣлъ о потерѣ, услышавъ, что въ концѣ 1714 года въ *первый разъ* раздалось Русское *Ура*! и прогремѣлъ *первый выстрѣлъ Русской пушки* въ лѣсахъ и скалахъ Швеціи. Заключимъ извѣстія о покореніи Финляндіи тѣмъ, что зимою 1715 года Руские заняли крѣпостцу *Каяну*, или *Каянеборгъ*, въ сѣверо-восточной Финляндіи, куда лѣтомъ почти невозможно было пробраться черезъ болота, по бревенча-

тымъ, разрушеннымъ Шведами гатямъ. Здѣсь найдено 20 пушекъ. Съ покореніемъ Каяны занята была окончательно вся Финляндія. Прибрежье отъ Торнео до Брагештата велѣно было опустошить, дабы отнять возможность нападенія Шведовъ на Финляндію сухимъ путемъ. Армфельдтъ перешелъ въ Вестро-Ботнію. Русскій галерный флотъ охранялъ Финляндскія прибрежья. Жители повиновались Русскимъ правителямъ, радуясь, что спасены отъ ужасовъ войны гибельной и безполезной. Зимою 1714 года войско Русское выступило изъ Финляндіи, оставя въ ней только гарнизоны. Апраксинъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь разсуждали уже о новыхъ предпріятіяхъ, особливо послѣ важнаго событія, совершившагося въ концѣ 1714 года.

Сіе событіе было возвращеніе Карла XII-го, вовсе неожиданное и встревожившее союзниковъ Царя.

Долго продолжалось нравственное и физическое безчувствіе Короля Шведскаго. Осенью

1714 года явился къ нему въ Демотику графъ Ливенъ. Онъ засталъ Карла XII-го лежащимъ на кровати, мрачнымъ и задумчивымъ. Долго и внимательно слушалъ Карлъ XII-й объясненія краснорѣчиваго посланника, всталъ и большими шагами началъ ходить по комнатѣ. Казалось, мысль объ отчизнѣ, обо всемъ прошедшемъ, вдругъ взволновала душу его. Онъ остановился, сложилъ руки на груди и сказалъ Ливену: «Хорошо! Я ѣду. Умремъ вмѣстѣ!» — «Государь!» воскликнулъ Ливенъ — «съ тобою мы еще побѣдимъ всѣхъ!» Мгновенно ожилъ Карлъ XII-й и неожиданно отправилъ къ Султану извѣстіе о своемъ немедленномъ отъѣздѣ. Сіе извѣстіе равно обрадовало Шведовъ и Турковъ. Султанъ прислалъ въ подарокъ Королю дорогихъ лошадей Арабскихъ, и отряду яньчаръ и спаговъ велѣно было провожать его. Путь Короля Шведскаго назначенъ былъ черезъ императорскія земли въ Померанію. Императоръ велѣлъ принимать повсюду знаменитаго путешественника

съ подобающею его высокому сану честью. Карлъ XII-й отослалъ подарки Султану, не взялъ ничего и отправился верхомъ впереди Турецкаго отряда. Вмѣсто медленнаго путешествія, Король ѣхалъ почти безъ отдыха. Измученные провожатые обрадовались, когда по прибытіи на Турецкую границу услышали, что имъ велѣно возвратиться и Король поѣдетъ далѣе безъ провожатыхъ. Шведамъ, бывшимъ при Шведскомъ Королѣ, раздали всѣ находившіяся у него деньги, предоставляя каждому свободу возвращаться въ отечество, какъ кто умѣетъ и можетъ. Король переодѣлся, надѣлъ на голову огромный парикъ, вмѣсто мундира черный кафтанъ, прикрылся сверхъ него синимъ плащемъ, и подъ широкополою шляпою сверхъ парика никто не могъ узнать въ переодѣтомъ путникѣ *Короля Шведскаго*. Онъ взялъ съ собой только двухъ полковниковъ, Розена и Дюринга. Трое дорожныхъ товарищей назвались: Король капитаномъ *Фришемъ*, Розенъ поручикомъ *Паль-*

момъ, Дюрингъ прапорщикомъ *Іогансономъ*. Въ простой крестьянской тѣлегѣ проѣхали они Венгрію. Въ Вѣнѣ Карлъ XII-й купилъ лошадей и поѣхалъ верхомъ. Во многихъ мѣстахъ останавливали его и товарищей по подозрѣнію, но Король Шведскій такъ хорошо игралъ принятую имъ на себя ролю, что задержать его нигдѣ не смѣли. Поѣздка продолжалась шестнадцать дней, безъ отдыха. Измученные товарищи Короля едва держались на лошадяхъ. Давая время имъ уснуть, Карлъ XII-й иногда нанималъ тѣлегу, но самъ онъ, казалось, не чувствовалъ утомленія. Вмѣсто прямаго пути, онъ ѣхалъ изъ Вѣны черезъ Баварію, Вестфалію и Мекленбургъ, и 21-го Ноября, ночью, явился у воротъ Стральзунда, съ опасностью быть задержаннымъ, когда пробирался черезъ непріятельскую блокаду. Король требовалъ немедленнаго свиданія съ коммендантомъ, объявляя, что онъ курьеръ и привезъ важныя депеши отъ Короля изъ Турціи. Его повели къ генералу Дуккеру,

коммендашту Стральзундскому. Карлъ XII-й вошелъ прямо въ его спальню. Дуккеръ, еще не опомнившись со сна, глядѣлъ на пріѣзжаго въ недоумѣніи. «Что это, Дуккеръ?» воскликнулъ Король — «не ужели годы до того меня измѣнили, что уже и мои старые товарищи не узнаютъ меня?» — Ваше Величество! закричалъ Дуккеръ ,упалъ на колѣни, плакалъ и не могъ сказать ничего болѣе. Мгновенно разнесся слухъ по городу о прибытіи Короля. Солдаты и народъ прибѣжали толпами и хотѣли видѣть его. Карлъ XII-й едва держался на ногахъ отъ усталости. Шестнадцать дней онъ не разувался, и ноги его такъ отекли, что сапоговъ не могли снять и принуждены были разрѣзать ихъ. Нѣсколько часовъ Карлъ XII-й спалъ мертвымъ сномъ, но едва проснулся онъ, какъ явился на разводѣ войскъ. Минута появленія его была прекрасна — восторгъ воиновъ его былъ невыразимъ. Для чего такъ мало дорожилъ онъ любовью своего добраго, вѣрнаго народа!

Союзники Царя провели 1714-й годъ въ бездѣйствіи. Данія спорила съ Пруссіею о Штетинѣ и съ Голштинскимъ Герцогомъ о родовыхъ земляхъ. Король Августъ находился въ Польшѣ, гдѣ все возставало противъ него на сеймахъ. И Пруссія, и Данія и Августъ равно искали и надѣялись мира съ Швеціею, почти явно изъявляя свое недовѣріе и непріязнь Царю. Пріѣздъ Карла XII-го измѣнилъ расположеніе дѣла, особливо, когда увидѣли, что онъ возвратился *прежнимъ* Карломъ XII-мъ.

Надлежало рѣшить вопросъ: *воевать* или *мириться*? Предпочитая погибель миру безславному, Карлъ XII-й рѣшилъ вопросъ положительно, ибо каждый миръ *не предписанный имъ врагу*, казался ему безславнымъ, но тѣмъ болѣе, если онъ не могъ купить мира безъ великихъ пожертвованій. Король зналъ, что побѣдитель-Царь и союзники его оставятъ Швеціи развѣ только Финляндію, и то съ уступкою Выборга, но потребуютъ всѣхъ Остъ-Зейскихъ и Германскихъ областей. Онъ хо-

тѣлъ воевать. Не было средствъ. Карлъ XII-й могъ въ томъ убѣдиться очевидностью, да что ему было до того! Онъ могъ бы начать войну дипломатическую, но она никогда не была его удѣломъ, ибо онъ умѣлъ только сражаться мечемъ. Казалось, что кромѣ непреклоннаго рѣшенія на войну, еще одна мысль была рѣшена Карломъ XII-мъ: онъ *искалъ смерти* и хотѣлъ погибнуть на развалинахъ отечества.

Онъ не думалъ явиться въ Швецію, пока могъ еще сражаться въ крѣпкихъ стѣнахъ Стральзунда и въ укрѣпленіяхъ Висмара, и прислалъ только въ Швецію приказъ набирать рекрутовъ и собирать деньги на содержаніе войскъ. Охотно утвердилъ онъ свадебный договоръ сестры своей съ принцомъ Гессенъ-Кассельскимъ. Свадьба Ульрики Элеоноры совершилась Апрѣля 4-го 1715 года, въ Стокгольмѣ. Бабушка Карла XII-го, у которой за 15-ть лѣтъ прежде отнялъ онъ правленіе Швеціею, благословила осиротѣвшую внуку

свою и скончалась вскорѣ потомъ, скорбя о бѣдствіяхъ отечества. Супругъ Ульрики Элеоноры былъ объявленъ генералиссимусомъ Шведскихъ войскъ; ему и Армфельдту поручена была Карломъ XII-мъ защита Шведскихъ береговъ отъ нападеній Датчанъ и Руских.

Вмѣсто мирныхъ предложеній, Король Шведскій послалъ гордые протесты Королю Прусскому, Герцогу Мекленбургскому и Курфирсту Ганноверскому, упрекая ихъ за принятіе участія въ союзѣ враговъ его. Не признавая Августа королемъ, онъ подтвердилъ титулъ Польскаго короля Станиславу, и отдалъ ему въ пожизненное владѣніе небольшое герцогство Цвейбрикское (de Deux-Ponts), принадлежавшее Швеціи, обѣщая возвратить ему престолъ Польскій. Граматами своими Карлъ XII-й старался усилить раздоры въ Польшѣ, призывая Поляковъ возстать за своего законнаго государя. Онъ требовалъ немедленнаго очищенія Бремена и Вердена отъ войскъ Ганноверскихъ, и Штетина и крѣпостей Пенаминда и Узе-

дома, въ устьи Одера, отъ войскъ Прусскихъ. Пруссія и Ганноверъ отвергли предложенія. Карлъ XII-й *объявилъ* имъ войну.

Такимъ образомъ къ прежнимъ врагамъ, Россіи, Даніи и королю Августу, прибавились еще два сильные непріятеля, *Ганноверъ* и съ нимъ *Англія*, ибо королева Анна умерла въ 1714 году и Курфирстъ Ганноверскій наслѣдовалъ престолъ Великобританскій, подъ именемъ короля Георга I-го. Оскорбленный Георгъ, непримиримый въ мщеніи, гордый, суровый характеромъ, поклялся уничтожить надмѣннаго противника. Не менѣе короля Георга гордый, суровый и мрачный, король Прусскій Фридрихъ Вильгельмъ (отецъ Фридриха Великаго) оскорбился поступками Карла XII-го.

Слѣдствіемъ всѣхъ сихъ неожиданныхъ обстоятельствъ было возобновленіе союза Даніи и короля Августа съ Царемъ и присоединеніе къ сему союзу Пруссіи и Англіи съ Ганноверомъ. Опасеніе самовластія Царя уничтожалось передъ оскорбленіемъ, какое наносилъ

союзникамъ Царя безсильный, но неукротимый Король Шведскій.

Не вспоминая прежняго, Царь обрадовался перемѣнѣ политическихъ отношеній и спѣшилъ воспользоваться выгодами, какія изъ сей перемѣны представлялись ему.

Союзники положили общими силами и немедленно осадить и взять Стральзундъ и Висмаръ. Ганноверскія войска должны были соединиться съ Датскими и Прусскими, а эскадры Англійская и Датская крейсировать въ Балтійскомъ морѣ, отрѣзывая сообщенія Стральзунда съ Швеціею. Царь обязывался соединить Русскую эскадру съ союзными и прислать новый корпусъ войскъ въ Померанію. Но онъ усильно возобновилъ свои предложенія Датскому Королю о высадкѣ въ Швецію. Переговоры о томъ шли медленно и нерѣшительно, хотя 1715 годъ начался приготовленіями къ войнѣ въ Швеціи, Пруссіи, Англіи, Даніи, Россіи и Ганноверѣ.

1715-й годъ былъ достопамятенъ въ исто-

ріи Европы кончиною Людовика XIV-го. Малолѣтный внукъ его, Людовикъ XV-й возведенъ былъ на престолъ, и управленіе Франціи перешло въ руки Регента, Герцога Орлеанскаго, и любимца его, кардинала Дюбуа. Освобожденный отъ опасеній со стороны Франціи, Императоръ приступилъ къ войнѣ, которую несчастливо вели въ то время противъ Турковъ Венеціяне.

Такимъ образомъ раздоръ сѣверныхъ державъ не могъ обратить ни чьего посредничества, тѣмъ болѣе, что Карлъ XII-й отвергъ всякое вмѣшательство Императора и Франціи. Онъ хотѣлъ рѣшить споръ оружіемъ.

Назовемъ ли великимъ зрѣлищемъ борьбу, гдѣ Карлъ XII-й, безъ войскъ, безъ средствъ, безъ надежды на побѣду, сталъ одинъ противъ столькихъ непріятелей? Нѣтъ! Его борьба походила на рыцарское похожденіе, подобное Бендерской битвѣ съ Оттоманами!

Онъ не могъ двинуть войскъ, ибо не имѣлъ ихъ, и рѣшился запереться въ Стральзундѣ

съ 12,000-ми гарнизона. Сей гарнизонъ, 16,000 человѣкъ, стоявшихъ въ Остро-Ботніи, около Стокгольма и въ Сканіи, и 2500 человѣкъ, запертыхъ въ Висмарѣ, составляли все войско Карла XII-го. Шведскій флотъ не смѣлъ оставить Карлскроны. Карлъ XII-й далъ позволеніе Шведскимъ каперамъ производить поиски по Балтійскому морю, и нѣсколько захваченныхъ ими Англійскихъ и Прусскихъ судовъ еще болѣе усилили непріязнь Георга и Фридриха Вильгельма. Въ началѣ лѣта 20,000 Пруссаковъ, 8000 Саксонцовъ, 5000 Ганноверцовъ, 20,000 Датчанъ пошли къ Стральзунду. Эскадры Англійская и Датская явились на Балтійскомъ морѣ.

Не описывая паденія твердыни Стральзундской, обратимся къ дѣламъ Царя въ 1715 году. Труды и заботы нерѣдко развлекалъ онъ шутками и забавами особеннаго рода. Такова была полукомическая церемонія похоронъ царскаго карлика, умершаго въ концѣ 1714 года. Гробъ везли на маленькихъ лошадкахъ и тол-

на карликовъ и карлицъ провожали его. Царь со всемъ Дворомъ своимъ слѣдовалъ за ними. Послѣ новаго года было веселое празднество: бывшій нѣкогда царскій учитель, Зотовъ, уже возведенный въ высшіе чины и графское достоинство, уважаемый Царемъ, но всегда называвшійся *Княземъ-Папою*, овдовѣлъ, и вздумалъ на старости лѣтъ опять жениться. Царь позволилъ сей бракъ, но свадебный поѣздъ Князя-Папы составленъ былъ изъ маскерада, въ коемъ участвовали самъ Царь, Дворъ его, военные и гражданскіе чиновники и иностранные послы. Разнообразно одѣтые, поѣзжане шли и ѣхали по Петербургу. Въ странные экипажы запряжены были, кромѣ лошадей, волы, медвѣди, лоси. Шумъ музыки сливался съ пушечною пальбою. Старики, одѣтые пажами, подчивали гостей на свадьбѣ. Толстяки, въ одеждѣ скороходовъ, бѣжали впереди поѣзда. Самый позывъ гостей, написанный Царемъ «въ веселой компаніи,» составлялъ рядъ шутокъ. Велѣно было въ началѣ

звать «*всепренеосвященнаго Князя-Папу*,» а потомъ того, «кто родомъ старше чорта;» того, «кто кромѣ души весь въ заплаткахъ;» того, «кто немного учился, да за то ничего и не знаетъ;» того, «кто неусыпающаго сумасбродства президентъ;» того, «кто надъ всѣми бочками коммендантъ;» того, «кто двѣ недѣли чижика искалъ, да не сыскалъ;» того, «кто съ похмѣлья прытокъ,» и проч. Каждое такое *прозванье* означало кого либо изъ людей, участвовавшихъ въ дружескихъ бесѣдахъ Царя. Пиры свадебные продолжались нѣсколько дней.

Но, какъ всегда, потѣхи Царя не мѣшали дѣлу, и во время ихъ Царь безпрерывно засѣдалъ въ Сенатѣ, работалъ на верфи, велъ дипломатическіе переговоры и готовился весною въ морской походъ. Онъ самъ хотѣлъ быть на эскадрѣ, назначаемой для крейсированія въ Балтійскомъ морѣ. Въ Февралѣ онъ ѣздилъ въ Кронштадтъ, и возвратясь въ Петербургъ заложилъ огромный корабль. Въ Ап-

рѣлѣ Русскіе корабли вышли въ морѣ и захватили нѣсколько Шведскихъ каперовъ. Въ Іюнѣ Царь отправился въ экспедицію, посѣтилъ Гапсаль и Ревель, и заложилъ новый портъ въ Рогервикѣ, на берегу Финскаго залива, между Ревелемъ и Гапсалемъ. Въ Іюнѣ подошли къ Ревелю Англійская и Датская эскадра. Царь, въ званіи вице-адмирала, угощалъ своихъ иноземныхъ товарищей и производилъ съ ними морскіе маневры. Остальные мѣсяца 1715 года онъ провелъ въ Петербургѣ, откуда посѣтилъ Кронштадтъ, Шлиссельбургъ и объѣхалъ окрестности, готовясь къ путешествію за границу въ слѣдующемъ году, и надѣясь, что наступило время совершиться его обширнымъ предпріятіямъ, которыя могли наконецъ даровать миръ Россіи, вопреки упрямству Карла XII-го и пронырствамъ Европейской дипломатики.

Дерзко вызывая на битву соперниковъ, Карлъ XII-й самъ началъ военныя дѣйствія. Отрядъ Шведовъ напалъ на Пруссаковъ, за-

нимавшихъ Пенаминдъ и Узедомъ, и овладѣлъ сими крѣпостцами, въ Маѣ 1715 года. Поручая защиту ихъ старому офицеру, полковнику Крузе-Штолпе, Карлъ XII-й прислалъ ему слѣдующее письмо, когда услышалъ, что 5000 Пруссаковъ идутъ отнять у Шведовъ обѣ крѣпостцы: «Не стрѣляйте, пока непріятель не подойдетъ ко рвамъ. Деритесь на валахъ штыками до послѣдней капли крови. Препоручаю васъ провидѣнію!» Крузе-Штолпе исполнилъ приказъ Короля. Онъ палъ въ бою. Крѣпостцы были сданы тогда только, когда изъ 250 Шведовъ осталось не болѣе ста человѣкъ.

Между тѣмъ громада союзныхъ войскъ облегла Стральзундъ. Осада въ началѣ шла медленно, хотя Прусскій и Датскій Короли сами предводили войсками. Только въ Октябрѣ открыли траншеи. Карлъ XII-й казался воскресшимъ при давно неслыханныхъ имъ свистѣ пуль и жужжаніи ядеръ. Не смотря на многочисленность осаждающихъ, онъ говорилъ,

что ему даже любопытно видѣть, какъ непріятели возмутъ Стральзундъ. Но какая храбрость устоитъ противъ опредѣленій судьбы неумолимой!

Первымъ несчастіемъ Карла XII-го было взятіе внѣшняго ретраншамента, защищавшаго крѣпость. Онъ примыкалъ однимъ краемъ къ непроходимому болоту, а другимъ къ морю. Нечаянно узнавши, что при западномъ вѣтрѣ море у береговъ мѣлѣетъ, непріятели взошли въ ретраншаментъ, идя въ бродъ по морю, когда ложная аттака отвлекла вниманіе осажденныхъ. Отчаянное сопротивленіе не помогло. Могли только отбить аттаку на самую крѣпость, и 80 пушекъ ретраншамента были мгновенно обращены на Стральзундъ. Вторымъ бѣдствіемъ было взятіе острова Ругена, защищавшаго крѣпость съ моря. Ноября 15-го принцъ Ангальтъ вышелъ на берегъ острова съ 15,000-ми войска. Карлъ XII-й бросился туда самъ и напалъ на непріятеля, успѣвшаго окопаться рвомъ. Нео-

жиданность и сила удара поколебали союзниковъ, но неравенство силъ было слишкомъ велико. Шведовъ отбили, стѣснили, окружили. Карлъ XII-й дрался въ ряду солдатъ, впереди всѣхъ, не думая о ранахъ и смерти. Другъ его и товарищъ неволи въ Демотикѣ, Гротузенъ палъ подлѣ него. Дюрингъ, сопровождавшій его въ возвратномъ пути изъ Турціи, легъ на трупы враговъ, зашищая его. Непріятели узнали, окружили Короля Шведскаго. Датскій офицеръ пробился къ нему и схватилъ его за руку, крича: «Сдайтесь, государь!» Король успѣлъ выхватить лѣвою рукою карманный пистолетъ и убилъ противника. Понятовскій, спасшій Карла XII-го подъ Полтавою и не хотѣвшій ни гдѣ разлучаться съ нимъ, спасъ его и здѣсь еще разъ, сражаясь съ нимъ рядомъ. Почти насильно увлекъ онъ Карла XII-го и въ лодкѣ перевезъ его въ Стральзундъ, подъ градомъ пуль и ядеръ. Островъ Ругенъ былъ занятъ. Гибель была явная. Началось бомбардированіе. Пальба не умолкала

*

день и ночь, бомбы сыпались въ городъ и ядра летѣли въ крѣпостмые валы. Еще цѣлый мѣсяцъ защищался Карлъ XII-й, оказывая чудеса безстрашія и отваги, самъ ходя вь вылазки, стоя по цѣлымъ часамъ подъ градомъ ядеръ. Бомба упала въ домъ, имъ занимаемый, пробила потолокъ и лопнула въ комнатѣ подлѣ королевскаго кабинета. Король въ кабинетѣ своемъ диктовалъ въ ту минуту письмо. Разрушеніе, отъ коего задрожали стѣны, ужаснуло секретаря. Перо выпало изъ руки его. «Что ты?» спросилъ его Карлъ XII-й, не перемѣняя своего положенія. Дрожащій секретарь могъ только выговорить: «Государь! бомба!» «Она дѣлаетъ свое дѣло, а ты дѣлай свое» — отвѣчалъ ему Король—«пиши!»

На грудѣ развалинъ, среди разрушаемыхъ валовъ и изувѣченныхъ труповъ, Карлъ XII-й выдержалъ два страшные приступа. Непріятели готовились къ третьему. Карлъ XII-й не уступалъ. Тщетно слезы, мольбы и убѣжденія» немногихъ, остававшихся въ живыхъ защитни-

ковъ Стральзунда убѣждали его удалиться изъ крѣпости. Только мысль о томъ, что онъ могъ попасть въ плѣнъ, и что бѣгство изъ Стральзунда было опасно неменѣе пребыванія въ немъ, рѣшили Карла XII-го на побѣгъ. Море было усѣяно судами непріятельскими и съ Ругена день и ночь стерегли, чтобы не вышло какое нибудь судно изъ Стральзунда. Выбрали небольшой ботъ, съ парусами и веслами, отобрали десять удалыхъ гребцовъ, проломали ледъ около берега для прохода и 19-го Декабря Король Шведскій простился съ вѣрными товарищами. Ночью ботъ пустился въ море на греблѣ. Непріятели замѣтили его, ударили тревогу, пустились въ погоню; съ береговъ загремѣли пушки—однимъ ядромъ съ Ругена сломило мачту на ботѣ, другимъ убило двухъ гребцовъ подлѣ Карла XII-го. Онъ спокойно сѣлъ за весло на мѣсто одного изъ нихъ и темнота скрыла его отъ погони. Но надобно было переплыть море, бурное, гибельное осенью и зимою. Легко могли встрѣ-

гиться въ морѣ съ непріятелемъ. Судьба еще берегла Карла XII-го. Шведскій корабль встрѣтилъ его и перевезъ благополучно на родной берегъ. Онъ вышелъ вв городкѣ Треллеборгѣ и увидѣлъ свою Швецію послѣ *пятнадцати лѣтняго* отсутствія. Какое грустное возвращеніе! Сколько событій въ сіи годы и что ожидало его въ будущемъ!

Стральзундъ сдался союзникамъ на другой день послѣ отъѣзда Короля. Остатокъ Шведскаго гарнизона объявленъ военноплѣннымъ.

Выходъ Русскихъ кораблей въ море и участіе небольшаго Русскаго флота въ осадѣ Висмара составили все пособіе Царя его союзникамъ, хотя ему хотѣлось участія болѣе дѣятельнаго. Мы видѣли, что тревога, причиненная возвращеніемъ Карла XII-го, и оскорбительное упрямство его, заставили союзниковъ Царя забыть прежнія неудовольствія и они требовали помощи его. Царь немедленно велѣлъ корпусу войскъ Шереметева вступить въ Польшу и идти въ Померанію. Но отношенія поли-

тическія мѣнялись мгновенно и безпрестанно. Враги Царя снова успѣли возбудить въ союзникахъ непріязненныя противъ него чувства. Соображеніе дѣлъ подавало имъ надежду, что они управятся съ Карломъ XII-мъ и безъ пособія России. Съ другой стороны, король Августъ изъявилъ величайшее неудовольствіе Царю и имѣлъ на то причины основательныя.

Хотя уже не было никакого явнаго повода, но Царь не выводилъ изъ Польши Русскихъ войскъ, не отдавалъ Риги, спорилъ за Курляндію, и продолжая прежнюю политику, управлялъ Польшею. Король Августъ, рѣшился поступать смѣлѣе. Подъ предлогомъ укрощенія мятежей, онъ усилилъ Саксонское войско въ Польшѣ и насильственными мѣрами хотѣлъ утвердить власть свою. Волненія Поляковъ превратились въ явный мятежъ. Въ Ноябрѣ 1715 года образовалась противъ Короля вооруженная конфедерація. Августъ послалъ противъ нея своихъ Саксонцовъ.

Конфедераты дрались съ ними, и къ досадѣ Августа, Царь обьявилъ, что не допуститъ посягательства на права и вольности Польской Рѣчи Посполитой. Объявленіе Царя обрадовало противниковъ Августа, и когда Шереметевъ вступилъ съ войскомъ въ Польшу, Августъ употребилъ всѣ старанія внушить союзникамъ подозрѣнія и затруднить дальнѣйшій походъ Шереметева. Царь понялъ хитрость. Съ досадою писалъ онъ Шереметеву и Долгорукому, послу своему въ Варшавѣ: «Дивлюсь, какъ вы умъ потеряли, и на старости лѣтъ, будто дураки, даете водить себя за носъ какому нибудь плуту Флемингу, у котораго плутовство ремесломъ сдѣлалось, а хитрости плугъ и соха!» Но пособить было невозможно, ибо Стральзундъ и безъ того готовъ былъ покориться. За то Русскія войска не вышли изъ Польши, а Царь писалъ на жалобу короля Августа, что онъ самъ явится переговаривать съ нимъ и съ своими союзниками. Безпрерывно старался онъ доказывать имъ,

что завоеванiемъ Померанiи невозможно будетъ принудить къ миру Карла XII-го и непремѣнно надобно предпринять высадку въ Швецiю. Въ слѣдствiе сего, говорилъ Царь, оставляю я свои войска въ Польшѣ, дабы по первому знаку весною могли они идти въ походъ, а между тѣмъ просилъ онъ союзниковъ заботиться о заготовленiи продовольствiя и выходѣ флотовъ въ море, сколько можно ранѣе весною 1716 года. Дѣло оставалось нерѣшеннымъ, когда Января 27-го 1716 года Царь, съ супругою и немногими приближенными, выѣхалъ изъ Петербурга, не смотря на приключившуюся ему тогда болѣзнь. Февраля 1-го былъ онъ въ Ригѣ. Въ Митавѣ распорядился онъ управленiемъ Курляндiи, и черезъ Кенигсбергъ, прибылъ въ Данцигъ, гдѣ ожидалъ короля Августа, прося Датскаго Короля прiѣхать для свиданiя въ Стральзундъ. «Я самъ поспѣшилъ бы въ Копенгагенъ,» писалъ ему Царь, «но болѣзнь препятствуетъ мнѣ пуститься въ столь дальнiй путь.»

Впрочемъ, еще изъ Риги Царь увѣдомилъ Меншикова, что *съ удаленіемъ отъ Петербургскихъ хлопотъ* онъ чувствуетъ себя гораздо лучше.

Изображая политическія и военныя событія 1714-го и 1715 годовъ, мы не говорили о разныхъ дѣлахъ, занимавшихъ въ сіи годы Царя, и о частныхъ происшествіяхъ въ Россіи.

Царь обратилъ въ сіи два года особенное вниманіе на отношенія съ Азіею. Война Зюнгорцовъ и койтайши ихъ съ Китайцами и униженіе сихъ гордыхъ сосѣдей сильными врагами, давали ему надежду на обширное вліяніе Россіи въ дѣла средней Азіи. Занятой дѣлами въ Европѣ, Царь ограничивался однакожь сношеніями и собраніемъ свѣдѣній. На другой годъ послѣ прибытія въ Петербургъ Персидскаго посла явился Хивинскій посланникъ. Царь отправилъ въ Персію посломъ Артемія Волынскаго и послалъ для переговоровъ въ Пекинъ агента своего

Лоренца Ланга. Слухъ о песочномъ золотѣ, находимомъ въ закаспiйскихъ степяхъ, подалъ Царю мысль воспользоваться симъ открытiемъ. Сибирскому генералъ-губернатору велѣно было снарядить эксцедицiю изъ Тобольска въ Бухарiю, построивъ крѣпость на Ямышевскомъ озерѣ. Князь Бековичъ-Черкаскiй отправленъ былъ для обозрѣнiя степей черезъ Каспiйское море. Извѣстiя, привезенныя имъ, побудили Царя послать его вновь въ Хиву съ отрядомъ Русскихъ войскъ. Набѣгъ Нагайскихъ Татаръ заставилъ Царя принять строгiя мѣры противъ сихъ хищниковъ. Черногорскiй Митрополитъ явился въ Петербургъ, съ просьбою Царю вступиться въ несчастное состоянiе единовѣрцовъ его въ Турецкихъ областяхъ, обременяемыхъ всякими бѣдствiями послѣ возстанiя ихъ въ 1711 году. Не полагая надежды на дружбу съ Императоромъ и Венецiянами, и опытомъ извѣдавши трудность воевать противъ Оттомановъ, когда всѣ усилiя свои на-

правлялъ на окончаніе войны съ Швеціею, Царь ограничился изъявленіями Митрополиту дружбы, отнюдь не желая подать повода къ разрыву съ Султаномъ, и не обольщаясь побѣдами принца Евгенія, завоевавшаго въ 1717 г. Сербію и Валахію, когда напротивъ Венеціяне потеряли Морею. Потому Царь довольствовался только жалобами Крымскому Хану на Нагайцовъ, не преслѣдуя ихъ оружіемъ. Изъявляя Черногорцамъ свое участіе, онъ отправилъ значительное количество денегъ и подарковъ въ Черногорію.

Царское семейство потерпѣло въ сіи годы многія потери. Въ 1715 году скончалась двухъ-лѣтняя дочь Царя *Наталія*, но его порадовало рожденіе внука, царевича *Петра* (12-го Октября 1715 г.), въ послѣдствіи бывшаго императоромъ. Внучка Царя, царевна *Наталія* родилась въ 1714-мъ году. Къ прискорбію Царя, черезъ десять дней по рожденіи сына скончалась мать новорожденнаго, супруга царевича Алексѣя, послѣ четырехъ-

лѣтняго супружества, бывшаго цѣпью безпрерывныхъ скорбей и страданій. Царевичъ Алексѣй былъ виною тяжкой печали своему родителю. Царь обрадовался, когда Октября 27-го 1715 года Богъ даровалъ ему сына. Онъ нарекъ его своимъ именемъ, *Петръ*, и въ восторгѣ писалъ Шереметеву: «Объявляю вамъ, что Богъ даровалъ мнѣ маленькаго рекрута,» — «дай Богъ видѣть его въ полѣ подъ ружьемъ» — прибавилъ онъ въ другомъ письмѣ, а въ третьемъ, къ морякамъ, назвалъ его «маленькимъ матросомъ.» — Въ началѣ 1716 года скончалась вдова царя Ѳеодора Алексѣевича, царица *Марѳа Матвѣевна*, а въ Іюнѣ того же года, родная по матери и любимая сестра Царя, царевна *Наталія Алексѣевна*.

Особенную заботу Царя составляли въ сіе время строеніе кораблей и устройство Балтійскаго флота, необходимаго къ дальнѣйшему успѣху войны. Огромные корабли безпрестанно закладывались и спускались на воду въ Петербургѣ. «Товарищи!» говорилъ Царь, пи-

руя съ своими сотрудниками при спускѣ корабля въ 1714 году, «кто изъ васъ за двадцать лѣтъ могъ сказать, что мы будемъ побѣждать непріятеля на Балтійскомъ морѣ, плавая въ корабляхъ, которые мы сами построили, или что мы поселимся здѣсь, увидимъ сильное войско, дѣятельную торговлю, ученіе въ нашемъ отечествѣ, и заставимъ уважать себя самыхъ просвѣщенныхъ народовъ? Науки и просвѣщеніе гости въ различныхъ странахъ. Они были нѣкогда жителями Греціи, перешли въ Европу, а теперь явились и у насъ. *Молитесь и трудитесь*! Вѣрю и предчувствую, что нѣкогда Рускіе превзойдутъ, другіе народы величіемъ подвиговъ и славою!» Устройство Петербурга, гдѣ уже сосредоточивалась тогда вся государственная дѣятельность Россіи, можетъ быть, даже съ излишкомъ увлекало Царя. Въ 1714 году въ Петербургѣ считалось уже до 35,000 домовъ и зданій, но Царь все еще не былъ доволенъ. Онъ повелѣлъ, чтобы каждый помѣщикъ, имѣю-

щій не менѣе 100 душь, строилъ себѣ домъ въ Петербургѣ. Постройкою ихъ обязывались также купцы, фабриканты, чиновники. Въ 1714 послѣдовалъ указъ, коимъ каменщики изъ всѣхъ мѣстъ Россіи обращены были въ Петербургъ и во всей Россіи запрещено было строить, впредь до повелѣнія, какія либо каменныя зданія. Въ 1716 году было большое наводненіе, встревожившее жителей Петербурга. Царь не щадилъ вознагражденія раззорившимся. Въ 1714 году отпуски за море Русскихъ произведеній велѣно изъ Архангельска перевесть въ Петербургъ.

Великое огорченіе ощутилъ Царь, когда открылись злоупотребленія по присутственнымъ мѣстамъ, и особливо по финансовой части, подрядамъ, откупамъ и поставкамъ. Лихоимство и корыстолюбіе увлекли въ преступленіи однихъ—другіе не смѣли, или не хотѣли открыть истины. Царь учредилъ особенную Коммисію и подвергъ суду и изслѣдованію всѣхъ виновныхъ, не щадя никого.

Меншиковъ оказался первымъ преступникомъ. Кромѣ него подверглись гнѣву Царя Брюсъ, Апраксинъ, Долгорукій. Только заслуги виновныхъ и необходимость сохранить ихъ на службу отечества, при чистосердечномъ раскаяніи, склонили Царя къ помилованію. Но виноватые должны были взнести все, что похитили въ казнѣ и присвоили себѣ беззаконно. Меншиковъ каялся Царю даже во всѣхъ хищеніяхъ, какія производилъ онъ бывши за границею и начальствуя войсками въ Польшѣ и Помераніи. Желая удалить поводъ къ лихоимству, Царь увеличилъ жалованье всѣмъ чиновникамъ, и тѣмъ строже опредѣлилъ наказанія каждому, кто и послѣ такихъ щедротъ его увлечется во взяточничество и мздоимство.

Жалѣя о заблужденіяхъ раскольниковъ, Царь прекратилъ строгія мѣры, какія до того времени противъ нихъ принимались, и только поощрялъ ревность служителей Церкви, обращавшихъ заблуждавшихся убѣжденія-

ми и духомъ кротости. Изъ числа такихъ ревнителей особенно отличался Питиримъ, архимандритъ, а въ послѣдствіи епископъ Нижегородскій. Успѣхи проповѣди его возбудили зависть его собратій. Царь изъявилъ имъ гнѣвъ свой, даже повелѣлъ подвергать смертной казни и лишенію имѣнія всякаго, кто будетъ препятствовать апостольскому благочестію Питирима.

Видя, что никакія убѣжденія и милости не преклоняютъ многихъ помѣщиковъ къ участію въ просвѣщеніи и въ службѣ отечеству, Царь рѣшился употреблять особенныя мѣры противъ коснѣвшихъ въ невѣжествѣ и укрывавшихся отъ службы. Повелѣно было отнимать помѣстья у всякаго неявляющагося на царскую службу, и отдавать ихъ тѣмъ, кто донесетъ на такихъ укрывающихся. Кромѣ того запрещено было дозволять жениться неграмотнымъ помѣщикамъ.

Въ 1714 году, въ день тезоименитства супруги своей, Царь учредилъ въ честь ея осо-

бенный орденъ, названный имъ *орденъ освобожденія*, во имя св. мученицы Екатерины, отъ чего въ послѣдствіи и названъ онъ былъ *орденомъ св. Екатерины*, съ утратою первоначальнаго названія. Какъ гроссмейстеръ ордена, Царица могла награждать имъ подвиги и заслуги особъ женскаго пола. Въ указѣ по сему случаю Царь изъявилъ супругѣ своей благодарность за ея мужество подъ Прутомъ. Впрочемъ, при жизни Царя ни кто не былъ награжденъ симъ орденомъ, и уже по кончинѣ его первыя получили его двѣ дочери Петра Великаго, великая княгиня *Анна* и великая княжна *Елисавета*.

Изъ учрежденій Царя въ отношеніи торговли и промышленности особенно замѣчательны указы, коими запрещалось строеніе прежнихъ, неуклюжихъ судовъ по внутреннему судоходству, и приказано было строить ихъ по новымъ образцамъ. Велѣно прилагать стараніе о размноженіи посѣва и произволства пеньки и льна. Юфть запрещено было вы-

дѣлывать дегтемъ и приказано употреблять вмѣсто него ворванный жиръ. Что забывалъ великій? Упомянемъ, для примѣра, что тогда же запретилъ онъ безобразныя поминки и вытье по покойникамъ; не велѣлъ простолюдинамъ подбивать сапоговъ острыми гвоздями, которые портятъ полы въ домахъ, и приказалъ замѣнять ихъ плоскими скобками. Запрещено было бросать писанную бумагу, лоскутья бумажные, поношенное бѣлье, и велѣно собирать ихъ и доставлять на фабрики бумажныя. Что могло укрыться отъ всезрящаго взора и всеобъемлющаго ума великаго преобразителя Россіи?

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Stanford University Libraries
3 6105 013 548 339

